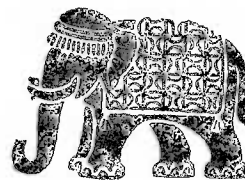

ПОВЕСТЬ О ЗАКОЛДО- ВАННЫХ ШАКАЛАХ

ДРЕВНИЕ
ТАМИЛЬСКИЕ
ЛЕГЕНДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1963

Перевод, предисловие и примечания
А. М. ПЯТИГОРСКОГО

ВВЕДЕНИЕ

«Есть народы, которые, подобно рыбам, выныривающим из бездонных океанских пучин и не оставляющим на синей морской ряби даже недолгого следа из зыбкой пены, внезапно возникают из черных, доисторических глубин на поверхности уже цивилизованной истории, неся с собой богатую и самобытную культуру, устоявшуюся литературную традицию, тонкий поэтический вкус, поразительную изысканность в выборе чувств, предметов и ситуаций, превращенных затем под пером поэтов в темы, образы и сюжеты своей классики. К таким народам нужно отнести и тамилов. Попробуйте представить себе древних греков без крито-микенской культуры, древних римлян — без этрусков и кельтских италийцев, наконец, оставивших веды¹ арийцев, заселивших Северную Индию, — без оставивших Авесту² арийцев, заселивших Иранское нагорье. Не таковыми ли явятся взору историка тамилы, уже к началу нашей эры почти полностью утеревшие память о своем далеком прошлом и не сохранившие до периода письменных источников следов своей первобытности?»

Эта характеристика, данная в начале 50-х годов известным тамильским литературным критиком Кируш-

Ответственный редактор
Е. П. ЧЕЛЫШЕВ

¹ Веды — древнейшие священные книги индийцев, созданные, очевидно, в X—VI вв. до н. э. Веды содержали гимны в честь различных богов и божеств (особенно в честь Агни — бога огня, Сомы — священного напитка и Индры — бога молнии и атмосферных явлений), а также описание важнейших древнеиндийских обрядов и мифов.

² Авеста — священная книга зороастризма, религии древних иранцев. Была создана в VII—V вв. до н. э.

наном из Джафны³, в общем остается верной и по сю пору, хотя исследования последних десяти лет и сделали несколько более достоверной предысторию этого удивительного народа.

Тамилы — один из четырнадцати основных народов Индии, и заселенные ими земли образуют штат Тамилнад («страна тамиллов»), главным городом которого является Мадрас⁴.

Тамилы принадлежат к народам, говорящим на языках дравидийской группы⁵ и почти целиком сосредоточенным на полуострове Декан. Однако есть факты, свидетельствующие о том, что еще в начале I тысячелетия до нашей эры дравиды жили далеко на север и северо-запад от их нынешнего местобитания. Но в отличие от индоарийцев, по-видимому пришедших в конце II тысячелетия до нашей эры в Индию с Иранского нагорья, ни путь, которым пришли дравиды в Индию, ни время этого прихода пока неизвестны. Кто знает, может быть, это они были жителями процветающих в III—II тысячелетиях до нашей эры городских поселений долины Инда (культура Мохенджо-Даро и Хараппы), открытых в 20-х годах нашего столетия английскими и индийскими археологами? Или, может быть, дравиды, будучи одним из древнейших ответвлений большой урало-алтайской семьи народов, пришли в Пенджаб через знаменитый Хайберский проход, лишь на несколько столетий опередив арийских скотоводов? Некоторые из современных европейских ученых полагают, что дравиды пришли в Индию через Южный Белуджистан одновременно с арийцами или даже немного позднее их и что дравидийская культура связана с древней цивилизацией Крита, Месопотамии и Элама. Многие североиндийские историки склонны видеть именно дравидов в темнокожих туземцах, о которых имеются упоминания в Ригведе и которые получили от пришель-

³ Джафна — город на севере острова Цейлон, являющийся культурным, литературным и идеологическим центром цейлонских тамиллов. Цитата заимствована из журнала «*la kēsarī*», 1957.

⁴ Раньше в поэзии страна тамиллов называлась Сэнтамилнаду — «страна прекрасного тамильского языка».

⁵ Кроме тамильского, к дравидийской группе принадлежит еще ряд языков Южной Индии (телугу, малаялам, каннада и др.), а также язык брахуи, на котором говорит одно племя, живущее в Белуджистане.

цев название *даса* — «раб». Эти же ученые полагают, что в отличие от скотоводов-арийцев дравиды, не знавшие ни коров, ни лошадей, занимались примитивным земледелием и имели свои укрепленные городские поселения, называемые *пура*.

Средневековые тамильские ученые-комментаторы считали дравидов выходцами из мифической Лемурии — северной части таинственного материка Гондвана, позднее якобы погрузившегося на дно Индийского океана. И сколь это ни странно, немало тамильских ученых и по сей день разделяют эту несколько фантастическую точку зрения.

Было бы разумным предположить, что период с V в. до н. э. до II в. н. э., который мы условно назовем «дописьменным», и был тем временем, когда тамилы, уже прочно обосновавшиеся на южноиндийской почве, переживали становление своего литературного языка и создавали свою устную литературную традицию, которая, послужив основой для письменной традиции «эпохи санги», возможно, и донесла до нее ряд древнейших стихов.

Фактов о жизни и культуре тамиллов, которые можно было бы приурочить к этому «дописьменному» периоду, крайне мало. К его началу, может быть, относятся мегалитические захоронения, найденные в 50-х годах нашего столетия. В одной из поздних наскальных надписей индийского императора Ашоки упоминаются «сыны Кералы», т. е. тамилы, живущие на Малабарском побережье в царстве Чера. О возделывании предками тамиллов риса может косвенно свидетельствовать факт проникновения в санскрит дравидийского слова «рис» (*ариси*, в санскрите *врихи*).

С концом «дописьменного» периода вполне можно связать данные, полученные в результате археологических раскопок в южной части Коромандельского побережья. Найденные там предметы роскоши (особенно ювелирные изделия), римские монеты, чужеземное оружие и посуда позволяют заключить о существовании в Тамилнаде в первые века нашей эры ряда крупных центров морской торговли, главным из которых был порт Кавэрипумпаттинам. Близ этого порта найдены также развалины римской торговой колонии.

И наконец к концу этого периода относятся упомин-

нания о тамилах в цейлонских буддийских хрониках. Там наряду с совершенно фантастическими описаниями борьбы «змей» (тамилов) с «птицами» (сингальцами) за обладание Цейлоном есть и конкретная историческая справка о прибытии в Тамилнад цейлонского царя Гаджабаху I для поклонения богине Каннахи. Возможно, что именно в конце «дописьменного» периода начинается эмиграция тамилов на Цейлон и острова Зондского архипелага.

Для нас достоверная история страны тамилов начинается с первых веков новой эры, т. е. с того времени, к которому относятся самые древние из литературных памятников. Древнее тамильское общество, по-видимому, первоначально не делилось на варны⁶ и имело свою, отличную от северной систему каст⁷. К началу новой эры тамильские касты были как бы «перераспределены» по варнам, образовав в своей совокупности исключительно сложную структуру, совмещавшуюся с деревенскими сельскими общинами, а может быть, и с городскими организациями типа ремесленных цехов, о которых говорится в эпических поэмах.

Во втором и тринадцатом наскальных эдиктах царя Ашоки упоминаются три тамильских царства: Чера, Пандия и Чола⁸. Первое было расположено на Малабарском побережье, на месте нынешнего штата Керала; его расцвет, по-видимому, относится ко II—V вв. н. э. Второе занимало территорию нынешнего штата Тамилнад на юг от реки Кавэри и было наиболее сильным в VIII—IX вв. Третье находилось между реками Пенер и Кавэри, занимая южную часть штата Андхра и северную штата Тамилнад; его расцвет приходится, вероятно, на IX—XIII вв. Властители этих царств непрерывно вели войны как друг с другом, так и с многочисленными вар-

⁶ Варна — самое широкое социальное подразделение древнеиндийского общества. Существовали четыре варны: брахманы (жрецы, священнослужители), кшатрии (воины, знать), вайшьи (земледельцы, ремесленники и торговцы) и шудры (лица, обслуживающие три первых варны, слуги).

⁷ Каста — замкнутая (часто эндогамная) социальная группа с одной или несколькими наследуемыми профессиями. В средневековой Индии существовало более тысячи каст.

⁸ В дальнейшем, когда будет говорить о царях этих династий, они будут называться соответственно Черан, Пандиян (или Пандий) и Чолан, согласно тамильскому написанию.

варскими и полудикими племенами, жившими как в пределах самой страны тамилов, так и на северо-востоке от нее. Почти все события, о которых говорится в древней тамильской литературе, разворачиваются в пределах этих трех царств.

Средневековые тамильские комментаторы черпали свои представления о возникновении тамильской литературы из древних легенд о так называемых сангах. Само это слово санскритское, первоначально означавшее «собрание», «сход», «община». (Так, в частности, называлась и древняя монашеская община, основанная Буддой.) У древних тамилов этим словом называлось общество, объединявшее великих поэтов, знатоков поэзии и мудрецов. Согласно легенде, переданной одним из комментаторов, впервые такое общество возникло на мифическом материке Лемурии, в мифической столице древнейшего царства тамилов Южной Мадуре. Члены этого общества, получившего название «первой (или ранней) санги», усаживались на особой волшебной доске, плававшей в священном водоеме мадурского храма. Поэт, стремящийся получить признание и достичь известности, должен был представить свои стихи на суд санги, и если стихи получали одобрение, то для их создателя тотчас же освобождалось место на доске. По преданию, в эту сангу входили не только люди, но и боги, волшебники и другие существа, наделенные сверхъестественными силами.

Ничто не говорит нам о реальности этой санги, существовавшей якобы около десяти тысяч лет назад. Вторая санга — «средняя» — была создана несколько тысяч лет назад в городе Кападапураме, который также представляется пока мифическим. Со средней сангой связан цикл преданий о приходе с севера на юг вишнуйских мудрецов — брахманов во главе с Агастьей, учеником которого, Тольхаппиянаром, была создана первая тамильская грамматика. Эта грамматика, очевидно, явившаяся первым обобщением поэтического и лингвистического опыта древних тамилов, сыграла в истории тамильской культуры такую же роль, как грамматика Панини в истории североиндийской культуры. Вместе с несколькими стихотворными отрывками и рядом имен поэтов и царей эта грамматика составила все то, что осталось позднейшим временам от средней санги.

Очевидно, подлинным началом древнетамильской литературы можно считать лишь стихи «третьей», или поздней санги. Поэты третьей санги создали огромное количество лирических стихов. Все, что сохранилось от третьей санги, было в V—X вв. объединено в два больших комплекса: «Восемь антологий» и «Десять лирических поэм». В стихах антологий и поэм в крайне условной манере описываются переживания возлюбленных, доблесть воинов и щедрость властителей, оказывающих покровительство поэтам. Мифологические ассоциации, религиозные переживания и мистические настроения занимают незначительное место в этой по преимуществу светской поэзии.

Рукописи этого или близкого к нему периода полностью отсутствуют. Все произведения дошли до нас в письменной редакции XI—XIII вв. (Язык же и почерк немногих сохранившихся надписей III—V вв. до сих пор не удалось в точности отождествить с каким-либо конкретным дравидийским языком и почерком.) Нам остается только предположить, что в тамильской, как и в ведийской, литературе существовала богатейшая устная традиция; она-то и донесла через многие поколения произведения древней поэзии до того периода, когда возникла письменность, вернее, до того времени, когда в «поле» письменности могла оказаться литература. (Прежде всего в «поле» письменности оказываются не литературные тексты, а эдикты, дарственные надписи и т. д.)

В VII в. начинается новое возрождение тамильской лирической поэзии, но не светской, каковой была поэзия антологий и поэм санги, а религиозной. Господствующим жанром стал гимн, обращенный к Вишну или к Шиве — двум основным богам древнейших культов юга. В этих гимнах образы санскритской мифологии и идеи санскритской религиозно-философской литературы причудливо сочетаются с чисто местными фольклорными элементами. Гимны эти связаны не только традицией, тематикой и позднейшим объединением в комплекс «Двенадцать священных сборников» (X—XI вв.) — их роднит одно чувство, одно настроение, одни идеи, весьма далекие от идей традиционных индийских философских систем, а также от джайнизма и буддизма. Авторы этих гимнов — Вадавуран, Алпар, Самбандар,

Сундарар — воспевали волшебника Шиву в том его ярчайшем, красочном образе, который был создан народной фантазией дравидийского юга, быть может, задолго до прихода арийских завоевателей к берегам Инда. Эти поэты, называемые шайва-бхакты («любящие Шиву»), подробно описывали не только объект своей любви — Шиву, но и свои чувства к нему, свои переживания, свои желания и надежды. В гимновых шиваитских стихах, так же как и в лирических стихах антологий и поэм эпохи поздней санги, эпический элемент был выражен чрезвычайно слабо.

Очевидно, наряду с письменно зафиксированными лирическими стихами существовали еще и устные легендарные рассказы об авторах этих стихов, о том, по какому поводу те или иные стихи были созданы, о различных обстоятельствах и лицах, упоминаемых в этих стихах. Эти рассказы были оформлены письменно гораздо позднее, в XII—XVI вв., в тамильских шиваитских пуранах⁹, из которых и взяты первые пять легенд.

Среди тамильских пуран наиболее интересными и самобытными являются *Тирувилеядал-пурана* («Пурана овященных игр Шивы»), созданная в XVI в. Паранджоти и повествующая о легендарных событиях в жизни поэтов и царей эпохи санги, а также о жизни поэта Маниккавашагара. *Вадавулар-пурана*, написанная Кадавун-муни, вероятно, в XIV в., целиком посвящена Маниккавашагару. *Перия-пурана* («Пурана о великих») содержит описание жизни большинства шиваитских поэтов — авторов стихов, вошедших в «Священные сборники». Эту пурану написал Секкилар, живший в XII в.

Со смертью поэта-бхакта обычно и рождалась легенда о его жизни и его поэтическом творчестве, легенда, воспринявшая как устную информацию современников, так и информацию, содержащуюся в стихах самого поэта. Проходило время, от нескольких лет до нескольких столетий, и такая легенда записывалась, приобретала автора и систематизировалась, т. е. включалась в соответствующий сборник. Последнее обстоятельство уже исключало возможность как перемены

⁹ Вообще о пуранах см. прим. 29 к «Повести о заколдованных шакалах». Тамильские пураны, созданные позднее, повествуют в основном о жизни бхактов и содержат гораздо меньше мифологического материала, чем санскритские.

автора легенды, так и сколько-нибудь существенной дальнейшей переработки.

Хотя сами эти поэты-бхакты жили в VII—XI вв., легенды о них были записаны лишь в XI—XVI вв. Знакомство с этими легендами показывает, что они были типологически исключительно схожи, вне зависимости от того, описывалась ли в легенде жизнь поэта VI или XI в. и производилось ли это описание в XI или в XVI в. Однако самым интересным является тот факт, что тип легенды (точнее, характер поведения бхакта, описанный в легенде) сохранялся и в позднейший период: он оставался прежним, когда рассказывалось о жизни поэта XVI в. и даже поэта XIX в., хотя творчество поэтов-бхактов весьма сильно менялось, а время, протекающее между смертью поэта и записью легенды о нем, все сокращалось.

Собранные в этой книге легенды можно разделить на две группы. Первую группу, в которую входят пять первых легенд, мы условно назовем «легендами о поэтах-бхактах».

В средневековой тамильской традиции бхакт совсем не обязательно должен был быть отшельником, более того, в обширной пуранической литературе жизнь бхактов представлялась исключительно яркой, полной острых и сугубо мирских ситуаций. Основные черты сюжета легенд первой группы можно представить себе следующим образом.

Герой-бхакт почти всегда был брахманом по варне, т. е. человеком, по преимуществу занимавшим самое высокое положение в социальной иерархии средневекового Тамилнада (вне зависимости от своего конкретного имущественного положения). После описания (обычно довольно стандартного) его рождения и условий воспитания следует изложение так называемого центрального эпизода сюжета, которому обязательно предшествует резкий конфликт: так, герой первой легенды Вадзуран идет на растрату царской казны, зная, что это неизбежно поставит его в противоречие не только с царем, но и с брахманской общиной. Бедняк Дхарми (герой второй легенды) по существу восстает против интеллектуального приоритета ученого собрания. И наконец центральный персонаж третьей и четвертой легенд — Сундарар — публично оспаривает решение пан-

чаята (совета старейшин) брахманской общины, подтверждающее его обращение в рабство. При этом бог Шива неизменно становится на сторону протестующего, нарушающего закон или традицию бхакта (обычно вмешательство Шивы происходит в самый последний момент, когда его любимцам грозит гибель, позор или унижение).

Другая важнейшая сюжетная черта легенд о поэтах-бхактах — проявление поэтического дара и начало поэтического творчества бхакта. Эта черта настолько обязательна, что даже когда герой-бхакт заведомо не имеет никакого отношения к поэзии (как тот же Дхарми), сам Шива пишет вместо него стихотворение.

И наконец овладение даром поэта и достигнутая с помощью Шивы победа в столкновении с обществом ведут не к отшельничеству, а к продолжению жизни в обществе, но эта жизнь, как правило, протекает у бхакта уже на более высоком интеллектуальном и духовном уровне, чем до «центрального эпизода», на уровне гораздо большей независимости от общества, хотя и не доходящей до полного разрыва с ним. А в том случае, когда этот разрыв происходит, он происходит на фоне демонстративного посрамления Шивой общества как взятого в целом (государство, община), так и в его микрокосме (семья, круг и т. д.).

Примыкающая к этой группе пятая легенда посвящена жизни популярнейшей до наших дней южноиндийской поэтессы Карайккал, жившей, очевидно, не позднее VII в. Сохраняя типичные черты предшествующих легенд, «Повесть об отшельнице Карайккал» прибавляет к ним и ряд новых. Если в «Повести о заколдованных щакалах» герой становится отшельником (во всяком случае внешне) лишь после окончания действия легенды, а герои второй и четвертой легенд не связывают своего служения Шиве и своей поэтической деятельности с отшельничеством, то у Карайккал уход из мирской жизни предваряет и то и другое. Она при этом последовательно порывает с семьей, кастой и обществом в целом, считая это необходимым условием начала своей поэтической биографии. Здесь безусловно сказались общая для средневековой индийской традиции особенность: родовые и кастовые связи считаются тем, что необходимо преодолеть в первую очередь ради любого

свободного творчества, как научного, так и художественного.

Возможно, что столь крайний социальный негативизм был связан с весьма тяжелыми условиями, в которых происходило становление феодализма в Южной Индии, когда в складывающиеся феодальные монархии оказывались втянутыми многие племена (и не только дравидийские), еще не вышедшие из стадии варварства. (Об одном из таких племен подробно рассказывается в последней легенде.) Представляется, что эта особенность входит в противоречие с древнеиндийской эпической традицией, где родовая (как патриархальная, так и матриархальная) преемственность не только не отрицается, но зачастую и входит в условие духовных достижений героя, в частности и его отшельничества.

Несколько особняком стоит третья легенда, которая служит как бы введением (и вместе с тем заключением) четвертой, объясняя и обосновывая отдельные моменты ее сюжета.

Примерно в одно время с появлением гимновой литературы начал создаваться и комплекс «пяти эпических поэм». До нашего времени дошли лишь три из них — *Шилаппадигарам*, *Манимехалей* и *Дживакасиндамани*¹⁰. Две первые являются буквально кладезем легендарного материала.

Поэмы существенно отличаются одна от другой по характеру сюжета. *Шилаппадигарам*, по преданию, была написана принцем Иланго — братом царя Черана Сентгуттувана. Вся она, за исключением, может быть, лишь нескольких мест, строго подчинена основной сюжетной линии — рассказу о злключениях купеческого сына Ковалана и его верной жены Каннахи. Прозаические вставки, многочисленные отступления и пространные описания не образуют дополнительных, побочных сюжетных линий. По существу в этой поэме четко выделена одна легенда, а все остальное — это те украшения и рассуждения, которые как бы призваны подготовить читателя эмоционально и интеллектуально к единственно правильному, с точки зрения автора, восприятию по-

следующих этапов рассказа. Поэма *Манимехалей*, созданная мадурским купцом Чаттанаром, построена совсем по другому принципу. Основная сюжетная линия является лишь рамкой, обрамляющей десятки побочных сюжетных линий, не связанных с первой. Общий тон первой поэмы весьма мрачен, настроение второй — умеренно оптимистичное. И наконец вторая поэма обладает гораздо большей этической устремленностью. Автор *Шилаппадигарам* прежде всего рассказчик, если он и поучает, то лишь самим материалом легенды; автор же *Манимехалей* — пропагандист, использующий буквально любую возможность, чтобы вложить в уста действующих лиц проповедь сострадания, человечности, духовной активности.

Трудно сказать что-либо определенное о времени создания этих двух поэм, но совершенно очевидно, что они были записаны значительно позднее того времени, к которому относятся описываемые в них события. Так, фигурирующий в *Шилаппадигарам* царь Черан Сентгуттуван синхронизируется с царем Цейлона Гаджабаху, жившим, согласно данным цейлонских буддийских хроник, во II в. н. э. Однако язык и стиль „поэм-близнецов“ настолько отличны от лирики санги, что трудно допустить их одновременное существование даже в пределах различных жанров. Значит, остается только предположить, что по крайней мере пять-шесть столетий устная традиция сохраняла и основной материал легенды и легендарных авторов. Последнее, впрочем, не удивительно, ибо в древней и средневековой индийской литературе авторов, очевидно, не волновал вопрос об „авторстве“. Зачастую они ставили вместо своего имени имя своего наставника, мифического основателя традиции либо даже имя какого-нибудь божества.

В легендах, легших в основу поэм-близнецов и названных «легендами второй группы», очень чувствуется влияние ряда индуистских концепций, и прежде всего концепции кармы¹¹. В легендах первой группы карма играет подчиненную роль. Действие совершается в основном в данном рождении героев. Самым большим достоинством действующего лица считается любовь к

¹⁰ От двух других поэм — *Валайбади* и *Кундалакеши*, связанных с буддийским палийским канонам, — остались лишь фрагменты. *Дживакасиндамани*, очевидно, была создана в конце I тысячелетия н. э.

¹¹ О карме см. прим. 34 к «Повести о заколдованных шакалах».

Шиве, а не его прежние поступки. Вся жизненная активность действующего лица, будь то плотская любовь к женщине, политическая деятельность или поэтическое творчество, приносит «благотворный плод», только если она происходит на фоне горячей приверженности Шиве. А воздаянием за это является ответная любовь Шивы к приверженцу. Если тот стремится к материальному благополучию, Шива наделяет его богатством; если он жаждет вызвать ответное чувство у любимой им женщины, Шива вызывает это чувство в ее сердце; если же он мечтает лишь о самом Шиве, то Шива дает ему слиться с собой, предварительно, однако, проведя любимого приверженца через ряд тяжелых испытаний. Все остальные боги играют здесь третьестепенную роль и ставятся много ниже людей — приверженцев Шивы.

В легендах второй группы человек выступает один на один с кармой. Если карма была дурной, возмездием для человека явится незнание им своей прежней жизни, незнание истинного пути, гибель в данной жизни и дурное рождение в будущем. Если же карма была хорошей, то в воздаяние человек познает свою прежнюю жизнь, познает истинные пути и в конце концов (если он проявит рвение к покаянию и самосовершенствованию) сможет избавиться от рождений в будущем. В легендах первой группы человек выступает один на один с Шивой. Единственным воздаянием за совершенное им в прошлом является любовь к Шиве, целью его действий в настоящем — ответная любовь Шивы к нему; в будущем же он получит от Шивы то, что пожелает сам. Но *бхакти* — любовь к Шиве — в этих легендах выступает в сугубо демократическом плане. Перед ней отступают все социальные различия и все кастовые предрассудки. Более того, весь подтекст, а зачастую и сам текст шиваитских пуран говорит о том, что *бхакт* прежде всего должен отказать от привилегий, связанных с принадлежностью к высокой социальной прослойке или с богатством. Эта тенденция особенно ярко выявлена в первой легенде, где герой, поэт Маниккавашагар, говорит о необходимости полного отказа от богатства и от высокого социального положения, и в четвертой легенде, где поэт Сундарар лишь тогда получает возможность воспевать Шиву, когда всеми формально признается то, что он раб и потерял право принадлежности к брахманам.

О конкретной социальной обстановке, в которой создавались легенды, сказать что-либо определенное очень трудно. Ведь события, отраженные в легендах первой группы, отделены от времени записи по крайней мере четырьмя столетиями — от *Теварама*¹² до *Перияпураны*. А *Тирувашагам* отделяют от *Тирувилеядал-пураны* 600 лет, стихи же эпохи *санги* были созданы за 800 лет до *Тирувилеядал-пураны*. Это слишком большие отрезки времени, чтобы можно было говорить о конкретной социальной обстановке, отраженной в этих произведениях. Однако можно с уверенностью сказать, что тамильский *бхакти* явился идеологической реакцией на брахманизм, связанный со становлением классового общества в Южной Индии. (На севере Индии *бхакти* явился выражением борьбы с феодализмом в XIV—XVII вв.)

В легендах первой группы бросается в глаза одна черта, составляющая яркий контраст с санскритской легендарно-сказочной литературой. Это — явное подчеркивание положительной роли брахманов; кшатрии же изображены, как правило, в самом непривлекательном свете. Даже в легендах второй группы, где в силу их буддийско-джайнской идейной направленности варновое и кастовое различие, казалось бы, не должны выступать особенно ярко, едва ли не все упоминаемые цари обрисованы крайне отрицательно, а брахманы даны в исключительно выгодном освещении. Между тем в стихах эпохи *санги*, стоящих по времени гораздо ближе к эпическим поэмам, главная роль безусловно принадлежит кшатриям — царям и мелким властителям, а брахманы там упоминаются гораздо реже.

Все перечисленные нами легенды построены так или иначе на религиозных сюжетах. Советскому читателю, впервые знакомящемуся с древней литературой Южной Индии, такая их особенность покажется странной и непривычной. Но она вполне объясняется специфическими условиями, в которых возникали и передавались из поколения в поколение повести и сказания, представленные в этой книге. В силу особенностей развития раннефеодального общества в Южной Индии, в силу известной

¹² *Теварам* — общее название первых шести книг комплекса «Двенадцать священных сборников».

стабильности социальной структуры и консервативности форм духовной жизни религия там явилась одной из основных форм общественного сознания и вместе с тем одной из основных сфер, в которых проявлялось художественное творчество.

Но религиозная форма сюжетов волшебных южноиндийских легенд ни в коем случае не должна закрывать от читателя их богатого, разнообразного и далеко не исчерпывающегося религией содержания. Тамильские легенды интересны своей исключительной самобытностью и оригинальностью сюжетов, переносящих читателя в мир образов и представлений, весьма отличных не только от известных нам сказок и легенд Ближнего и Дальнего Востока, но и от традиционной индийской мифологии и эпоса. В этих легендах, и по сию пору живущих в устной и песенной традиции юга, под одеждой экзотического индуизма скрываются высокие этические идеалы справедливости и духовной свободы, все то, что делает эти легенды непреходящей культурной ценностью.

Вместе с тем знакомство с тамильским легендарным материалом имеет и немалый познавательный интерес. Легенды являются до сих пор едва ли не единственным источником, из которого мы черпаем сведения об общественной жизни, мировоззрении, быте и нравах Южной Индии той далекой от нас эпохи.

Говоря о тамильских легендах, не следует забывать и о том, что они представляют огромную ценность как произведения художественного творчества. За всей пестротой и разнообразием волшебных образов и сверхъестественных ситуаций ясно проступает исключительное богатство и оригинальность художественного мировосприятия тамильских авторов, их необычайно тонкое понимание сюжета, умение отвлечься от второстепенного в описании героев, зоркость в отборе характеров, ситуаций и бытовых деталей.

Характер выбранных здесь источников и их перевода определялся прежде всего желанием составителя этой книги ввести читателя в мир южноиндийских волшебных легенд, столь непохожих ни на какие другие. Исходя из этого, отдельные легенды нами даны в переводе, а иные в пересказе — в тех случаях, когда восприятие перевода оказалось бы слишком сложным, третьи пере-

водились с использованием не одного, а нескольких тамильских источников. Так, первая глава и начало второй главы «Повести о заколдованных шакалах и царском советнике Вадавуране» — несколько сокращенный прозаический перевод первых 58 четверостиший «Рассказа о просветлении Вадавурана» из *Тирувилеядал-пураны*. Остальная часть второй главы — стихотворный перевод последних 27 строф этого рассказа. Третья, четвертая и пятая главы «Повести о заколдованных шакалах» представляют собой пересказ второй, третьей и четвертой частей *Вадавуран-пураны*. «Повесть о бедном брахмане Дхарми» — сокращенный пересказ «Рассказа о том, как Дхарми получил узелок с золотом» из *Тирувилеядал-пураны*. История Сундарара (третья и четвертая легенды), а также «Повесть об отшельнице Карайккал» представляют собой дословный перевод первой, начала пятой и двадцать четвертой частей *Перия-пураны*. Последние две легенды переведены с прозаического тамильского парафраза стихотворного текста «поэм-близнецов», сделанного в конце прошлого века замечательным тамильским историком, литературоведом и писателем Сваминатх Айёром. В этом парафразе исключительно выпукло представлены именно легенды, а многочисленные лирические отступления остаются в стороне. Но в этот прозаический перевод нами был вставлен ряд стихотворных отрывков, переведенных непосредственно с текста поэм.

Переводы и пересказы сделаны со следующих тамильских изданий.

parañcōti munivar, *tiruvīlaiyātal purāṇam*, tiru kāci maṭam, tiruppaṇantāl, 1951.

kaṭavuṇmakāmunivar, *tiruvataṅṭar purāṇam*, cennai, 1952.

maṇikkavācakar, *tiruvācakam*, uraiyācīriyar cu. na-vanīta kuruṣṇa pāratīyār, ilāṅkai, 1954.

cēkkaṭṭar, *periya purāṇam*, tiru kāci maṭam, tiruppa-
ṇantāl, 1950.

ilāṅkō *cilappatikāram mūlamum*, vē. cāmiṇātaiyar ar-
umpatavuraiyum, cennai, 1953.

cāttanār, *maṇimekalai mūlamum*, vē. cāmiṇātaiyar
arumpatavuraiyum, cennai, 1898.

mu. irākavalaṅkāṇ, cēraṇ cēṅkuṭṭuvan, matural, 1915.

В заключение я приношу глубокую благодарность

моему учителю г-ну Пурнам Соме Сундараму, оказавшему мне большую помощь в работе над легендами, а также Л. Б. Алаеву и А. Я. Сыркину, которые сделали ряд ценных замечаний по рукописи книги¹³.

¹³ Более подробные сведения об авторах и героях тамильских пуран, а также об идейно-философском и религиозном содержании пуран и «поэм-близнецов» приведены в книге: А. М. Пятигорский, *Материалы по истории индийской философии*, М., 1962. В этой же книге содержатся частичные переводы первой, третьей и четвертой легенд.

Ты волшебством своим в коней
шакалов превратил,
А жителей Мадур, столицы
Пандия могучего,
Ты превратил в безумных.
Ты, нетленный, под деревом
курунду восседающий
наставник,
Ты, сущность чью познать
столь трудно,
Ты, ослепительный, чей свет
превыше зренья,
Поток любви, собою
затопивший царство южное,
Отец! Не знаю я, что де-
лать мне, чего бежать, к
чему стремиться!

Маниккавашагар
Тирувашагам,
„Гирлянда радости“,
стих 7.

П О В Е С Т Ъ О ЗАКОЛДОВАН- НЫХ ШАКАЛАХ И ЦАРСКОМ СОВЕТНИКЕ ВАДАВУРАНЕ

1. О том, как Вадавуран рос,
как он возвысился при дворе
царя, и о том, как он отправился
в дорогу и прибыл в Перунтурей

История, о которой
здесь будет рассказано,
началась в стране тамил-
лов, в царстве Пандия,
в городе Вадавуре¹. Го-
род этот стоял над рекой
Вайгай, воды которой
тогда еще не вливались
в великое море, окружаю-
щее землю, а заполняли
находившееся поблизо-
сти озеро².

Счастлив, весел и оби-
лен был Вадавур, напол-
ненный звенящими голо-
сами радостных его жи-
телей, рокотом праздни-
чных барабанов, звонким

песнями, доносящимися с полей и садов, веселыми головами детей, распевających веды³, звоном жизни, бьющей в каждом теле. В этом-то благословенном месте в семье брахманов аматтияров⁴ милостью Шивы обрел свое рождение тот, кто впоследствии отринул завесу тьмы и разорвал цепь рождений⁵.

По имени своего города назван был мальчик Вадавураном. Необычным было начало его жизни — всем на удивление еще ребенком он в совершенстве изучил веданги⁶, а к шестнадцати годам уже знал веды и все шестьдесят четыре искусства⁷. А прекрасен он был, как сияющий спокойным, холодным светом молодой месяц.

Прослышав о столь чудесных способностях юноши, царь Пандии, Ариямарттана Пандиян, послал за ним и оставил его в своем доме. Там Вадавуран изучил еще законы Ману и другие дхармашастры⁸, а также книги о ратном деле, овладел ездой на слонах, конях и искусством править колесницей⁹. После этого стал он у царя главным советником и правителем государства. И так мудро он правил, что вскоре исчезли во всем царстве притеснения, насилия и произвол, чинимый невеждами. И если видел он что-либо несправедливое в делах царя, то прямо говорил ему об этом, неустанно направляя его по пути справедливости. Ложь и правду, добро и зло столь ясно в самых сложных обстоятельствах умел различать он, что стал как бы глазом царства, а все дурное и несчастье приносящее устранял он столь надежно, что стал как бы кольчужой царства Пандиев. Но за все это не искал Вадавуран ни награды в этом рождении, ни воздаяния в будущем.

Так обстояли дела, когда случилось одно событие, вдруг изменившее течение счастливой жизни царского министра. Однажды во время заседания совета явился к царю его конюший. Низко поклонившись повелителю, он стал поодаль и сказал:

— О царь, если в случае войны срочно понадобятся боевые кони, то не из чего будет выбирать. Одни пали от болезней, другие — от старости, а те, что остались, еле на ногах держатся. Нет у нас вихреподобных, о царь!

Посмотрел увенчанный цветами маргозы¹⁰ Пандий на своего великого министра, потом бросил:

— Откроешь нашу сокровищницу, возьмешь золото

и драгоценности, отправишься к морю, в порту купишь лучших привозных коней¹¹, доставишь сюда. Ступай.

Казалось бы ничего удивительного не было в таком поручении, но Вадавуран вдруг ощутил необычное стеснение в груди. Почему-то царский приказ приобрел для него особый смысл, никому из присутствующих неведомый, ему самому еще неясный. Не разумом — сердцем внезапно почувствовал он, что все его прошлое теперь бесконечно удаляется, становится едва различимым, а грядущее, новое лишь начинает различаться. Дали иного, будущего пути, как в тумане, встали перед его мысленным взором...

Но пока он шел еще по пути служенья царю и сделал все, как приказал повелитель. Отомякнул кладовую, взял нужные для покупки коней ценности, запер кладовую. Потом, как подобает, простился с Луноувенчанным¹². Вышел. Велел навьючить сокровищами верблюдов... Странную легкость ощущал он в груди своей. Оглянулся — пред глазами его сверкнула на солнце башня великого храма¹³, посвященного тому, кто буйволом большегорбым владеет¹⁴. Он вбежал внутрь храмовой ограды, поклонился Ганеше — слоголовому богу¹⁵, чьи виски блистают, словно в чистом озере омыты. Потом, войдя в храм, склонился Вадавуран к аллотосным стопам супруги Шивы Парвати и наконец приник к ногам того, кто некогда спас Варуну от боли в животе¹⁶.

И легко стало в груди его! И, возбужденный, радостный, обратился он к статуе Шивы, в чьих локонах луна прекрасная сияет¹⁷. И крикнул, но только сердцем крикнул, не устами:

— Все богатства, что сейчас со мною, — твои! Не видать Пандию боевых коней! Сокровища эти — для тебя и для тех, кто любит тебя, дабы твоей любовью смирить пять чувств¹⁸. Прими меня к себе, молю!

И, словно в ответ на эту мольбу, подошел к Вадавурану храмовый жрец¹⁹ и, согласно обычаю храма, вложил ему в руки священного пепла²⁰. Вадавуран приложил пепел ко лбу, приняв появление жреца, как благую примету. Затем простился с тем, кто ведами повелевает²¹, и пустился в путь.

Плавнo движется паланкин, колышутся горбы верблюдов. По обеим сторонам от паланкина — пешая

стража. Развеваются опахала из хвостов яков, труба звучит, древки зонтиков алеют. До моря еще неблизко. Задумавшись, одурманенный равномерным покачиванием, сидит в паланкине Вадавуран. На дороге вязко от тонкой пыли. словно прощальные видения, проносятся в его сознании картины детства, юности. Знает ли он, что как раз в этот момент, когда он в полузабытьи плывет в паланкине по жаркой и пыльной дороге, все дурные деяния, совершенные им в прошлых рожденьях, уравнились со всеми благими? Нет, он не знает этого! Но Шива — волшебник великий, избравший любимой обителью своей Южную Индию, тот танцор несравненный, что в исступление на сцене вселенной²² пляшет, — он знал об этом.

...Длинной цепочкой растянулся по дороге отряд Вадавурана. Легкая прохлада уже умерила послепопуденный зной, когда вдали показались строения города Перунтура²³. Затопленные рисовые поля, тенистые рощи, сады, наполняющие воздух ароматом цветов, проплывали мимо паланкина. И тогда овладело Вадавураном несказанное томленье. Оно растет и растет. Вот отряд подходит к ограде храма Шивы. Министр сходит с носилок. Он светел и радостен; он ощущает, как бьет в нем новая, иная жизнь. Нет больше юности и детства, нет Мадур²⁴ с ее прекрасным четырехбашенным дворцом. Нет царя, что за конями его отправил к морю. Да и коней нет! Какие кони?! Руки Вадавурана сами собою поднялись в приветственном жесте над головой. Прохожие с изумлением спрашивали друг у друга:

— Что это за человек, не сумасшедший ли он?

Мягко ступая и не желая унять радостную дрожь, Вадавуран входит внутрь храмовой ограды. Пред ним — пруд храмовой. В его прозрачной и прохладной воде совершает он омовенье. Затем, войдя во внутренний двор, направляется, чтобы почтить изваяние линги — священного детородного члена²⁴.

2. О том, как явился Вадавурану Шива и как исчез неожиданно

Вот что предстало очам царского министра.

В тени курунду-дерева²⁵ сидели молча Ученики. Среди них такие были, Которые себя рабами Шивы Назвали и путем любви шли к богу. И были те, чей путь отмечен был И подвигом, и действием великим, А также были те, кто, истину познав, Дорогой трудной знания шли к Шиве²⁶.

Сидели там сахаджа-йоги²⁷ также, Отвергнувшие подвиг, покаянье; Отвергнувшие время, возраст, тело, Отвергнувшие внутренний свой мир И внешний мир, снискав его презренье. Избравшие уделом мысль о Высшем.

И были там подвижники такие, Чье сердце, чье сознание, чьи чувства Растаяли, как масло близ огня. Их тело дремлет временами, но душа Все бодрствует во бденье неустанном. Для этих нет ни смены времен года, Ни дня, ни ночи, ни луны, ни солнца; Свет чистый Шивы — в них. Им нет нужды в светилах!

Вся их одежда — повязка на бедрах, Вся их посуда — горсть, Вся их родня — почитатели Шивы, Все украшения их — четки из рудракши²⁸, Постель — вся земля, от края до края, Крыша — все небо, от края до края, Дом — вся вселенная, все пространство.

А пред ними сидел их учитель, их брахман, Был он юный, как жизнь, а они были стары, как мир.

Молча сидящих он молча учил их

Тому, что неписано, тому, что неизречимо,
Ибо все, что сказано и что записано:
Все веды, пураны²⁹ — всё они знали.
И молча они обо всем рассуждали:
О шрути³⁰ и о вещах четырех³¹.
Он же, сидящий в позе падмасаны³²,
Держал в руках Сива-Ньяна-бодам³³ — книгу
священную.

Отвел глаза Вадавуран и понял тогда, кого дано
лицезреть ему. И, вспомнив о храмовом жреце, подумал,
что, верно, оправдалась благая примета. Подошел он
к чудесному наставнику, чувствуя, что никого в мире
не любит так сильно, как его. И Шива как лань попал
в сети его любви, а Вадавуран, уже порвавший сети
прежних деяний³⁴, к учителю явившийся без срока, без
времени, сам очутился в сетях его милости.

До земли поклонился Вадавуран великому гуру³⁵,
поставил его босые ноги себе на голову. Из глаз его
брызнули счастливые слезы. Гуру же возложил руки
свои худые ему на темя и посмотрел на министра взгля-
дом бесконечно добрым. И не стало для Вадавурана
ничего, кроме взгляда этого. Задрожал он, забился,
встали все волоски на теле его, захрипело, заклокотало
его горло... А из пересохшего рта вырвались внезапно
неслыханные дотолех стихи с рыданиями вперемешку.
Стихи эти были, как дождь из цветов, слова — как ру-
бины чистой воды, нанизанные на чудесной поэмы вол-
шебную нить.

— О поэт! — сказал Шива. — Отныне зовись Руби-
норечивым³⁶.

И вот сидит царский министр среди учеников Шивы,
смотрит на него, внимает голосу его молчания. От прош-
лого и привычного не осталось ни следа, ни тени, ни
намек, ни легкого привкуса, будто сидел он здесь
издревле среди учеников волшебного гуру и будто веч-
но дано этому длиться! Но еще протек миг, и вновь
немой голос прозвучал, заполнив собою все про-
странство:

— Я ухожу. Ты побудешь еще немного здесь. Хоро-
шо? — И Шива-наставник исчез.

3. О том, как Вадавуран сердцем своим искал Шиву и как Шива, явившись, пообещал доставить коней

Так Вадавуран сделался возлюбленным Шивы, так
он сделался поэтом.

В смятение пришел поэт. «Не сон ли это —
Чудесное явление его, чудесное
Его исчезновенье?...

Меня, пса жалкого, ввысь поманил он
И бросил здесь!» — так плакал Вадавуран.

«Ах, жизнь без тебя — не жизнь, а смерть,
Ах, мое тело отныне не мое — твое!
Отец, отец, отец! Скажи лишь слово —
И это тело я брошу в пропасть,
Спалю его в огне, проткну кинжалом
Отравленным!» — так плакал Вадавуран.

«Корове я подобен, от которой
Теленка увели, едва он родился.
Как жалобно мычит корова! Как же мне не
плакать,

Когда, едва явившись, ты себя увел
Прочь от меня» — так плакал Вадавуран.

Тоскуя тяжко, тяжело ступая,
Покинул храм министр.
А близ ограды, возле паланкина
Его возврата ждали воины и свита.
Но он едва взглянул на них
И бросил им сквозь зубы:

«Ступайте прочь. Я здесь останусь.
Царю скажите, что коней достал я.
Они придут вскоре и в количестве таком,
Что море не смогло бы поглотить их».

И воины, взойдя на колесницы,
Спеша коней погнали быстроногих,
Домчались до столицы и царю
Смирненно поклонились и сказали:
«Царь! Коня скоро будут!»
А царь в ответ не проронил ни слова.

Министр меж тем, оставшись в храме,
Все деньги, что царем были даны,
Отдал для Шивы и служителей его,
Как прежде обещал он адишайве³⁷.

Хватило денег на свершение пуджи³⁸
И на устройство празднества в честь Шивы,
На перестройку храма, на еду
Для тех, кто не имеет ничего —
Только любовь к Луноволосому.

Там проводил он дни, и с каждым днем
Его любовь росла — ей все труднее
Тесниться в нем, во храме, во вселенной.

Когда же месяц ади³⁹ наступил,
Когда созвездье Рака засияло в небе,
Царь к верному министру шлет гонца
И с ним письмо на пальмовом листе:
«Когда же будут кони? Истекает срок!»

Слуга царя, почтительно, как должно,
Он прочитал письмо. Но ведь теперь
Он стал слугою лишь тому, кто был
Началом, и Концом, и Серединой⁴⁰.

Теперь был дух его подобен полю,
Где сорняки земных его любовей
Прополоты, а семена любви к владыке
Под ливнем милости его произросли обильно⁴¹.

Но где же взять коней?.. Он возвратился в храм
И обратился к Шиве: «Господин мой!
Владыка края южного! Владыка мира!
Хозяин небожителей! Я отдал все
Тебе, твоим ученикам, рабам твоим⁴² и храму,
Но где же взять коней?»

Тогда раздался и заполнил все пространство
Владыки бестелесного могучий голос:
«В срок, мной назначенный, придут кони».

Министр в ликование шлет ответ царю:
«В срок, мной назначенный, придут кони».

Царь выслушал гонца и загасил тревогу.
Он эти вести получил на склоне дня,
Когда закат, умерив жар дневной,
Принес прохладу.

Вот тихая луна взошла над миром.
Заснул поэт. Но лишь забылся,
Опять ему явился Шива и опять —
В кругу учеников, сидящий молча,
Ведущий молчаливую беседу...
Ни слова не сказав ему, промолвил:
«Ступай к царю. Пора. А я с конями
Прибуду вслед».

Ликующий проснулся Вадауран
И думает: «Не только наяву,
Но и во сне его дано мне видеть!
Об этом даже боги не мечтают!»

Когда же солнце устранило тьму,
Поэт, что устранил души своей затменье,
Простился с Шивой и его рабами
И радостно пустился в путь к столице.

Вот он достиг Мадур, во дворец вступил,
Почтительно приветствовал царя.
Царь, на поклон ответив, спросил:
«Вы сколько взяли денег? Сколько
На них коней купили? Отвечайте!».

«Великий! — отвечал министр. — Много денег
Я взял, зато коней купил я
Столь много, что их счесть нельзя.
Они придут скоро, и тогда
Увидишь сам, что стоят эти кони».

Обрадовался царь и отпустил его,
А за усердие щедро одарил.
И Вадауран удалился в храм Минакши⁴³ славной.
Здесь свершил он
В священном водоеме омовенье,
Склонился перед Ганешей, потом
Пред рыбоглазой Парвати склонился
И поклонился несравненной линге⁴⁴ Шивы.

Вот наконец предстал он перед Шивой.
«Рубин мой! — он сказал. — Мой господин!
Ты мною овладел, рабом презренным.
Тебе я деньги дал, и ты их взял.
Ты, значит, рабство мое принял.
Теперь скажи: как сможешь ты доставить
Коней обещанных?»

Тогда раздался и заполнил все пространства
Владыки бестелесного могучий голос:
«Кто полон истинной ко мне любви, не бойся!
Я приведу коней, что резвостью своею
Коням небесным солнца ⁴⁵ не уступят!»

Покинул Вадавуран храм и видит —
У дома ждет его толпа. Там собрались
Все родичи трудолюбивые его,
Работники и преданные слуги,
Друзья и соглядатаи, а также
И тайные враги, что ждут его паденья.

Вот что они наперебой ему кричали:
«Законы Ману ⁴⁶ говорят: не к чести
Для брахмана быть кшатрия слугой ⁴⁷.
Но если быть слугой, так только честным!
Что скажет царь, когда он все узнает?

Нам ли учить тебя? Ты знаешь сам
Министра дхарму ⁴⁸, знаешь все законы.
Как же посмел ты обмануть царя?
На что надеялся?! Как вывернуться думал?!

Сам положил ты срок, когда придут кони, —
Срок истекает. Завтра спросит царь
С тебя коней, а ты что скажешь?
Да, ты хорош! Ты поступил отменно!

Коль о себе ты думать не желал,
Ты должен был подумать о других;
О родичах, о близких и о слугах,
Что от тебя зависят».

Так Вадавуран отвечал
всем, кто собрался там:

«У нас нет ни родных, ни близких,
С печалью расстались мы,
и с радостью порвали,
С телом никчемным расстались мы,
и с разумом глупым порвали,
С тех пор как прядеволосяй ⁴⁹
в сердце своем поселил нас.

Из всех дорогих обладаний
одним дорожим обладаньем:
Обладанием отвращенья
ко всякому обладанью.

Гордость в себе мы выжгли,
гнев мы в себе загасили,
Мы истребили стремленье
и к доброму и к дурному ⁵⁰.

Шива нам мать и отец ⁵¹,
наш друг и наставник.
Все, кто созданы им, — наши дети.
Бесстрастие — наша страсть,
Рождение — единственный враг наш.

Котлы всех стран и земель
варят для нас еду,
Циновка для нас — вся земля,
постель — от моря до моря.

Одежд нам не нужно — зачем?
Есть повязка на бедрах.
Украшенья нам — зачем?
Есть ожерелье — четки.
Умашенья для тела — зачем?
Есть у нас пепел священный.

Вечность ли мы проживем,
умрем ли мы через миг,
Царь обласкает ли нас
или казнить нас велит, —
Нам все едино теперь,
едино, что рай, что ад.

Память о Шиве вовек
при нас и от нас не уйдет;
Память о том, что ушло,
не вернется к нам никогда».

4. О том, как царь Пандий спросил: «Где же кони?»

О том, как кони прибыли в столицу, и о неизвестном, что привел их

Прошел еще день, но коней все не было. Вадавуран оставался у себя дома, волнуясь, ожидая, надеясь. Тем временем один из министров, человек сухой и подозрительный, к тому же втайне ненавидевший Вадавурана и с нетерпением ждавший падения царского любимца, явился к Ариямарттана Пандию, поклонился ему и сказал:

— Пребывай в благополучии и славе, о владыка! Я должен тебе сообщить нечто весьма важное. Тот, кто по твоему велению должен был закупить боевых коней и для того был послан в Перунтурей, все твои сокровища и деньги отдал монахам и отшельникам. А когда ты послал гонцов, торопя его с возвращением, он просто солгал, чтобы спасти себе жизнь. Вернувшись, он солгал еще раз. Смотри, царь, он ловко тянет время. Но правда все равно выйдет наружу!

С трудом сдерживая закипающий гнев, Пандий шлет конного гонца в Перунтурей, велит ему гнать и гнать и, подробно все разузнав, тотчас же быть обратно. Гонец, измученный, вернулся в тот же день и донес, что ни в самом Перунтурее, ни на дороге коней он не видел и ни от кого из встречных не слышал, что где-то поблизости гонят коней. Царь крикнул:

— Эй, кто там! Взять Вадавурана из дому! Эй, палачи! Пытать его до тех пор, пока не скажет, куда девал мои сокровища!

Опального министра, невзирая на высокую его касту, на глазах у всех горожан выволокли из дому и бросили в царский застенок.

— Отвечай, куда дел царские сокровища, что были даны тебе на покупку коней? Скорей, не то начнем пытку!

Он не отвечал.

На следующий день его связанного, с непокрытой

головой выставили на палящее солнце. Долгие часы стоял он на каменной площадке весь обожженный, с красными глазами. Не чувствуя боли, полностью потеряв ощущение тела своего, он едва шептал сухими губами:

— Я знаю, ты не забыл обо мне, ты не забыл обо мне, я — твой, а кони придут, я знаю...

Он не переставал беззвучно произносить слова эти, когда с заходом солнца палачи увели его в застенок.

...В лесах и рощах земли тамильской жило тогда великое множество шакалов. По ночам голодный плач их или радостный вой — когда случалось им набрести на какую-нибудь падаль — можно было слышать и близ селений, и у стен больших городов.

А волшебник чудный Шива, что начал свою чудесную игру, когда впервые явился Вадавурану под деревом Курунду, теперь решил продолжить божественную забаву. Новому любимцу он пообещал, что кони придут в Мадурю? Что ж! Играя, развлекаясь, силой волшебства своего он превратил всех шакалов южного края в коней, а шакалов небесных, тех, что в мире богов по лесам рыщут, — в погонщиков. Сам же превратился в торговца лошадьми и впереди огромного табуна поскакал. «На первом коне, что, заржав, из пены волн морских возник...»⁵². Вот так в миг единый безмерно возросло число участников божественной игры. Еще мгновение — и море ржания, ураган цоканья, вихрь шелканья бичей — все это покатилося по дороге из Перунтурей в Мадурю.

Ночь над Мадурой. Царь Пандий, звеня ножными браслетами, широкими шагами ходит взад-вперед по залам своего дворца. Ох, тяжело играть против того, кто никогда не проигрывает! Пандий сжимает рукоять сабли, шаг его все быстрее и быстрее, мысль его все стремительней: «Нет, он виноват, виноват! Он не привел коней, он растратил все золото. И наказание, которому я подверг его, — не произвол, а справедливость...»

Но пред очами Пандия все стоит его любимый министр, его юный друг, его постоянный советчик — обожженный жестокими лучами полуденного солнца. Из-под едва приподнятых красных век он смотрит на царя и взгляд его говорит:

«Все дающий — кто? Все берущий — кто? Ты говоришь, я растратил, я не привел... Сокровища, кони, я, ты сам — все это тонкая пыль, устилающая арену вселенной, по которой танцует он...»

И тут некий шум вторгается в молчание спящего города, в немоту погруженного во тьму дворца. Шум ползет, заполняет окраины, превращается в гул, рев, грохот. Ржанье тысяч коней, цоканье тысяч копыт, шелканье сотен бичей, резкое гуденье труб, бой барабанов, возгласы и крики изумленных горожан, топот бесчисленных ног... Собственного голоса не слышно. Весь город высыпал на улицу.

Запыхавшись, вбегают телохранители:

— Царь! Кони прибыли! Их много, бесконечно много! Они великолепны! Никто не видал таких!

Одно слово царя, и Вадауран сияющий, радостный покидает застенок. Царь осыпает его подарками, говорит, что отныне вечно, вечно будет верить ему...

И вот царь уже в паланкине. Его плечи украшены гирляндами цветов, испускающих аромат, крепкий и острый.

Скорей на площадь! Там уже все его советники, стража, поэты, конюшие. Река коней заливает широкую площадь. Впереди, в окружении погонщиков, восседая на коне столь прекрасном, что больно смотреть на него, — владетель всех этих неисчислимых табунов. Его тонкий стан опоясан ремнем из кожи змеиной, украшенным крупным жемчугом. За поясом кинжал дамасской стали. С его плеч, сильных и смуглых, свисала золотая цепь с зелеными и синими самоцветами. Ослепительно белый бурнус был одеяньем его. На бедрах — повязка из тончайшего шелка китайского. На голове — тюрбан, в руке — рукоять бича, что змеєю у ног его виляла. Лицо в сумерках раннего утра свет излучало. Было в этом хозяине каравана нечто такое, что не давало даже на мгновение глаз от него отвести.

— Откуда он, этот торговец лошадьми? Откуда на земле могла появиться такая красота! — удивлялись горожане. Изумился повелитель Мадур. Не мигая, не дыша, смотрел на него:

— Красотою такую несравненной может обладать разве только Брахма, Вишну или Шива!

Владетель бесчисленных табунов молча, чуть улыбаясь,

смотрел на повелителя Мадур. Возле него столпились погонщики с обнаженными саблями и длинными копьями, наконецники которых ослепительно сверкали. Потом, едва головою живнувши, божественный купец распорядился начать показ своего волшебного товара — пусть видны будут скакунов порода и стати все. Верные погонщики тотчас бросились к коням, вывели их на середину площади. О, чего только не выделяли там эти тонконогие арабские скакуны! С быстротой мысли носились по кругу, не задевая никого из толпы, танцевали, одновременно меняли ногу, взвивались вверх — и акробату впору оступиться. Весь город замер от восторга. Царь же, все более и более изумляясь, склонил голову свою, снял с руки тяжелый золотой перстень и надел его небесному наезднику на безымянный палец. Затем сбросил с плеч невиданно богатый плащ, золотую пряжей затканый, и протянул его владельцу коней. Тот одеянье царское на рукоять бича поддел и, смеясь, в сторону отбросил.

Поблуднел от гнева Пандий, дерзкие слова уже готовы были сорваться с его уст. Но стоявший рядом Вадауран, поэт великий, мягко сказал ему:

— Царь могучий! В той дальней стране, откуда прибыл владыка скакунов чудесных, есть такой обычай: если царь в знак милости подарит кому одеянье, то подарок царский принимают не рукой, а рукоятью бича.

Успокоился царь и, довольный, повелел явиться дворцовым писцам, которые вели счетные книги царских конюшен. Пусть они точно определяют цену всех приведенных скакунов. Долго рассматривали лошадей эти великие знатоки земли тамильской, сверяясь при этом с подробными перечнями, записанными в книгах. Потом, низко склонясь пред Пандием, так доложили ему:

— На голове у них шерсть имеет два завитка, у ноздрей — четыре, два — на груди, на лбу и у губ — по одному; итого — десять завитков. Ржанье их не похоже ни на вой шакалов, ни на мяуканье кошек, ни на воронье карканье, ни на вопли демонов, ни на хрип обезьяний, ни на лай собачий, ни на хрюканье свиней. По нашему мнению, их ржанье напоминает грохот прибоя, вой урагана или грозный рев быка. Мاستью своей кони эти не схожи ни с тигром, ни с кошкой, ни с ослом, ни с дикой собакой, а также ни с шакалами или вóронами.

Цвета, что их масть составляют, такие: цвет жемчуга, цвет луны, цвет сапфира, тычинки лотоса, цвет лилии⁵³, алый же цвет у них от водяной лилии, а зеленый цвет — от перьев попугая. Быстры они как ветер или даже как вихрь. Морда у них вверх уходит вровень с лобной чолкой. Зубы белые как жемчуг. Выпаченные ноздри говорят о тончайшем обонянье. Язык ярко-алый, брови темные, глаза сверкают огнем, но скрытым. Крупом обладают они не мясистым, но сухим и жилистым. Грива одного цвета с мордой. Шея и грудь в очках, как у кобры. Копыта в извивах, как морские раковины. По сильным тонким ногам вьются вены и сухожилия. Колени у них не выдаются, спина упругая и изогнутая. Бедра крутые, плотные. Хвост длинный и цветом не отличается от крупа...

Долго еще перечисляли знатоки достоинства коней. Довольный и гордый таким приобретением, спросил тогда Ариямарттана Пандиян предводителя каравана: всех ли коней он ему оставит, и достаточно ли того, что уже заплачено Вадавураном?

— Кони все — твои, за исключением того, что подобной. Заплачено достаточно, — отвечал божественный барышник.

Кончился торг, всех коней отвели в стойла. Ликовал Пандий, ибо знал наверняка, что ни один властитель Декана не сможет теперь сравниться с ним в силе. Многократно благодарил он Вадавурана, даже сам проводил его домой. Потом со свитой возвратился во дворец. И никто в праздничном городе не заметил, как исчез великолепный предводитель погонщиков.

Наступила ночь, город заснул. Вадавуран в доме своем безмолвно беседовал с Шивой. Все стихло во дворце. Спал царский конюший. Спали утомленные писцы. Спали конюхи. Спал и недруг-министр, загасив на ночь огонь своей ненависти к Вадавурану. И только царь Ариямарттана Пандиян не спал. Он ходил по своим покоям взад-вперед, звеня ножными браслетами, бряцая саблей. Угар ликованья прошел, какая-то тяжесть сдавила грудь ему. Ох, тяжело играть против божественного партнера в игре, им самим затеянной! Как неравны силы, как правила непостижимы! Песчинка любви перевесит там горы мудрости! Что власть? Что могущество? Что гордость?

Слабое ржанье тысяч коней доносится из запертых конюшен. Неясная тревога закрадывается в сердце царя. Он стоит у большого окна, пристально глядя на созвездие Рака, ярко сияющее в черном небе. «Почему мне так тревожно?» — бьется в сознание вопрос. И тотчас сам собой приходит ясный, хотя еще в слова не облеченный ответ. Удар нанесен — страшный удар, предвестник полного поражения в игре! Но откуда удар?!

Тишина, полнейшая тишина! Такая тишина, какой еще не слыхивал никто!

5. О том, как исчезли кони

Царь слышит, как крошечная мушка бьется под потолком, как кровь стучит в его висках. Неуемная дрожь охватывает все его тело, он зябко кутается в плащ. И вопрос приходит, простой и безнадежный: «Откуда невероятная такая тишина, когда здесь, вблизи, тысячи коней бьют копытами в стойлах?»

Царь слушает, слушает, сжимает тонкими пальцами, унизанными кольцами, оконную решетку. И вот уж тревоги нет, сомненья нет — есть ужас и ожидание неизбежного.

И наконец в эту неслыханную тишину стали вползать звуки, сначала слабые и рассеянные, потом все более явные и настойчивые. И вот они слились в один поток плача, визга и завывания столь громкого, что собственный крик показался бы всякому едва слышным шепотом.

Вмиг пробудился древний город. В растерянности выбегают горожане из домов, толпами заполняя улицы. Пандий замер у окна. В опочивальню вбегают телохранители; задыхаясь и перебивая друг друга, докладывают о том, что он уже знает сам:

— Ужасное несчастье! Все купленные кони внезапно куда-то исчезли, а вместо них в конюшнях — стаи голодных шакалов. Их несметное множество! Они скулят, рычат, рыдают, прыгают, катаются по земле. Конюхи разбежались, и шакалы пожрали всех боевых царских коней и молодых, еще не объезженных жеребят. Потом

они прогрызли двери и стены, вырвались из конюшен и теперь лавиной мчатся по улицам прочь из столицы.

Царь слушает, молчит. Не закончился ли кон, а может, вся игра? Доволен ли уже луноволосый забавник?

В ужасе бросились горожане по домам, поспешно запирая за собой двери. Невольно каждый думал: «Что за напасть? Или мы в чем-то провинились пред волшебником великим? Или, может, повелитель наш совершил какую-то тяжкую несправедливость, нами правя?»

Шум постепенно стихал. Последние шакалы убегали из Мадур, исчезая в лесах и рощах.

Царь словно очнулся; рука сжалась на рукояти сабли, глаза вспыхнули бешеной злобой.

— Доставить сюда немедленно этого гнусного пособника коварному колдовству.

Низко поклонились стражи и с приказом царским явились к Вадавурану. Министр, вновь в опале оказавшийся, спокойно их выслушал. Даже посмеялся, вспомнив, как ловко волшебник небесный обратил гнусных шакалов в скакунов арабских. Украсил Вадавуран свой высокий лоб полосами священного пепла, обрызгал тело сандаловой водой, надел на плечи гирлянды утренних цветов, которыми в храмах подножье Шивы украшают, и затем, кивнув слугам царским: «Я готов!», отправился вслед за ними во дворец. И ни на минуту не покидал он в мыслях своих великого волшебника, которому вместе с царскими сокровищами отдал свое сердце.

Взглянул царь на министра, глаза царя горели обидой и яростью:

— Этот человек наши царские сокровища раздал грязным попрошайкам, которыми кишат все храмы, а сюда привел шакалов стаю, проклятым волшебством обращенных в коней арабских. Преступник, растратчик, обманщик! Но не в нашем обычае казнить смертной казнью детей, стариков, женщин и брахманов, даже если они совершили тяжкое государственное преступление. Убрать его! Прочь с моих глаз! Привязать его к дереву на самом солнцепеке на берегу реки! Пусть от жара пылает его тело и не сможет он освежить его в прохладной воде, что будет у самых ног его плескаться! Пусть, умирая от жестокой жажды, не сможет он напиться чистой, прозрачной влаги, брызги которой порою будут долетать до него!

Грубо схватили палачи Вадавурана и потащили к берегу Вайгай. Там, стоя под полуденными лучами, он шептал: «О великий волшебник, что шакалов обратил в коней! О Черногорлый, выпивший смертельный яд! Верю, меня ты не оставишь!»

А жители столицы, наблюдая мученья опального министра, очень испугались: как бы несправедливость эта не обернулась для них новым бедствием каким...

6. О том, как носили песок на плотину

Увидал волшебник великий Шива пытку, которой Пандий подверг Вадавурана. Не рассердился он, нет, лишь рассмеялся сухо:

— А я-то уж собрался игру кончать. Прискучила мне бездарность партнеров. Сколько ни играй с ними конов — всякий раз играют будто впервые. Ну, а этот царь мадурский — не великий он человек! Проиграл, а проигрыш с другого выжать хочет! Что ж, поиграем с ним еще немного.

И повелел Шива небесному Гангу низвергнуться в реку Вайгай, что Мадур омывает. Мгновенно переполнясь, бурля, клопоча, понеслась Вайгай, капризная и своевольничая как девушка красивая, неистовствуя как бешеная слониха. Обрушилась на дамбы и набережные, затопила рисовые поля и милые сады окраин, стала подмывать дома предместья и к стенам старого города, к храмам его и башням, пенясь, подкатила. Растерялся царь, бросился в храм Шивы, нанес охапки цветов ароматных, возжег куренья. Потом призвал своих советников и министров и так сказал им:

— За что все это? Разве я в чем провинился перед Шивой, или несправедливость совершил, или, царством правя, суд творил неправый? Нет, ничего дурного за собою не припомню я! Или, может быть, в одном из прошлых рождений своих погрешил я против Шивы? Отвечайте, что вы думаете об этом?

Низко склонившись, отвечали ему приближенные:

— Избавь от мук Вадавурана, освободи из темницы этого друга Шивы. Иначе река безжалостно весь город смоем.

Смягчился тогда Пандий и сделал, как они сказали. И любимый поэт Шивы простил его и стал волшебника великого просить, чтоб он ослабил поток, пощадил город.

Царь же, успокоившись немного, послал по городу глашатаев с приказом: «Чтоб все жители до единого, от мала до велика, явились к берегу бушующей реки с плетеными корзинами. Каждому будет отведен участок, куда следует нанести песка и щебня. Так новой дамбой будет укреплен берег и спасена столица!»

Толпами повалили горожане к реке, волоча на спине тяжелые корзины. А царские писцы участки уже размечали, чтоб ровно поделить для всех работу.

В то время жила в Мадуре одна старуха. В жалкой хижине жила она и добывала себе скудное пропитание тем, что пекла пресные лепешки и сбывала их на улице прохожим. Не было у нее ни детей, ни внуков, одна привязанность была: к тому, кто тягался со знатоками поэзии в Мадуре⁵⁵ и волшебством своим, играя, превращал коней в шакалов.

Когда же повсюду стали рыскать царские надсмотрщики, зорко следя, чтоб никто не остался дома, старуха не знала, что ей делать. Побежала она в храм Шивы, пала ниц перед изваянием, слезами оросила божественные стопы:

— О Змееносец⁵⁶, о супруг женщины черной, которая с тобою вечно и тебя не оскверняет!⁵⁷ Скажи, что делать мне, несчастной? Если я не пойду таскать корзины с песком, надсмотрщики по приказу царя избьют меня палками, а если я пойду таскать корзины с песком, кто вместо меня будет печь лепешки? Я и так едва перебиваюсь со дня на день. Умоляю тебя, помоги! Есть у меня одно несчастье — бедность! И счастье одно — любовь к тебе! Но лепешки-то кто вместо меня испечет? О, Шива, воплощение небесной милости, помоги мне совершить на берегу реки мою работу!

— Ну что ж, — сказал игрок небесный, весело улыбаясь. — Видно, сегодня мне придется поработать вместо тебя.

И в тот же миг появился в храме работник, с изможденным лицом, в разорванной грязной одежде. Большая корзина за спиной, на плече — лопата. Плача от радости, сказала старуха:

— Ну, парень, ступай, поработай для меня, да как следует.

— Хорошо, — божественный землекоп отвечал, — но прежде заплати мне вперед за день.

— А вот поешь моих лепешек, вкусней еще не выпекал никто на свете, а вечером, когда товар продам, получишь деньгами, сколько должно.

— Я очень голоден, давай скорее.

Дала ему старуха горсть хрустящих лепешек, еще теплых, завернутых в грязную тряпку. Вмиг съел их работник чудесный.

— Ну, — говорит, — пошел я теперь к реке работать. Только очень прошу тебя, мать, дай-ка мне еще немного этих лепешек. Вкусны они, право.

Дала она ему еще немного, и отправились они к реке. Пришли. Повсюду люди носят песок и горою насыпают его вдоль берега. Сказал тогда новый работник:

— Ох, мать, нет счета добродетелям твоим: и меня ты любишь беззаветно, и лепешки славно у тебя выходят. Что ж, показывай, где твой участок.

И пошел работать, и как работать! Во все стороны песок летел фонтаном. Раз копнет — корзина уж полна, раз шагнет — и уж он на берегу и корзину высыпал. Поработает, пот с лица утрет, вынет лепешку из тряпицы, похрустит немного, прищелкнет языком, а то еще подмигнет старухе хитро — и снова за работу. Уж выросла возле него высокая насыпь, а он все бегаёт с корзиной взад-вперед черный от пыли и грязи и все приговаривает:

— Угодила ты мне старуха угощением! Лепешки твои не хуже мяса, которое некогда охотники лакомке великому в дар поднесли⁵⁸.

А глаза его так весело и озорно сверкают! И вдруг кверху он подпрыгнул и давай плясать по берегу реки, размахивая корзиной и лопатой. Старая торговка, чуть жива от страха, думала: «Что делать! Явится сейчас злой надсмотрщик, и такое тогда начнется!..»

Видя, как испугалась добрая старуха, сжалился божественный поденщик, снова стал прилежно носить песок на дамбу. Носил, носил, потом поглядел на старуху и говорит:

— Полно тебе, старая, здесь стоять да волноваться.

Поди-ка лучше домой. Ничего не бойся: работу я скоро закончу.

Поплелась в город старуха, а носильщик несравненный, утомившись, как был, грязный и потный, растянулся под деревом, сладко зевнул, потянулся и заснул так крепко, что гром Индры⁵⁹ его не разбудил бы.

Тем временем Вадавуран отправился вдвоем с главным надсмотрщиком на берег бурной Вайгай посмотреть, как подвигается строительство дамбы, не отлынивает ли кто от работы. Приходят. Видят, собралась толпа. О чем-то спорят, толкуют. И никто не работает.

— В чем дело? — грозно спрашивает главный надсмотрщик. — Вместо того чтоб поскорей завершить работу, вы здесь праздно болтаете.

Тогда вышел из толпы один горожанин и сказал:

— Чудные здесь дела творятся. Одна старуха, что на улицах лепешками торгует, наняла вместо себя работника. Человека этого никто доселе здесь не видел. Неимоверно быстро сделал он работу, но вел себя так, словно ничего вокруг не видел и не слышал. То носит песок, то вдруг прыгать начнет, то пустится в пляс с таким неистовством, что ног его не видно, то захохочет безумно. И при этом все время хрустящие лепешки жует. А теперь вот, в самый разгар работы, вздумал завалиться спать. Не верится нам, что это обыкновенный землекоп!

Главный надсмотрщик, удивленный и рассерженный, посылает слугу разбудить нерадивого работника.

— Пусть явится ко мне!

Прибежал к дереву слуга, грубым окриком разбудил лентяя божественного и велел ему немедленно идти на берег. Новый поденщик, еще не проспавшись, ничего не понимая, зевал и протирал свои несравненные глаза, когда посланный схватил его за руку и, осыпая руганью, потащил к берегу. Гневно посмотрел на лежебоку чудесного надсмотрщик и ударил его по плечу бамбуковой палкой. Но едва коснулась палка тела поденщика, как исчез он, точно его и не было вовсе. И в тот же миг увесистый удар невидимой палки обрушился на надсмотрщика, стоявшего с палкой в руке. С грохотом ужасным вся земля содрогнулась, с глухим гулом всплеснулось море и промадной волною окатило побе-

режье. И от того удара зашатались башни мадурских дворцов и храмов. Вздригнул в ужасе великий Пандий, едва не свалился с ног — и по нему пришелся удар. И жена его, и придворные, и воины, и телохранители, и жители славной Мадур — все еле на ногах удержались.

Отчаяние овладело царем, понял он свое бессилие: «К чему копить сокровища; когда в единый миг они будут в руках великого волшебника? К чему хитрить с соседними царями, когда есть некто, всех заранее перехитривший? К чему набирать могучее войско, объезжать коней, бдительно охранять страну от врагов, когда от одной его улыбки бессильно падает рука, занесшая меч? К чему строить плотины и дамбы, если он в миг сметет их единой каплей из небесного Ганга, что с головы его стремится? А одна только горсть песка, брошенная его рукой, остановит бушующую реку!..»

Склонился царь перед Вадавураном и, воздав хвалу великому министру-аскету, предложил ему любые почести и награды. Печально и ласково улыбнулся ему Вадавуран и попросил лишь одного:

— Отпусти меня, царь, я уйду прочь отсюда. Не быть мне более ни министром, ни брахманом. Слугою мне не быть и господином не быть мне. Ни учителем, ни учеником не быть мне. Я пойду отсюда не далеко и не близко. Всюду, где волшебник великий обитает, — там буду я. И где бы ни пришлось мне остановиться, везде стану славить его чудесными стихами. Ибо тот, кто шакалов в коней превратил, вызвал во мне дар поэта. Ибо тот, кто в грязной одежде на берегу реки с лопатой и корзиной плясал, уста мне отверз, и теперь сыплется из моих уст рубины прекрасных слов!

Отпустил царь Ариямарттана Пандиян своего любимца, ради жизни бродячего аскета от власти и почета отказавшегося. И тогда раздался сверху голос Шивы:

— Что ж, Пандий, кончилась наша забава. Кончена чудесная игра, где ставишь все, а выиграть можешь только любовь ко мне. Знай же, деньги и сокровища твой принял я в подарок от твоего слуги лишь потому, что нажиты тобой они были путем справедливым. И едва ли пашел бы ты им лучшее применение. А реку я усмирил, и твои люди к очагам своим вернулись. А кони — о конях не печалься: не сейчас, так потом ты их доста-

нешь где-нибудь. Я не сержусь на тебя, будь счастлив, о царь страны южной!

На этом заканчивается повесть о царе Пандии, о Вадавуране — министре, поэте и отшельнике, о волшебнике великом Шиве, о шакалах, превращенных в коней, о бедной старухе, что такие вкусные пекла лепешки, и о том, как на берег реки Вайгай таскали песок, чтоб спасти город от наводнения.

П О В Е С Т Ъ О БЕДНОМ БРАХ- МАНЕ ДХАРМИ И О СПОРЕ ПО ПОВОДУ ЗАПАХА ЖЕНСКИХ ВОЛОС

В стародавние времена правил в Мадуре царь Судамани Пандиян. Очень сильно любил царь Шиву, которого в тех местах называли Сомасундаран, что значит «луною увенчанный». Специально для услаждения Шивы Сомасундаран повелел царь разбить близ города великолепный сад и посадил его алыми цветами чампака¹. Каждый день он сам отправлялся в тот сад, собирал цветы чампака и украшал ими статую бога. И оттого стали в народе звать царя — Чампака Пандиян, а бога — Чампака Сундаран, что значит «цветами чампака увенчанный».

Однажды, гуляя по своему саду и, как обычно, собирая цветы, царь почувствовал вдруг какой-то особый, дотоле неизвестный ему аромат. Жадно вдыхая его, побежал владыка между кустами, желая скорее обнаружить источник этой услады новой, как вдруг увидел свою юную жену. Чудесный запах исходил от ее волос.

Царь очень удивился, но промолчал. И пошел бродить по саду, вопрошая себя: «Возможно ли, чтобы столь божественный аромат был присущ

женским волосам, или же он происходит от благовоний, которыми женщины умащают голову?»

Покая лишился царь, но, не будучи в состоянии сам ответить на этот вопрос и не желая обращаться с ним к женщинам, придумал другой выход. Перед дворцом повесил он мешочек с тысячью золотых монет и приказал объявить по городу что это богатство достанется тому ученому или поэту, который сочинит стихотворение, где прямо или намеком будет разрешен такой вопрос: «Какова природа приятного запаха волос женщины».

В то самое время жил в Мадуре бедный брахман-шиваит по имени Дхарми. Ничего не было у него, кроме любви и преданности Сомасундарану. Часто он целые дни проводил голодный у статуи Шивы, украшая ее гирляндами цветов, и всем сердцем своим к стопам великого владыки устремлялся. Жил он один. Где уж думать о женитьбе, когда сам от недоедания еле на ногах стоишь! Прослышав про объявленный царем конкурс, Дхарми только грустно усмехнулся. Как всякий мадурский брахман, он, конечно, умел читать, писать и даже помнил много древних стихов. Но писать стихи, да еще соревноваться с прославленными поэтами и знаменитыми учеными санги, — об этом он и мечтать не дерзал. Но когда он, по своему обыкновению, пришел в храм поклониться лотосоподобным стопам Сомасундарана, перед статуей лежал пальмовый лист. На нем бо-жественным почерком были начертаны пять строк — владыка посылал их любящему его: пусть бедный брахман этим маленьким стихотворением победит гордых и об-разованных членов санги и приобретет славу и богат-ство.

Вот это стихотворение:

О милая пчелка с крылышками прозрачными,
знаток и ценитель цветов ароматных!
Скажи мне без лести, скажи мне, как чувствуешь,
как знаешь:
Есть ли на свете целом цветок, чье благоуханье
Могло бы сравниться с ароматом чудесным волос
Той женщины жемчужнозубой, с которой я нежностью
связан и привычкою давней?...²

Бережно спрятав драгоценный лист, Дхарми, ра-достный, преисполненный надежд, в тот же день отпра-вился во дворец и через телохранителя передал Пан-дию свое стихотворение. Царь прочел изящное пяти-стишие и остался им очень доволен, ибо втайне хотел, чтобы аромат волос его юной жены был признан естественным. Однако, не желая нарушать традицию, он отослал стихотворение поэтам санги, дабы оно по-лучило одобрение всеми признанных знатоков тамиль-ской поэзии³. На следующее утро собрались у про-зрачного водоема все лучшие поэты южной стороны — изощреннейшие стилисты, тонкие критики, хитроумные выдумщики. Долго обсуждали они стихотворение, мно-го раз произнесли его и пропели, выискивая пороки в музыке стиха, вдумываясь в отдельные слова, надеясь найти неточность в передаче мысли, — напрасно! Всем пришлось по вкусу пятистишие робкого брахмана, и он, в душе горячо благодаря Шиву, уже готов был броситься к дворцу, чтобы поскорее отвязать мешочек с золотом. Но тут встал самый великий поэт того времени Наккирар. Все смолкли. Вот что он сказал:

— Я не согласен с вами, поэты, в оценке этих сти-хов. Их автор не заслуживает царской награды. Спору нет, слова хорошо подобраны, форма их сочетаний красива и соответствует канонам. Однако сила поэзии не только в этом. Содержание стиха должно соответ-ствовать действительности. Каждый знает, что есте-ственный запах женских волос неприятен, что от жен-ских волос пахнет жиром и потом. Аромат же им со-общают лишь благовонья и различные масла. Повто-ряю: этот человек владеет формой стиха, но не знает того, о чем пишет.

Все разом заговорили, заспорили, забегали взад-перед. Одни продолжали настаивать на одобрении, другие заколебались, иные приняли сторону Наккира-ра. Поднялся такой шум, что члены собрания никого не слышали, кроме себя. А Дхарми, испуганный, оше-ломленный, стоял в сторонке и не знал, что ему де-лать. Он только шептал:

— О Шива, любимый, неужели за твои стихи мне не получить обещанной награды?

И тут появился в собрание некто, кого раньше там не видели. Он был худ, невеликого роста, с полосами

пепла на лбу, одет, как прочие поэты,— может быть, несколько беднее. Его лицо выражало бесконечную доброту и одновременно беспредельное высокомерие. Казалось, он, стоящий здесь, рядом со всеми, вместе с тем находится где-то далеко, недостижимый ни для кого из присутствующих. Все замолчали. Он посмотрел на Наккирара, заговорил:

— Как ты думаешь, у женщин, которые зовутся падмини⁴, чьи прекрасные тела подобны нежным цветам лотоса,— у них волосы тоже не обладают от природы приятным запахом?

— Нет, не обладают.

— Ну, а волосы богинь и небесных дев?

— Нет, не обладают.

— Ты — шиваит?

— Да.

— А у богини твоей⁵ волосы тоже благоухают маслами и благовониями?

— Тоже.

Тогда вспыхнул на лбу у незнакомца третий глаз⁶. Задрожал Наккирар, только теперь понял он, кто перед ним.

— Ты видишь мой лобный глаз?

— Вижу.

— Ты узнал меня?

— Узнал.

— У супруги моей, Парвати, волосы испускают чудесный аромат сами собой, она обходится без благовоний.

— Нет, этого не может быть.

Шива направил луч своего лобного глаза в лицо поэту. Тяжко стало Наккирару, стало ему казаться, что сердце его горит. Он весь покрылся потом, начал задыхаться.

— Ну, а теперь что скажешь?

— О Шива, нестерпимо жжет меня твой взгляд! Мне страшно! Ты — владыка мой, а Парвати — моя повелительница, но мы ласкаем земных женщин, а не богинь. У наших женщин волосы от природы пахнут дурно. Ох, мучай меня, сжигай меня своим огнем, но правда есть правда, а ошибка остается ошибкой!

Поэт захрипел и, не удержавшись на краю водоема, упал в воду. Поэты санги столпились вокруг Ши-

вы, пали в ноги ему, стали умолять, чтоб простил он дерзкого их собрата.

Шива простил... Он подал ему руку, вытащил из воды, сказал:

— Ладно, будь снова здесь, среди поэтов санги. Я люблю тебя по-прежнему, ты тоже люби меня.

И было так. Они любили друг друга по-прежнему — значит, спор их кончился полюбовно.

А Дхарми? Что ж, ему отдали его мешочек с золотом, и он женился.

Повесть о том что произошло на священной горе Кайласе

Среди могучих Гималайских гор сверкает ярче чистого золота украшенная священным пеплом¹ гора Кайласа²; там обитает тот, кого познать ох как трудно! И поскольку жил там Шива, гора эта стала средоточием всего блага вселенной, обретенного в воздаяние за великий тапас³, свершенный от века четырьмя ведами⁴ и всеми тремя мирами⁵. Возвышается эта гора над вселенной, над всеми ее бесчисленными мирами и луной, как свежий белый цветок, сверкающий на кусте цветочном, что землей зовется.

На горе той повсюду чудные звуки слышны, Четырех вед великолепных журчанье И пенье прелестное — небожителей всех улада, И лютен звучанье, и рев весенний слонов От страсти бешеных⁶.

Окруженный гирляндой бессмертных, склонившихся перед ним в холодном небе, увенчанный гирляндой из бесчисленных миллионов драгоценных камней, украшенный гирляндой из золотых плодов священного дерева Кальпака⁷, пребывал

там Шива в гирлянде собравшихся вокруг него великих мун⁸.

На склонах этой горы танцевали небесные танцовщицы; с веселым журчаньем струились там прозрачные ручьи. Там предводитель богов Пурандара⁹ и боги все, наделенные даром любви¹⁰, молитвенно воздев цветы рук своих, прославляли Шиву¹¹. А он, владетель храмовой башни¹² — этого первого великого оплота любви, он, повелитель наш, бык Нанди¹³, храма¹⁴ господин, вышедший из богов, властитель великий — он там свой танец танцевал.

В те времена на горе Кайласе пребывали многие украшенные священным пеплом отшельники, со знаком глаза на лбу¹⁵, восьмилкогого¹⁶ рабы, обретшие милость отца¹⁷, который вселенную разрушил¹⁸, в чьих руках меч и стебель тростника, чьи волосы разлетаются длинными прядями, чьей милостью сама эта гора держится. Так и стоит она, священная, сияющая, величественно дымящаяся. Вся она принадлежит тому, кто победоносен, бесстрашен, неуязвим, чье величие неизмеримо, кто осенен венцом безмерной чистоты...

Некогда у подножья горы восседал непостижимый в своем величии Упаманья мун¹⁹. Пылая любовью божественной, стремился он познать Шиву, чья природа непознаваема. И мун²⁰ этот уже достиг состояния отсутствия начала и конца²¹, отсутствия рождения и смерти, ибо служил он несравненно Бхутанатхе²². Этот мун²³ сосредоточил чистое свое сознание и мысль лишь на одном, и потому дано ему было вкушать из млечного моря милости отца нашего Шивы.

И вот однажды, когда там восседал он, а вокруг него сидели многие тысячи бхактов, мун²⁴ и йогов²⁵, вдруг сверкнул перед ними свет, столь яркий, будто одновременно тысяча солнц взошла. Все святые и отшельники стали меж собою говорить:

— Что это здесь за чудо?

И сказал им Упаманья мун²⁶, что созерцанием и мыслью прикован был к стопе великого:

— Грубый раб грядет, и милостью Шивы он станет царем поэтов всей стороны южной.

И, сложив молитвенно руки, оборотился Упаманья мун²⁷ в ту сторону, откуда свет великий сверкнул. На

теле же его от радостного благоговенья испарина проступила. А когда стал он молиться, удивленные брахманы спросили:

— Отец наш, что же это? Ведь ты не поклоняешься ничему и никому — только лотосоподобным стопам Шамбху²².

Так отвечал им Упаманья:

— Достоин поклонения нашего Аруран Намби, ибо он сердцем своим Шиву объял.

Когда он это возгласил, брахманы стали просить:

— Услышать мы хотим и узнать про того, кем вызван этот свет великий, и про тапас, что он совершил.

Вот что рассказал им мун:

«У того, в чьих волосах струится Ганг, был некогда слуга, который украшал его плечи гирляндами медовых цветов, а лоб его покрывал священным пеплом. Аллала Сундарар — имя того слуги. И вот однажды случилось слуге этому забрести в один сад; он собирался нарвать там для Первого²³ цветов жасмина. И как раз в то же время туда пришли две прекрасные девушки, две прислужницы луносветолюбивые. А пришли они для того, чтобы нарвать цветов, приличествующих благоухающим локонам моей повелительницы²⁴. Одна была прелестная Аниндита, другая — благоуханная Камалини. Так звались они. И когда собрали они букет священных цветов²⁵, то, по милости первого бога среди небожителей, Аллала Сундарар увидел их. А сделано это было для того, чтобы он затем родился на земле²⁶, в южной стороне, и чтобы там, став поэтом, написал он свою святую книгу²⁷. Только увидел он тех девушек, как сердце его потянулось к ним. И они тоже смотрели на него с внезапно вспыхнувшей любовью.

Первым ушел Аллала Сундарар, неся в руках нежные бутоны утренних цветов, столь желанных для Шивы, что мною завладел²⁸, а в сердце своем неся любовь к двум прекрасным девушкам. Затем, взяв увлажненные утренней росой цветы, ушли и лебедеподобные девушки. Когда слуга вернулся к Шиве, тот сказал, посмотрев на Сундарара:

— Что ж это ты? Ты, мой раб, теперь захотел стать еще и рабом влюбленным этих женщин?.. Ну, если так ступай отсюда в южный край и, родившись там, наслаждайся вволю любовью с ними, прелестными и нежными

Аллала Сундарар, печальный, отвечал ему, сложив молитвенно руки:

О повелитель! Когда я, ничтожный,
Алопламенеющие стопы твои покину,
Когда погружусь в наслажденья людские,
Когда в них погрязну, — приди тогда и спаси!

Прекрасноглазый²⁹ милостиво согласился. И Сундарар появился на юге в человеческом воплощении. Там он нашел тех двух женщин и, насладившись с ними любовью, потом вновь Шивы достиг.

Так поведал Упаманья мун о том, что произошло с Сундараром на Кайласе.

ПОВЕСТЬ О ТОМ КАК СУНДАРАР БЫЛ ОБРАЩЕН В РАБ- СТВО ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ СВАДЬБЫ

О Сумасшедший, чья
глава украшена
луною!..
Ты на мгновение даже
из памяти моей
нейдешь;
Отец мой! Южной
стороны владыка,
Посмею ли сказать, что
я не раб тебе.
Сундарар.

История эта¹ произош-
ла в той благословенной
стране, где владычествует
прекрасноглазый, чья го-
лова украшена луною,
Гангом, змеей и цветком
кондрей². В той земле
это случилось, где лица
женщин подобны холод-
ной луне, а глаза их
словно красные карпы,
стремящиеся к ушным
серьгам. Для того чтобы
учение Шивы, основанное
на великих ведах, про-
цветало в той стране, ми-
лостью Шивы и вследст-
вие совместного тапаса
всех жителей в городе
Тирунавалуре³ и родился
Сундарар. Он родился у
превосходного Садаянара
и у его жены Исейньяни,
женщины безупречной и
целомудренной. Он ро-
дился в семье праведных
брахманов, которые из
поколения в поколение
рабски служили тому, с
кем Парвати всегда ря-
дом, всегда бок о бок.
Он рождение свое вновь
на земле обрел, чтобы
стихами своими преу-

меньшить зло и спасти землю⁴. Родители дали ему имя
Намби Аруран⁵. На поги младенца они надели золотые
кольца, на шею — ожерелье, изображающее пять видов
оружия Вишну⁶, а пеленки его они украсили драгоцен-
ными камнями. И вот однажды, когда блистающего поя-
сом червонного золота его катали на улице в коляске,
увидел мальчика царь той стороны⁷ Нарасинга-Мунеяр.
И ощутил вдруг великий царь неодолимую любовь к
этому ребенку. Он пошел к родителям его и во имя
давней их дружбы упросил отдать ему мальчика. Затем
он провозгласил его своим сыном и обращался с ним,
как с принцем. Воспитывался же принц в согласии с
обычаями брахманского своего рода.

Светел был облик этого мальчика, ша груди послал
он три брахманские нити. И так, изучая древние ша-
стры⁸, расцветая в благополучии и совершенстве, достиг
он прекрасного брачного возраста.

Тогда Садаянар, отец его, решил в соответствии со
знатым своим происхождением женить единственного
сына на девушке, равной по красоте богине Лакшми⁹.
Он выбрал дочь славного и родовитого брахмана Са-
дангави, происходящего из одного древнего рода в Пут-
туре¹⁰. Когда по просьбе Садаянара добродетельные и
мудрые знатоки обычаев готры¹¹ поведали об этом
Садангави, тот с превеликой охотой согласился. Лицо
его расцвело от счастья, и стал он говорить о том, как
следует устроить эту женитьбу. Еще сказал он, что
вполне доволен женихом, что ничего лучшего для до-
чери он и пожелать не может: ведь обычаи и уклад их
жизни одинаковы¹², а это всего важнее для благополу-
чия брака.

Услышав от него слова согласия, старцы отправи-
лись к родителям того, кто в будущем стал великим
поэтом¹³. Ликую сердцем, старики подробно обсудили
свадебное дело, а затем, учтя царский ранг жениха¹⁴,
сделали оглашение о дне свадьбы. Тогда вышли на ули-
цы благородные мужчины, а следом женщины, чьи гла-
за подобны прекрасным карпам. Держа в руках блу
с оглашением, они отправились к саду, что был некогда
разбит в старом городе; деревья конгу¹⁵ росли в том
саду. Оттуда навстречу им вышли лотосоликие девушки
и почтительным поклоном скромно приветствовали их.
И все ликованием своим увеличивали радость будущего

бракосочетания. А хвала, что они возносили, укрепляла благоприятные знамения, столь необходимые для свадебных трудов.

Затем мужчины поставили высокие столбы для праздничного пандара¹⁶, повесили гирлянды цветов. Вот уже завершены все приготовления, и, согласно обычаю прежних дней, плечи жениха украшают гирляндами цветов, в бутонах которых роятся пчелы, а на руки его надевают браслеты, скрученные из золотой проволоки. Вот звонкие бамбуковые палочки трянули о тугую кожу барабанов — благозвучный гром приветствует жениха! И вот уже исполнены все свадебные обряды, исполнены без малейшего отклонения от предписания великих вед.

Отшумело ночное празднество, захватившее весь старый брахманский город. Взошло солнце. Оно заглянуло во все окна, словно страстно желало увидеть прекрасного жениха, чья прудь была украшена гирляндами медовоароматных цветов.

А жених, всех превзошедший в тонком знании вед, свершив утренние обряды, облачился в свадебные одежды. О как дрожали на груди его брахманские нити, когда в указанное астрологами время вошел он в комнату для омовений, наполненную венками и гирляндами!

Друзья умастили кожу жениха благовонным маслом и на скамью с золотыми ножками поставили большой сосуд с прозрачно чистой водой, где плавали лепестки цветов. Омыв его холодной водой, они натерли его сандаловой пастой, дабы сверкало красотой тело того, кто прежде был Шиве своей любовью приятен¹⁷. Закутавшись в красивую шелковую одежду, которую прежде пропитали ароматным дымом ахилового костра¹⁸, он сам платком осушил свои волосы, обстриг кончики ногтей и надел благоухающий венок. Покрыв он свое тело свежей камфарной пастой и благоприятствующей браку сандаловой и мускусной пастой. А три нити сверкали на груди его.

Украсил он себя букетами, венками, ожерельями из цветочных лепестков, пераскрывшимися бутонами. Крупными драгоценными камнями, сверканием своим тьму прогоняющими, он себя украсил. Так он вполне подготовил себя для завершающего обряда. И вот наконец священным теплом украсив свой лоб, Намби вос-

сел на лошадь, украшенную золотыми колокольчиками, приносящими счастье.

Все-все жители города вышли на улицы, чтобы общим ликованием почтить величье царского жениха и брахманскую его мудрость. Везде звучала свадебная музыка, повсюду слышались славословья, и женщины нежными голосами желали новобрачным многих лет счастья и громко распевали свадебные гимны. Весь мир восхищался и радовался. Гости на конях, на слонах и в повозках теснились в свадебном шествии, обменивались шутками и приветствиями. Юноши, чьи плечи были увиты гирляндами ароматных цветов, толпы брахманов, поющих стихи из вед, — все смешались. От жары и тесноты волновались упругие женские груди, покрытые пастой из кунгумы¹⁹, — груди, что прекраснее свежих плодов манго и нежнее бутонов лотоса.

И вся эта густая толпа, звенящая ножными браслетами, серьгами и другими драгоценными украшениями, сверкающая всеми красками павлиньих хвостов, была подобна вздымающемуся морю. Пронзительно звучали трубы, развевались опахала из хвостов мускусных быков. Плывли зонтики, колыхались флаги, сотканые из цветочных гирлянд. Так шествие достигло Путтура, что назван был «Путтуром свадебным», после того как Шива там овладел Парвати²⁰.

Навстречу Намби вышли жены путтурских брахманов. Они несли кувшины с чистой водой, зажженные светильники, горшки с проросшими семенами, свежие цветы и траву дарбха. Рассыпая порошки благовоний и разбрызгивая ароматную сандаловую воду, приближались они к жениху.

— О! Так он красив, что глаза не устают глядеть на его красоту! — так женщины меж собой шептались. — Велики, видно, девочки этой заслуги²¹, да и нам выпало немалое счастье лицезреть эту свадьбу, которой радуется земля.

Они запели сладкозвучные песни и стали кружиться в танце.

Говорили одни:

— Этот принц, будто волной, всколыхнул нас своим взглядом.

— О, какого чудного юношу этот яростный конь к нам несет! — говорили другие.

— Он святое воплощение цветущей юности, — так говорили нежные жены, когда мимо них жених проезжал.

Намби между тем приблизился к свадебному шатру, сошел с коня и вступил в пандар. Гости приветствовали его, дуя в раковины. Звуки эти были подобны глухому ворчанью грома в грозовом небе.

А теперь я расскажу о том, что произошло в пандаре. Рассказом этим был я спасен²².

Вдруг в пандар явился не знакомый никому брахман. Он был стар и шел медленно, чуть спотыкаясь. Его высокий лоб был покрыт священным пеплом, а седые, в косицы заплетенные волосы колыхались от старческой дрожи головы. Ушная серьга оттягивала дряблую мочку, на груди болтался рубин, через плечо — брахманские нити. Белое одеяние с плеч его слабых спадало. В одной руке держал он зонтик, защищаясь им от солнечного зноя, в другой — бамбуковый посох.

Но был он старчески изысканно красив в ветхом своем дхоти²³ и в белых одеждах, перепоясанных травяной веревкой.

Да разве он — не средоточие красоты, не олицетворение великолепной зрелости? И не воплощена ли в нем прекрасная спокойная старость, к которой пришел он по испытанному пути, указанному святыми ведами?..

Когда незнакомец явился в пандар, там уже начали свершать свадебный обряд согласно предписаниям мудрых вед, прежде изреченных устами Шивы²⁴. И вот, встав перед Намби и перед всем собранием, старик сказал:

— Вы все слушайте мое слово!

Собравшиеся брахманы и жених, льву подобный²⁵, оглядев пришельца, так ему сказали:

— Хорошо! Ваш приход для нас — благо, он — плод тапаса нашего. Что должно быть сказано, скажите!

Тогда незнакомец обратился к жениху:

— Должен ты ныне завершить нашу прежнюю великую тяжбу, а уж потом ты свершишь свой свадебный обряд.

Жених несравненный²⁶ так отвечал старику:

— Если и вправду есть у тебя ко мне тяжба, то свадьбы я не свершу, пока дело не закончу. Скажи, в чем это дело.

— Слушайте же, о брахманы! — сказал старик. — Этот навалуран²⁷ — мой раб. Вот и все, что я хотел вам сказать.

Услышав это, люди, что стояли и сидели в шатре, все рассмеялись:

— Думает ли он, этот старик, что говорит!

А жених, житель священного Навалура, поглядел в упор на брахмана и засмеялся:

— Да, разумное слово ты сказал!..

Старый же брахман, облаченный в ветхий дхоти, весь трясаясь от старости, продолжал, глядя в лицо смеющемуся жениху:

— В стародавние времена отец твоего отца выдал мне долговую расписку. Поэтому ныне ты мой раб... Эй, раб, над чем ты смеешься?

У благородного, из незапятнанного рода происходящего Арурана исчезла улыбка с лица. Он сказал:

— Этот человек говорит, будто чистый брахман может быть рабом другого брахмана. Не сумасшедший ли он, этот старик?! — Сказал, а сам вдруг почувствовал, что уже зарождается в нем великая любовь к тому старому брахману.

— Пусть я сумасшедший, пусть даже я — злой дух. Ты столько дурного сказал обо мне, что уж никакими поношениями не удивишь меня. А ведь ты совсем не знаешь меня. Эй, раб, тебе следует поменьше говорить!²⁸ Как раб ты должен делать рабскую работу и подчиняться!

Сердце Намби таяло, наполняясь любовью, но слова старика распаляли его гнев.

— Если долговая расписка существует, то сейчас я буду знать всю правду, — сказал жених, глядя на того, в ком уже чувствовал друга²⁹. — Так покажи скорей закладную!

А брахман ему в ответ:

— Тебе, рабу, нельзя видеть расписку. Вот им, брахманам, я покажу ее, а ты должен повиноваться и делать рабскую работу.

Тогда жених, все более гневаясь, подошел к брахману. Мог ли он знать, что дерзнул приблизиться к тому, к кому не смели приближаться Вишну и Брахма? Как только увидел брахман, что жених хочет выхватить у него расписку, тотчас побежал он от него через весь

пандар. Однако Намби стал нагонять старика. Звеня пожными кольцами, жених подбежал к нему вплотную и выхватил расписку.

— Разве пристало брахману обращать в рабство себе подобного! — воскликнул жених и разорвал закладную. Вскрикнул тогда старик. Вскрикнул и за руку Навалара³⁰ схватил. Но люди разняли их.

— О муні, обучающий священным ведам, — обратились гости к старику, — ты в этом мире великого порядка встал на дурной путь и затеял ссору. Так скажи нам, откуда ты.

Старый брахман так ответил им:

— Я живу неподалеку, дом мой — в Веннейналлуре³¹. Но я утверждаю, что жених совершил нечестный поступок. Он выказал грубую силу и, насильно, выхватив из моих рук расписку, разорвал ее. Но, так дурно поступив, жених тем самым доказал, что он — раб.

Аруран же взглянул на брахмана, на дряблые мочки его ушей, обремененные кольцами, и подумал: «Да, этот старик тягаться горазд». Но уже чуял он великую приверженность к этому старому брахману. Однако Аруран сказал:

— Если ты из Веннейналлур, то ступай туда, чтобы там вести с нами свою несправедливую тяжбу³².

Брахман же в ответ:

— Хорошо! Пусть даже в Веннейналлур пойдем мы, где издревле живут брахманы. Там я покажу этим знатокам четырех вед подлинную олу и обращу тебя в рабство.

Он пошел впереди, опираясь на посох, а жених быстро последовал за ним, словно влекомый его священным ликом: так магнит тянет за собою кусок железа! Пошли и родственники жениха, и его близкие.

— Что ж теперь будет! — говорили они.

Вскоре приблизились они к Веннейналлуре, городу, где издревле живут брахманы.

Здесь они предстали перед советом брахманской общины. Старый брахман обратился к собранию славных знатоков священного писания:

— Этот житель Арура своими руками разорвал закладную олу, доказывающую, что он обязан мне служить как раб. Вот в чем моя жалоба, о мудрецы!

Брахманы из собрания так ему ответили:

— Айя!³³ Подумай, что ты говоришь! Ведь на этой великой земле брахман не может быть рабом брахмана! На это одинокий³⁴ старец отвечал так:

— Расписка, которую он разорвал, была выдана мне его дедом. Значит, и он — должник мой.

Тогда лучшие из того собрания обратились к жениху:

— Если этот брахман действительно показал тебе такую расписку, то неужели ты надеялся выиграть тяжбу, разорвав олу?

А старик сказал:

— Пусть этот жених, не ведающий отклонения от благого пути, скажет, что он обо всем этом думает.

И молвил тогда опечаленный Намби:

— О мужи, познавшие все священные книги! Вы знаете, что я — адишайва! Так неужели этот брахман может сделать меня своим рабом? Нет, это — иллюзия, это майя³⁵, что недоступна пониманию ума! Нет, нет, мне не под силу все это понять!..

Когда Намби Аруран сказал эту речь, праведные брахманы обратились к старцу:

— Ты говоришь, что он — твой раб в этом мире. Жестокие эти слова ты должен теперь доказать. Либо сошлись на древний обычай, либо покажи расписку, либо представь свидетельство соседей — одного из этих доказательств достаточно.

На это брахман отвечал:

— Та расписка, которую ты в гневе порвал, была лишь копией. Подлинную же олу я сохранил, и ею смогу подтвердить свои слова.

— Покажи!

— Я покажу. Но только если вы способны рассудить нас, не прибегая к насилью.

— О мудрый знаток четырех вед! Такому позору свершиться мы не дадим.

Старик ушел, но вскоре вернулся в собрание. И увидел Намби в руках у старика подлинник закладной. Подчиняясь приказу собрания, он принял у него расписку, почтительно поклонившись. Потом осторожно развернул ветхий свиток олы, расправил его и стал читать:

— Я, вед великих знаток, адишайва, уроженец Навалура и Арура житель, написав двоякость вытекающих из сего последствий³⁶, написав в доме великого муні и здесь же отдаю ему, брахману старому, Сумасшедше-

му³⁷ из Веннейналлур расписку в том, что я и мои потомки будем наследственными его рабами. К этому вот моя подпись.

Услышали это брахманы, взглянули на неподделанные подписи и молвили:

— Это все правильно! — и добавили, обратившись к Сундарару: — Айя! Сам посмотри и скажи: доподлинно ли это деда твоего светлая подпись?

Намби молчал, а старик сказал брахманам:

— Теперь я предъявил ему расписку, из которой явствует, что он — мой раб. Если же сохранилась другая подпись его деда, то сравните ее с подписью на этой оле и скажите сами, есть ли тут подлог.

Так и сделали великие брахманы. Они повелели принести из хранилища другую олу с подписью деда жениха. Сравнив ее с первой, они сказали:

— О да! Подписи вполне подобны. Дело это закончено!

Вот что объявили члены собрания:

— О Намби, Арура житель, отныне ты принадлежишь этому старому мунни, знатоку вед великих. Тяжбу ты проиграл, твой долг — повиноваться, как положено рабу.

Намби воскликнул:

— О, может быть, теперь мне приличествует молчать, но я не согласен с этим решением, хоть и вынесло его столь высокое собрание!

Тогда святые брахманы сказали дряхлому истцу:

— Великий мунни! Покажи нам твой дом, о котором говорилось в расписке. Покажи, что принадлежит тебе в этом городе, в нашем славном городе.

И мунни, который победил в тяжбе, сказал:

— Что ж, если ни один из вас не знает, где я живу, идемте, я поведу вас.

Он вышел, и вслед за ним двинулось все собрание великих брахманов, а с ними и Намби. Вот дошли они до храма Тируваруттурей³⁸, и первым вошел туда старик. Затем вошли остальные, но вдруг остановились, недоумевая: «Куда же он исчез, этот старик, выигравший тяжбу?»

И стали восклицать они тогда:

— Что же это значит? Он вошел в храм Шивы, как в свой дом!..

А Намби, который первым последовал за стариком, теперь стал громко звать его. И тут в небесах явился ему тот божественный старик. Рядом с прекрасной женщиной, восседа на быке³⁹, явился он. Да, это был Шива.

И сказал Шива:

— Прежде на Кайласе ты был нашим рабом, но потом родилась в тебе страсть к женщинам, и тогда по велению нашему ты вновь родился на земле. Теперь мы пришли за тобой, чтобы освободить тебя от рабства бесполезной жизни и обратить тебя в иное, высшее рабство!..

Услышав этот голос свыше, жених застонал, подобно теленку, что услышал призывное мычание кормящей его буйволицы. От волнения волосы у него зашевелились, и, почтительно склонившись, он приложил руки к голове.

И тут в небе, заполненном звуками⁴⁰, пролился обильный дождь из цветов. Земля, преисполнившись радостью, расцвела, ее жители замерли в восторге, и великие веды вскричали изумленно. И заговорил тогда тот, кто, олу предъявив, поэтом великим⁴¹ завладел:

Ты грубо говорил со мною — потому

Тебя я нарекаю — «Грубый раб».

Теперь, о Грубый раб, ты сложишь гимн хвалебный, Исполненный любви и красотой обильный.

Нас ты воспой на языке тамильском!

Так сказал тот, чьи уста некогда пропели веды.

А Намби ответил:

О чистый мед сладчайший! Победитель мудрый,

Меня в спасительное рабство обративший!

Божественный истец, мне истину открывший!..

А я-то! Я, безмозглый пес, хозяина учуять не сумел!

Как воспой тебя?..

Тогда прекрасногоглазый, на друга милостиво глядя, соизволил изречь:

— Ты назвал меня сумасшедшим, так воспевай же меня отныне под именем Сумасшедшего!

Вот так расстроилась свадьба Сундарара, так стал

петь он, чтобы спасти эту землю всю и все миры другие. И первое его песнопение⁴² начиналось словами:

О Сумасшедший, чья глава украшена луною,
Ты на мгновенье даже из памяти моей нейдешь...

А невеста Сундарара, дочь брахмана Садангави из Путтура, так и не став женой поэта, покинула вскоре земную жизнь и достигла небесного мира Шивы.

Шли дни. Сундарар прославлял в стихах своего Шиву, пока не овладело им желание посетить великий храм в Чидамбараме. Он пустился в путь, перешел реку Пенней, и вот поэт уже идет вдоль ограды «золотого зала». Но внутрь храма пока не входит.

Вечерело. Утомленный долгим путем по жаре, поэт уснул неподалеку, во дворе одного небольшого монастыря. И тут, когда совсем уже стемнело, вошел какой-то старый-старый брахман и наступил на голову спящего. Поэт тотчас проснулся и спросил, отчего, мол, этот старик ему на голову ногу поставил. Тот ответил, что подслеповат стал к старости, а в темноте-то и по давню ничего разобрать не может. Повернулся Сундарар на другой бок. Но только заснул, как тот брахман опять наступил ему на голову. Поэт рассердился:

— Что ж это такое?! — говорит. — Или тебе, старик, ногу некуда поставить — только мне на голову? Не понимаю я тебя, старик!

— И впрямь не понимаешь, — отвечает брахман, — если во второй раз не можешь меня узнать.

Сказал и тут же исчез.

Стыдно стало Сундарару, что опять не признал он господина своего Шиву. И, печальный, запел он тогда чудные стихи, начинающиеся словами:

Да, есть на свете скудоумные такие,
Которые не узнают того, кто вечно с ними...

Наутро посетил он великий храм Чидамбарамы, а затем совершил паломничество в Шийяли, где сочинил стихи, начинающиеся словами: «О ты, кто смерть отринул и рожденье!»

Так повсюду странствовал он и у каждой святыни, у каждого храма воспевал Шиву, пока не пришло ему

время вернуться в родной Арур. Навстречу ему вышли все благочестивые жители этого города. Он же направился прямо к храму друга своего и, остановившись перед оградой, произнес первые слова новых стихов: «Ты и море, и берег морской...» Но только вошел Сундарар в храм, как раздался голос Шивы:

— Эй, друг! Надень-ка снова свой свадебный наряд и поскорее! Ведь ты женщиной еще не наслаждался — перед самым сочетанием я твой брак расстроил.

Послушался поэт и с того дня ходил только в свадебном наряде.

А в то время жила в Аруре одна совсем еще юная девушка из касты храмовых прислужниц. Звали ее Паравай. Раз шла она с подружками в храм, а навстречу им Сундарар. Только увидел он ее, как захватило его всего страстное желание. И она тоже, только лишь взглянула на Сундарара, вся задрожала от нежности и от желания ласк. Стал поэт расспрашивать людей, откуда эта девушка, кто ее родители и прочее. А когда разузнал о ней все, что следовало ему знать, тут же бросился в храм, приткнулся к стопам владыки, что некогда брак его расстроил, и молвил:

— Шива, если б ты знал, как нужна мне эта девочка! Дай мне скорее жениться на ней!

Охотно согласился несравненный; он-то знал, что Паравай в прошлом своем рождении тоже пребывала на Кайласе, в раю Шивы, что она и была той прислужницей прекрасной по имени Камалини, в которую с первого взгляда влюбился Сундарар. А Паравай в ту же ночь стала просить Шиву соединить ее с Сундараром. Уже на следующий день быстро сыграли свадьбу, и поэт обрел наконец свою женщину.

Новобрачный с еще большим рвением принялся прославлять Шиву и тех, кто с любовью почитал его. Была создана тогда молодым поэтом его знаменитая поэма: «О рабах Шивы священные стихи»; она начиналась словами: «Брахманам, в Тиллай живущим, рабам Шивы, — я раб».

Так жил поэт со своею молодой женой, наслаждаясь любовью и прославляя владыку своего. Однако невелики оказались его доходы, и часто в доме не было ни единой медной монетки, ни зернышка риса. А жил в те времена в Кундрануре один старый крестьянин.

Очень нравились ему те стихи, которые Сундарар слагал в честь Шивы. Чувствовал он, что Шива любил поэта, что нравились Шиве хвалебные песнопения. И стал крестьянин каждый день посылать Сундарару рис и масло, чтобы ни поэт, ни его молодая жена не знали недостатка в еде. Так продолжалось много месяцев, пока не наступила в Кундрануре страшная засуха. Старые запасы риса вскоре иссякли, а нового урожая не предвиделось. Очень страдал старик от того, что теперь он носил поэту рис не большими кулями, а маленькими горсточками. А в тот день, когда впервые ничего не принес он Сундарару, так ему стало тяжело, что лег он спать, не поев, хотя у него самого оставалось еще немного риса. Только заснул он, как явился к нему Шива и говорит:

— Велика, старик, твоя заслуга передо мной и перед любимым моим рабом. Но ты не горюй! Я тебе доставлю столько риса, сколько ты в жизни не видывал.

Просыпается старик, вроде бы должно уже утро наступить, а в доме темно, свет в окошке едва брезжит. Удивился он, выглянул на улицу. Видит, перед домом насыпана целая гора самого лучшего риса! Такая высокая, что из-за нее и солнца не видно! Очень обрадовался крестьянин, но потом опечалился: «Как же такую гору риса, — подумал он, — смогу я переправить в Арур к Сундарару?» Тут-то снова является ему Шива и говорит:

— Ни о чем не заботься, ступай в Арур. Гора сама за тобой придет.

Удивился старик, но поспешил к городу. Только сообщил он Сундарару о случившемся, как мгновенно все закрома в доме поэта, а также в домах всех его родичей и друзей наполнились рисом.

И снова стал Сундарар ходить от святыни к святыне, сотни стихов сложил. Подобно меду, лились стихи из его уст, с изумлением глядели жители дальних городов и деревень на чудесный этот источник, что всю страну Чола заполнил любовью к Шиве. А Паравай оставалась дома и вела хозяйство. Рис у нее теперь был всегда. Однако ей требовалось еще немало денег — и на наряды и на многое другое, что нужно молодой красивой женщине. А откуда взять денег паломнику, чье единственное богатство — любовь к Шиве? И оттого порою станови-

лось грустно поэту во время его странствий по дорогам и родам южной страны. Подумывал он, что неплохо бы разбогатеть немного, да только как это сделать? И вот однажды, когда поэт был в одном храме близ Чидамба-рама, очень ему вдруг захотелось спать. Вошел он тогда в какую-то хижину, где отдыхали паломники. Но там не оказалось ни ложа, ни циновки для сна. Тогда Сундарар собрал несколько обожженных кирпичей, положил их на пол вместо постели, а самый большой кирпич — под голову и крепко заснул. Просыпается — видит: под головой у него не кирпич лежит, а слиток золота с кирпич величиной. Радостный, взял он слиток и, вернувшись в Арур, отдал его своей жене. А сам вновь пустился в странствия. Десятки святынь посетил он и каждую прославил чудными стихами. Вернулся в Арур, а жена ему говорит:

— Сама не понимаю, но твое золото все уже разошлось; то одно надо купить, то другое, опять в доме ни монетки.

«Стал думать Сундарар, где бы достать еще золота. И вот однажды, когда он был на южном берегу реки Кавери, то пропел новую песнь во славу Шивы, а после стал просить у него золота. Только произнес поэт последние слова своей просьбы, как щедрый Шива низвергнул к его ногам целую груду золота. Возликовал Сундарар, однако тут же сообразил: даже небольшую часть этого богатства ему не под силу самому отнести в Арур. И стал он просить Шиву, чтобы тот перенес это золото к нему домой.

— Хорошо, — ответил Шива, — отправляйся домой и ты найдешь это золото на дне храмового пруда.

Пустился Сундарар в путь, но перед уходом отломил маленький кусочек золота от одного слитка. Возвратился Сундарар домой и говорит жене:

— Золота теперь у нас сколько хочешь.

А Паравай даже рассмеялась.

— Где же, — говорит, — твое золото?

— На дне храмового пруда.

— Пойдем скорее туда.

Пришли они к берегу пруда. Сундарар вошел в воду, стал шарить по дну, но золота не было. В другом месте поискал, а жена на берегу все смеется. Но ни на секунду не усомнился поэт в том, что золото найдется.

А когда весь пруд обошел он, все время при этом произнося стихи во славу Шивы, вдруг вскрикнула Паравай: прямо возле нее лежала груда золотых слитков. Подбежал поэт, стал смотреть, все ли золото на месте, и видит, тот слиток, от которого он прежде отломил только кусочек, теперь заметно уменьшился: едва половина осталась. Очень огорчился божий любимец:

— Что же это, возлюбленный мой владыка! Ведь я отломил только крошечный кусочек от этого слитка, а здесь и половины не осталось! Сделай скорей, чтобы он стал как прежде.

Только сказал, как слиток стал вновь целым, даже без того маленького изъяна.

Богатым отныне сделался дом Паравай, а Сундарар опять пустился в свои странствия.

А вот что произошло потом. Жил в городке Ньяиру один брахман-адишайва по имени Ньяирукилавара. И была у этого брахмана дочь, которую звали Шанкили. Была она необыкновенно красивой девушкой, а также скромной, умной и набожной. Чем ближе подходила она к своему брачному возрасту, тем озабоченней становился ее отец. Раз говорит он жене:

— Я думаю, что на земле не найдется девушки столь прекрасной, как наша Шанкили. А где взять мужа ей под пару?

Жена отвечала ему, что над этим следует подумать, но, по ее мнению, поблизости найдется немало вполне достойных юношей из старых брахманских семей. Девушка, которая слышала весь этот разговор, вдруг упала в обморок. Она уже чувствовала, знала уже, что только тому сможет стать женой, кого сам Шива отличит и приблизит. А тут родители хотят выдать ее за какого-то простого брахманского парня!.. Очень испугались отец с матерью, привели ее в чувство, стали успокаивать, утешать, а она им говорит:

— Не выйду я ни за кого. Отпустите лучше меня в святой город Отри, там стану я в храме служить повелителю моему Парамашиве.

Родители ничего ей не ответили, а сами начали исподволь подыскивать ей жениха. И вот прибыли посланцы из соседнего селения и стали просить дочь Ньяирукилавара в жены для одного красивого и богатого брахманского юноши. Отец было согласился, но с дочерью

тут такое сделалось, что он заколебался. А пока медлил с ответом, двое из посланных тут же и умерли. Понял тогда отец, что не следует ему отдавать дочь замуж. А двое оставшихся посланцев в ужасе вернулись в дом пославшего их и видят: тот тоже лежит мертвый. Ньяирукилавара же, ни минуты более не колеблясь, отправил дочь в Отри, чтобы она целиком посвятила себя великому владыке. Прожила Шанкили немного времени в замечательном этом храме, когда вдруг явился туда Сундарар. Подошел он к ограде храма и зашел. Потом прошел внутрь, в чудесную Залу цветов. Там-то и увидел его Шанкили. Затрепетала вся от страсти и смущения, скрылась скорей за занавесью. Но затем, повинувшись пробудившемуся в ней чувству, вдруг быстро побежала к поэту и надела ему на шею гирлянду алых утренних цветов. А поэт, хотя видел ее лишь мгновение, весь пронизан был желаньем обладать молодой прислужницей Шивы. Вышел он из храма и сразу же обратился к единственному своему хозяину:

— О Шива, скорее отдай мне эту девушку! Ни ходить без нее не могу я, ни спать, ни есть, ни воспевать тебя. Я погибну, если ты сейчас же не отдашь ее мне!

И вновь повернулся Шива лицом к своему баловню, ласково поглядел на него и молвил:

— Я знаю, Сундарар, что старая страсть твоя не могла быть утолена только той женщиной по имени Паравай, ибо в прошлом рождение был ты влюблен еще и в другую женщину, которая звалась тогда Аниндитта, а ныне носит имя Шанкили. Но подожди немного, нам надо все сделать так, как она сама пожелает.

А в это время Шанкили без сна металась на своем ложе, истомленная желанием поскорее соединиться с Сундараром. Только забылась она в легкой дреме, явился ей Шива.

— Ты хочешь стать женой раба моего?

— Хочу! Только пусть поклянется, что никогда ни на день не оставит меня. И пусть даст эту клятву не в храме, а в роще под цветущим лимонным деревом.

Улыбнулся Шива и отправился к любимцу своему, чтобы передать условие невесты. Задрожал Сундарар, когда услышал, что хочет от него его будущая жена. Понял он, что страшное может случиться, но потом,

взглянув на сияющий лик бесподобного, вновь ощутил сильнейшую страсть и решился.

На следующее же утро поэт произнес клятву под лимонным деревом и после свершения надлежащих брахманских обрядов стал мужем Шанкили.

Но когда настала весна, вдруг снова потянуло поэта в странствия. Шелест нежный листьев напомнил ему о рощах родного Арура, запах весенних цветов пробудил память о чудесных ласках Паравай. Однако помнил он о своей клятве. Мучался он и томился много дней, а потом взял котомку и... Не увидела его больше Шанкили ни в тот день, ни на следующий. Ликуя, уходил поэт прочь от Ньяиру. Но только ступили его ноги на дорогу, что вела в Арур, как все его тело пронзила вдруг страшная боль и он лишился зрения.

— О Шива! — взмолился Аруран. — Я все понял! Я верил тебе и верю теперь: что бы ни сделал я, какую бы клятву ни нарушил — ты со мной! Но если ты не дал мне умереть, то зачем глаза мои света лишаешь?! Молю тебя, верни мне хоть один глаз, а боль я как-нибудь сам преодолею!

Улыбнулся отец, вернул рабу своему один глаз.

Вновь направился Сундарар к Аруру, весь сотрясаясь от боли. Шел он через славную страну Тондай, мимо великой святыни Авадутурай, по дорогам могучего царства Чола. Едва добравшись до родного города, не заходя даже к родичам, кинулся он в храм прекрасного колонный, пал ниц перед изображением владыки, воскликнул:

— Не могу я больше, о великий! Слаб я, нет у меня мощи, чтобы все это вынести! Верни мне другой глаз, избавь меня от этой ужасной боли!

И это исполнил вечно улыбающийся повелитель южной страны. Вновь ощутил поэт и молодость, и силу дара своего, и сразу же нахлынула на него страсть к Паравай.

А Паравай уже знала, что во время своего последнего паломничества Сундарар женился на равной ему по касте Шанкили. Терзаясь ревностью, затворилась она в своем доме и никого не желала видеть. Не знала она, что пришла весна, что супруг ее вновь вернулся в Арур. Сундарар же, здоровый, жаждущий любви, созвал в храм, где он пока оставался, своих друзей и попросил

их сходить к Паравай и уговорить ее принять своего супруга. Пошли они, но вернулись ни с чем: разъяренная женщина их и на порог не пустила. Да еще сказала, что если они не оставят ее в покое, то она лишит себя жизни.

Зашло солнце. Утомленный долгой дорогой поэт прилег в храмовом зале, но неуголенная любовь никак не давала ему заснуть. Тогда встал он с ложа и сказал:

— Что ж это, Шива?! Ведь ты сам дал мне эту женщину в жены, а она теперь из-за глупой ревности даже послов моих выслушать не хочет! Уговори ее принять меня этой же ночью!

Слегка пожал плечами Хозяин и пошел.

Настала ночь. Вдруг услышала Паравай стук в свою дверь. Испугалась она: «Кто б это мог к одинокой женщине прийти в столь поздний час?» Открыла. Входит незнакомый ей адишайва.

— Что вам надобно от меня? — спросила Паравай.

— Тебе, я думаю, следует принять твоего супруга, великого Намби из Арура.

Так прекрасен был облик незнакомца, что не могла женщина выгнать его. Но сказала:

— Как же вы, при столь высокой касте вашей, можете мне говорить такие низкие, недостойные мужчины слова? Намби больше не супруг мне!

Улыбнулся обращавший в рабство. Ничего не сказал. Ушел. Вновь с улыбкой явился в храм к Сундарару.

— О прекрасноголазый! — вскричал поэт. — Ты улыбаешься, значит — все в порядке, и я могу сейчас же идти к ней?!

— Нет, мой Намби, — отвечал Шива. — Слепленная ревностью, она не послушала меня. Ничего я не смогу сделать.

— Шива! — взмолился Аруран. — Я погибну без этой женщины. Кто же еще утолит любовь мою? Умоляю тебя, попробуй сходить к ней еще раз. Кто сможет устоять перед тобой?

— Ладно, попробую, — отвечал божественный гонец.

И снова пошел он к Паравай. Но пошел со свитой небожителей и духов, на этот раз в своем божественном облики.

И вот снова услышала Паравай шум за дверью. От-

крывает — тот адишайва, но в ином обличье! Пала она к его ногам, заплакала и засмеялась.

— О великий! Я тебя узнала. Я смирила ревность. Пускай приходит Намби!

И пришел тогда к ней Намби. А с небес ливнем пролились на землю чудесные цветы. И возликовали все боги и люди все.

Вот что случилось с Намби из Арура, с поэтом Сундараром, с тем любимцем Шивы, который в прежнем своем воплощении был влюблен в двух прислужниц, а в этом — стал их мужем. Вот что было с рабом великого, пока он вновь вечной обители Шивы не достиг.

А достиг он ее еще молодым, на тридцать первом году жизни. К этому сроку сумел он уже полностью исчерпать свою страсть и привязанность к земному существованию.

Этой женщине-
привидению — раб я!
Сундарар¹.

П О В Е С Т Ъ О Б О Т Ш Е Л Ь Н И Ц Е КАРАЙККАЛ

В стране Чола, на изрезанном бухтами берегу моря, среди густых прибрежных рощ, стоял некогда прекрасный, богатый, изобилующий кораблями портовый город, называемый Карайккал². Придерживающиеся пути дхармы, беспорочные и преисполненные достоинств купцы, жившие в Карайккале, вели обширную торговлю с заморскими странами. Кастовым старейшиной у этих купцов был в то время Дханадатта, известный не только своим богатством, но честностью и праведным образом жизни. И за содеянный им тапас родилась у его жены дочь, прекрасная, как Лакшми, которую называли Пунидавади, что значит «чистейшая». Она росла необычной девочкой. Первым словом, которое она научилась говорить, было не «мама» или «папа», а «Шива». И она произносила это слово непрерывно без устали, даже бегая наперегонки, прыгая или играя со своими подругами. И с раннего детства она ни к родителям,

ши к подругам не тянулась так, как тянулась к проходящим иногда мимо их дома странствующим шиваитским аскетам. С необычайной силой влекло ее к обожженным солнцем рабам Шивы, одеждой которым служила лишь набедренная повязка и глаза которых постоянно горели любовью к танцующему богу. Пунидавади была очень милой и красивой девочкой. Ее родители дали ей образование, скорее приличествующее дочери брахмана, чем девочке из купеческого сословия. Так она дожила до того возраста, когда ее тонкий стан и упругая грудь стали вызывать восхищение и зависть подруг и когда девочке уже не пристало выходить из дому одной.

А неподалеку на морском побережье был другой торговый город под названием Негапаттинам³. И жил там один богатый купец по имени Нитипати. Услышав о том, какая красивая и умная девушка живет в Карайккале, он стал просить ее родителей отдать ее в жены сыну его Парамадатте. Дханадатта согласился. В Карайккале они справили свадьбу, и молодые остались там жить. Дханадатта не хотел отпускать свою дочь в другой город и построил молодым новый красивый дом неподалеку от своего.

Пунидавади и Парамадатта жили безбедно и счастливо. Торговые дела мужа шли блестяще. Он превзошел в богатстве своего отца и вскоре стал одним из самых знатных купцов страны Чола. Пунидавади, и будучи замужем, всем своим существом продолжала стремиться к Шиве; ее любовь к нему становилась все более страстной и пылкой. Она щедро одаривала шиваитских аскетов, давала им пищу, одежду, деньги — все, в чем они нуждались. Но вместе с тем она была и прекрасной подругой своему мужу, нежно его любила и образцово вела домашнее хозяйство.

Однажды, когда Парамадатта сидел в порту у себя в складе, принесли ему два великолепных спелых плода манго. Парамадатта отправил эти плоды жене, рассчитывая съесть их позднее за обедом. Как только Пунидавади приняла эти плоды, в дом вошел старый странствующий шиваитский отшельник и стал просить чего-нибудь поесть. Пунидавади была просто счастлива оказать гостеприимство такому человеку. Сначала она принесла ему холодной воды, чтобы тот омыл свои запылен-

ные усталые ноги, а потом, так как обед не был еще готов, дала ему вареного риса и один из посланных плодов манго. Отшельник, очень довольный приемом, почтительно поблагодарил хозяйку и пошел своей дорогой. В полдень пришел муж, умылся и сел за обед. После кушаний Пунидавади дала ему плод манго. Он съел его с наслаждением и тотчас спросил другой. Пунидавади смутилась: «Что делать?» — и на мгновение выбежала из комнаты, как бы для того чтобы отыскать плод. И тогда она впервые обратилась к тому, «кто приходит на помощь тем, что забывают о себе, вечно помня о нем». И только она обратилась к нему, как на ее ладони оказался недостающий плод. Попробовав манго, муж замер пораженный. Плод был так необычайно, так божественно вкусен, что он сразу понял: это какой-то другой, особый плод, а вовсе не из тех, которые он послал утром жене. Он посмотрел на Пунидавади и строго спросил: «Откуда у тебя этот плод?» Мгновение она колебалась, не решаясь раскрыть ему тайну, но, вспомнив о священном долге жены ничего не скрывать от мужа, рассказала все, как было. Однако хозяин дома не совсем поверил словам жены и сказал:

— Если так, то принеси мне еще один плод.

И снова она обратилась к Шиве:

— О змееносец! Еще один плод дай любящей тебя!

Она положила плод перед мужем, но только тот прикоснулся к нему, как чудесный плод исчез. Задрожал Парамадатта, почувствовал тогда он, что живет не с обычной женщиной, а со святой. И решил он покинуть ее, как только выйдет случай. Затем он построил большой корабль, нагрузил его всякими товарами и, спросив благоволения у бога морских вод, отправился торговать за море. Вернулся он еще богаче, чем был, переехал в страну Пандия и обосновался там в одном из приморских городов. Дела его там шли превосходно, вскоре он женился на дочери одного купца и, когда у них родилась дочь, назвал ее Пунидавади (по имени своей первой жены, которую он стал почитать как богиню-покровительницу своего домашнего очага).

Когда родители Пунидавади узнали о том, что Парамадатта переехал в страну Пандия и завел там новую семью, они решили отправиться к нему за объяснением

и взяли с собой Пунидавади. Путешествие продолжалось несколько дней, Пунидавади несли в паланкине. Остановившись на окраине города, в котором жил Парамадатта, они послали сказать ему о своем приходе. Он немедленно направился к ним навстречу вместе со своей женой и дочерью и, увидев свою первую жену, пал ниц перед ней и приветствовал ее как святую. Ее родичи были удивлены, но он рассказал им подробно, что произошло с Пунидавади, и сказал, что и они должны почитать ее как божество. Пунидавади же, увидев мужа счастливым с другой женой, стала молить Шиву, чтобы он лишил ее тяготившей ее плоти:

— О господин мой! Ведь только для мужа сохраняла я свое тело и лелеяла свою красоту! На что мне теперь моя плоть?! Ведь мужу она больше не нужна, а для меня она стала тяжелой обузой. Освободи меня от этого тела и дай мне, молю тебя, тело тех демонов, которые пребывают у стоп твоих!

Высочайший исполнил ее просьбу. Она отбросила всю плоть свою и осталась скелетом, обтянутым кожей. И сразу же с небес на землю пролился дождь чудеснейших цветов, наполнивших весь мир своим дивным благоуханием. Торжественно зазвучали небесные барабаны, а демоны и аскеты, что были в свите Шивы, затплясали от великой радости. Ее родичи отправились в обратный путь, почтительно с нею простившись, а она, бесконечно счастливая тем, что Шива снизошел к ней и что отныне она всегда будет в свите его, господина прекрасной Умы, стала петь гимны, прославляющие его алопламенеющие стопы. Так родилась ее первая поэма «Священные стихи андади о Чудесном». А потом она спела еще одну поэму, которая стала называться «Двойная нить драгоценных камней».

После этого она пустилась в путь к снежным вершинам священной горы Кайласы, того места, где Разрушитель трех градов обитает. И всю дорогу шла она вниз головой. Видя ее иссушенную, похожую на привидение, идущую на голове, люди бежали прочь в изумлении и страхе.

— Ах, что мне из того, что люди не знают, кто я такая, если господин всей вселенной знает меня! — говорила она.

И так на голове она взойшла на высочайшую гору.

Увидя ее, изумилась Дочь гор⁴ и стала спрашивать у супруга своего:

— Кто это подымается к нам на гору?

— Та, что пришла к нам, обожая нас, получила то, чего желала, — отвечал ей Шива. — О Ума! Она получила свое новое тело-скелет, как у привидения.

И, обратившись к пришедшей Пунидавади, он произнес:

— Иди сюда, аммай!

А она отвечала ему, шав к его ногам:

— О отец мой! Я здесь!

— Чего же ты хочешь от меня, мать? — спросил ее тот, кто в ушах своих носит белые раковины.

И вот что отвечала ему Пунидавади, которая отныне стала зваться Карайккаламмай:

— Я хочу никогда более вновь не рождаться. А если мне придется родиться, то, в каком бы воплощении я ни родилась, пусть никогда не изгладится во мне память о тебе! Я хочу, чтобы ты оказал мне милость, полюбив меня. И еще я хочу, о воплощение добра, быть под твоими ногами и в восторге воспевать тебя в то время, как ты танцуешь свой танец.

И тогда Шива промолвил:

— Ступай в Алангаду⁵, что находится на окраине Паланамы, этого древнего священного города юга. Там увидишь ты великий танец, который танцуем мы, там, возрадовавшись, ты вновь воспоешь нас.

И Карайккаламмай покинула того, кого почитали веды. Она шла к югу, как и прежде, на голове, пугая своим видом встречных. Достигнув Алангаду и сподобившись лицезреть танец Того, кто не имеет начала, плененная его красотой, она спела свою третью поэму, которая стала называться «Старая поэма Алангаду». И вот как начиналась эта поэма:

Я привиденье жуткое с отвисшей грудью, со вздутыми веками,
С глазами запавшими, с зубами блестящими, с животом провалившимся,
С волосами красными, с клыками торчащими...

ИСТОРИЯ КОВАЛАНА И КАННАХИ

В прекрасной стране Чола¹, в том месте, где в бухту Сангамухам впадает река Кавэри, стоял воспетый и прославленный предками город Кавэрипумпаттинам² — древняя столица Чолов. В этом городе жили купцы трех каст — ишпары, кавишпары и перунгудияры³. И вот случилось так, что один из именитых перунгудияров, купеческий старшина Масаттуван, занимавшийся морской торговлей, женил своего сына на дочери купца той же касты Манайягана. Юноше — его звали Ковалан — было тогда шестнадцать лет, а невесте — имя ее было Каннахи — еще не исполнилось двенадцати.

Пышно справил Масаттуван свадьбу сына. Брачные обряды были совершены ученым брахманом согласно предписаниям великих вед, и Ковалан зажил богато и счастливо, предаваясь с Каннахи утехам любви, вкушая наслаждение и радуясь. Но вот его мать Перуманейккилатти решила, что молодым пора жить отдельно и самим устраивать свою семейную жизнь, чтобы приобрести житейский опыт и достичь совершенства и

процветания. Она распорядилась построить отдельный дом, наполнила его всеми вещами, необходимыми для ведения хозяйства, и поместила туда молодых. Ковалан и Каннахи зажили там душа в душу, добродетельно и праведно, исполняя, как должно, все семейные обязанности, помогая бедным, поддерживая мудрых и достойных и оказывая гостеприимство аскетам⁴.

В полном благополучии прожили они несколько лет. Но постепенно Ковалан стал отдаляться от своей жены, завел себе друзей — мотов, презиравших все на свете, юношей, главным занятием которых было посещение публичных домов. А началось это с того дня, когда Ковалан воспылал любовью к прекрасной танцовщице Мадави.

Случилось это так. В городе издавна существовала особая каста танцовщиц, называемых ганика или канижей. С самого детства обучались они танцам, музыке и прочим искусствам, а потом, достигнув возраста, когда другие девушки выходят замуж, они становились танцовщицами и увеселяли царя, царский двор и всех горожан. У них не бывало своей семьи, и жили они с тем мужчиной, который приходился им по вкусу или давал им наилучшее содержание. Среди таких-то женщин и родилась Мадави. Уже в пять лет начала она постигать ремесло своей касты. Танцор и певец, поэт и барабанщик, флейтист и лютнист были учителями ее. А когда исполнилось ей двенадцать лет, она впервые выступила на состязании танцовщиц. Потрясенный несравненным ее талантом, царь при большом стечении придворных, внати и горожан увенчал ее высшей наградой — изумрудной цепью. Потом, согласно старинному обычаю, царь сам определил «цену любви» девушки. Одна тысяча восемь золотых монет!

— Эй, юноши города! — кричала горбатая служанка танцовщицы, став посреди «веселого квартала» с изображением Мадави в руках. — Кто хочет получить мою молодую тоспожу с газельими глазами и станом гибким, как лиана, пусть скорее платит!

Как раз в это время в квартале оказался Ковалан. Ему так понравилась изящная танцовщица, что он, выйдя из толпы хохочущих друзей, не колеблясь, выложил эту даже для него немалую сумму и тотчас же после-

довал вслед за горбуньей в «обитель любви». С того дня он почти не появлялся дома.

Шли годы. В наслаждениях проводил Ковалан все свои дни и ночи. Не задумываясь, тратил он богатства, накопленные вековым трудом его славных предков. Каннахи же, хотя и страдала от того, что супруг покинул ее, скрывала свое горе и, несколько на мужа не злобствуя, как и прежде, примерно исполняла свои обязанности хозяйки дома. И вот однажды подошел срок празднеств в честь бога Индры⁵, которые, согласно обычаю, жители Чолы ежегодно устраивали в своем городе. В конце этих празднеств все горожане, каждый со своими домашними и слугами, отправлялись к морю для игр и развлечений. Пришел на берег и Ковалан с Мадави. Вечер спустился на великую столицу Чолов. Каким сладостным обещал он быть для веселых девушек, дарящих свою любовь пылким возлюбленным, и каким горестным для тех, кто, подобно Каннахи, терпеливо переносил боль разлуки с любимым!

Пастухи в селениях под нежные звуки камышовых дудок загоняли в хлева добрых коров. Над бутонами ароматных цветов жужжали пчелы. Легкий ветерок разносил благоухание прибрежных рощ. Юные хозяйки, звеня браслетами, зажигали лампы в своих домах. Молодой месяц, появившись в небе, прогнал черную тьму — так молодой царь из династии Пандиев прогоняет полчища врагов. Как хорошо в такой вечер возлюбленным, забывшимся среди ласк! Как тяжело тем, чьи мужья ушли от них прочь! Эти несчастные женщины не вспоминают о жемчуге нарядов своих, и сандаловая паста напрасно ждет прикосновения к их нежной прохладной коже. И не украшают они одинокое ложе свое вечерними цветами.

Придя к берегу моря, Ковалан взял из рук Мадави вино⁶ и стал петь. Он пел одну песню за другой, а Мадави все вслушивалась и никак не могла уловить внутренний смысл его слов. «Он так поет, будто любит уже не меня, а другую», — подумала она и, отняв у него вино, запела сама. И хотя в мыслях ее не было никого, кроме Ковалана, она пела так, будто кто-то другой уже запал ей в сердце. А Ковалан, разгадав, как ему казалось, внутренний смысл ее песен и чувство, которым они были проникнуты, подумал: «Да ведь она поет, уже

к другому стремясь». И страшно стало ему. Неожиданно испытал он гнетущее и смутное предчувствие: словно вот-вот случится с ним беда — плод дурных деяний, совершенных им в прошлой жизни⁷. Внезапно почувствовал он ненависть к танцовщице и покинул ее, не простившись.

Когда он пришел домой, Каннахи только посмотрела на супруга своего и улыбнулась робкой, грустной улыбкой. А когда остался он с нею в спальне, то увидел, как тяжело она страдает, сколь изнурено ее прекрасное тело. Горестно воскликнул тогда Ковалан:

— Я пребывал в любовной связи с этой распутницей, что ложь выдает за правду! Богатства, в изобилии скопленные моими предками, я промотал и стал бедняком! Друзья мои покинули меня, как птицы, улетающие от берегов пересохшего водоема. Как горько и стыдно мне теперь!

Каннахи, слыша это, подумала: «Он так мучается лишь оттого, что ему больше нечего дать Мадави». Тогда она смиренно предложила:

— У меня, рабыни твоей, еще остались два ножных кольца, возьми их.

Он же, поразмыслив, так отвечал ей:

— Возьму твои ножные кольца. Отправлюсь с ними в Мадuru и продам их, а на вырученные деньги куплю разных товаров, стану торговать, чтобы скорее возратить потерянное. Да, вот так и сделаю. Ты отправишься вместе со мной.

Каннахи с радостью согласилась, хотя знала, что тяжкие испытания ожидают их на этом пути, ибо за день до того привиделся ей страшный сон, что погибнет ее возлюбленный супруг в большом городе, поносимый и оклеветанный. Той же ночью, пока не истек еще срок последней вахты⁸, Ковалан разбудил ее, и они тайно, никем не замеченные, вышли из города и направились по северному берегу Кавэри на запад. Сначала они шли вдвоем, но вскоре у одной рощи им встретилась обитель одной джайнской отшельницы⁹ по имени Кавунди. Они почтительно приветствовали ее, а она сказала им:

— Вижу, что вы люди благородного происхождения. Жаль, что не могу отговорить вас от путешествия в Мадuru, ибо лесная дорога не для нежных ног этой прекрасной молодой женщины. Но я тоже собираюсь в

Мадуру, чтобы разузнать у тамошних мудрецов кое-что относительно добродетели и знания совершенного поведения. Там же надлежит мне почтить изображение великого джайнского мудреца.

Ковалан, Каннахи и отшельница продолжали свой путь вместе и через несколько дней достигли окруженного садами города, называемого Арангам¹⁰; затем на плоту они переправились на южный берег Кавэри и остановились отдохнуть в прелестном храмовом саду.

Как раз в то время проходили мимо двое — блудница и распутник. Только увидели эти бродяги бедных супругов, тотчас принялись оскорблять их и поносить. Рассердилась Кавунди и, чтобы наказать негодяев, произнесла магическое заклинание и превратила их в шакалов. Но Ковалан и Каннахи пожалели их; они упростили Кавунди, чтобы та лишь на год оставила их в образе шакалов, а потом вернула им человеческий облик.

Путешествуя так втроем, они достигли Урейура¹¹, где и остановились на ночлег.

На другое утро они снова отправились в путь, но, пройдя немного и утомившись, сделали остановку. Затем встретился им один вишнунитский брахман. Когда Ковалан спросил у него дорогу в Мадуру, он ответил:

— Скоро, о путники, вы дойдете до перекрестка трех дорог. Если пойдете направо, то придется вам пересечь холмы и поля. Если выберете левую дорогу, то она приведет вас к холму, посвященному Вишну. В этом холме прорыт священный ход, который ведет к трем волшебным озерам. От них расходятся пути ко всем местам, которых пожелаешь достичь, но охранители этих путей задают проходящим мудрые вопросы, не ответив на которые отсюда не уйдешь. Есть еще средняя дорога, которая пролегает по лесам и рощам. Она самая легкая, но на ней встречаются лесные и озерные духи.

Избрав средний путь, они двинулись дальше и шли до самой ночи. Предостережение брахмана вскоре сбылось: на следующее же утро, когда Ковалан пил воду из озера, к нему бросилась сгорающая от похоти озерная фея, принявшая облик юной служанки Мадави. Ковалан тотчас же произнес заклинание, и дух исчез. Ковалан принес женщинам свежей озерной воды, и они, отправившись дальше, вскоре достигли леса, населенного

дикими охотниками-мараварами, которые предпочитали быть растерзанными на поле битвы, нежели сожженными на погребальной поляне. Там Шалини — девушка, духом которой овладела богиня охотников Айяй, исполнила перед путниками свои священные танцы и песни, отвращающие несчастья. Они отправились дальше, но солнце палило так жестоко, что Ковалан предложил идти ночью, а в зной отдыхать в тени. Утром, когда Ковалан, оставив Кавунди и Каннахи, удалился на берег находящегося неподалеку озера для совершения утреннего омовения, он вдруг увидел юного брахмана Каусику, который прибыл из Кавэришумпаттинама с письмом от Мадави. Каусика передал Ковалану исписанный пальмовый лист и рассказал ему, как тоскует Мадави от разлуки с ним, как страдают его мать, отец и все родичи. Ковалан, весьма опечаленный этим рассказом, поведал брахману о причинах своего ухода. Он велел передать матери и отцу низкий поклон и рассказать им о своих делах. Отослав Каусику, Ковалан вернулся к спутникам. Вскоре увидели они проходивших близ того места панаров — странствующих певцов, распевавших гимны в честь великой недостижимой богини Кали. Побеседовав с ними и разузнав у них дорогу, путники продолжали свой путь и вскоре достигли реки Вайгай близ Мадуры. Поклонившись великой реке, они переплыли ее на плоту и, подойдя к городу, остановились в Мадирпураме¹², приюте отшельников и аскетов.

На следующий день утром грустный поднялся Ковалан со своего ложа и, обратившись к Кавунди, воскликнул:

— О святая! Сколь низок был я, отвратившийся от праведного пути и обрекший на муки Каннахи, этот нежный цветок!

И сказала тогда Ковалану джайнская отшельница:

— Знай, Ковалан, лишь оттого, что твои дурные деяния перевесили добрые, пришло для тебя и жены твоей время несчастий страшных. Ах! Сколь бы громко ни кричали проповедники истинного пути, как бы ни предостерегали они от дурных поступков, не понимают люди, что неумолим кармы закон! А когда наконец зло, в прошлом совершенное, в этом рождении приносит свой горький плод, они страдают, страдают, страдают, ибо не ведают истинных причин своих несчастий и постиг-

путь их не могут! Есть страдания, причиненные разлукой или, напротив, чрезмерной близостью, а также те, что бог любви Кама нам посылает. Но этим невзгодам подвержен лишь тот, кто сам, по своей воле запутался в сетях влечения к женщинам с вьющимися локонами и привык к обильной еде. Теперь же довольно плакать. Скорей отправляйся в Мадурю!

Выслушав это, поклонился Ковалан отшельнице, поручил юную супругу свою ее заботам, а сам пошел в город, чтобы разузнать, где бы можно заняться торговлей, а также где найти место для ночлега. Впервые увидел он Мадурю во всем ее великолепии и, потрясенный, даже забыл на время о горестях своих. Узкая дорога, предназначенная для царских слонов, пересекала сверкающие на солнце водоемы и вела к воротам, охраняемым чужеземными наемниками. Проскользнув мимо сторожевого поста, над которым восточный ветер развеивал царские знамена, Ковалан оказался внутри славной столицы Пандиев. По широким улицам гуляли продажные женщины. Веселые молодые люди — их любовники — толпами спешили к пляжам, пристаням и увеселительным садам. Другие женщины легкого поведения, менее красивые и богатые, сидели в тени ароматных деревьев. Когда же Ковалан вышел на главную улицу, то его восхищенному взору предстали великолепные дворцы, в которых жили тайные наложницы царей и принцев. Затем огромный городской базар предоставил изумленным глазам Ковалана все, что может произвести искусство и трудолюбие золотых дел мастеров, оружейников, кузнецов, портных и ткачей. И наконец, попав на улицу, находящуюся в самом центре города, он замер от восхищения перед грудями алмазов, сапфиров, рубинов, изумрудов и жемчуга, выставленными в лавках ювелиров. Возвратившись в Мадирпурам, Ковалан с восторгом стал рассказывать женщинам о всем виденном. Вскоре к ним присоединился один мудрый брахман по имени Мадалан, знавший все, что случилось прежде с Коваланом в Пухаре и что ожидает его в Мадуре. Они проводили время в приятной беседе, когда зашла к ним жившая в том пригороде Мадари, жена старшины пастухов, славившаяся своей добродетелью и праведным образом жизни. Глядя на нее, Кавунди подумала: «Помещу-ка я к ней Каннахи, пусть она пока

поживет под защитой этой праведницы». Так решив, обратилась она к Мадари: не примет ли та на время Каннахи в своем доме. При этом она рассказала о достоинствах Каннахи, о ее благородстве и самоотреченности. И еще рассказала о воздаянии, которое получит всякий, сохраняющий то, что святые ниспослали нам для сохранения. Мадари, женщина из веселого пастушеского племени, с радостью согласилась. Она повела Каннахи и Ковалана в находящееся вблизи города пастушеское селение.

Они пришли к новому красивому маленькому домику, выкрашенному красной охрой. Вокруг стояли другие такие же хижинки — в них жили пастухи. Мадари поместила Каннахи в этот домик. Обращалась она с гостьей бережно, будто с прекрасным драгоценным камнем. Помогла юной страннице совершить омовение в свежей воде, надела на нее венки из благоухающих цветов, а потом сказала ей с глубоким почтением, какие оказывают лишь истинно благородным:

— Сობлаговоли здесь остаться со мной, о женщина, украшенная цветами! Ты наделена красотой безыскусной, но рядом с тобою меркнут все драгоценности, что носят мадурские девы! Как слиток золота, буду беречь я тебя, а дочь моя Айяй будет покорно прислуживать тебе. Твой бедный супруг устал от скитаний, но, может быть, и он уже облегчил немного страдания свои: ведь он преклонил голову в нашем селенье — в том месте, где грусти не знают! Эй, девушки, скорее несите сюда корзины и чаши, пора нам готовить для наших гостей дневную трапезу!

И поспешили к ней, звеня браслетами, дочери и жены пастухов. В изобилии несли они бананы, манго и всякие другие плоды — кислые и сладкие, а также масло, самый лучший рис и самые острые приправы.

— Возьми скорей все это, о женщина, чьи руки гнутыми браслетами увиты!

Маленьким топором Каннахи ловко рассекла великолепные плоды; ее нежные пальцы окрасились их алым соком. А когда вместе с Айяй она стала разжигать очаг, лицо ее покрылось испариной и прекрасные глаза покраснели. Сколько прелести и непринужденности было в ее движениях, когда она готовила обед для возлюбленного супруга своего! Когда же Ковалан сел

на скамью и омыл ноги в принесенной ею свежей воде, она поставила перед ним первое блюдо.

— О мой господин, — сказала она, — соблаговолите вкушать от этих божественных плодов.

Затем умело и привычно выполнили они предобеденные обряды, столь трудные для тех, кто вслед за воинами идет¹³. Айяй и мать ее в изумлении смотрели на них и думали про себя: «Уж не принц ли он, этот вкушающий чудесную пищу юноша, увенчанный свежими цветами? Быть может, отпрыск царского рода прячет тоску свою в нашей маленькой пастушеской деревенке?.. А эта красавица, с руками, украшенными браслетами, — не светильник ли она, прогоняющий мрак грусти? Смеют ли наши глаза наслаждаться столь прекрасным зрелищем?..»

Ковалан, закончив еду, взял поданный женой бегель¹⁴, привлек ее к себе и так сказал:

— Достаточно ли сильны мы с тобой, чтобы и дальше следовать тяжелой, каменистой дорогой? Не мучаются ли бедные наши родные, представляя, как острые камешки терзают твои маленькие ноги на этом горестном пути? Не сон ли это все? Или это плод моей кармы дурной, которой пришлось время явить себя? Как тяжело моему сердцу! Я полон неведомой тревоги. Есть ли еще выход для меня? Было время, я забылся в распутстве и гульбе, я презрел совет мудрых, я проводил дни в праздной болтовне с компанией остервенелых развратников, для которых нет ничего святого. Даже обряды моих предков я перестал выполнять. А как низко я вел себя с тобою, такой чистой и спокойной! Ах, не знал я, где добро, где зло! Я сказал тебе: «Вставай и пойдем в большой чужой город». И ты встала и пошла. Ты разлучилась с родителями и близкими, ты пошла за мной преисполненная скромности и супружеской верности, ты освободила меня от горечи одиночества. О ты, золотое ожерелье, сверкающее драгоценными камнями, прекрасная женщина, увенчанная прекрасными локонами, олицетворенная невинность, яркий светильник, горящий на моем пути, нежный бутон цветка добродетели! О воплощение Лакшми, ты здесь, чтобы облегчить мою участь! Возьму я одно из твоих ножных колец и сейчас же пойду продам его. А ты пока не томи себя печалью в одиночестве и постарайся прогнать грусть.

Он говорил, а сердце его страдало. Так не хотел он оставлять ее одну, что слезы обильно текли из его глаз. Боясь, что эти слезы огорчат ее, взял он ножное кольцо и быстро ушел. Смятенный, приближался он к городу. По дороге встретился ему бык с большим горбом, но он твердым шагом шел к базарной улице, не зная, как и многие другие люди его касты, этой дурной приметы.

Как раз в это время по улице торжественно проходила процессия. Золотых дел мастера праздновали свой день. Во главе процессии шествовал цеховой староста. Увидя его и по осанке признав в нем поставщика самого царя, Ковалан приблизился и спросил:

— Не соблаговолите ли вы оценить это ножное кольцо? Оно достойно того, чтобы его носила супруга самого царя, не так ли? — И смиренно, но с достоинством, избобличающим человека некогда богатого и сильного, он показал мастеру свою драгоценность.

А этот человек с лицом вестника смерти осмотрел кольцо, изумился столь чудной работе и ответил:

— Кольцо действительно достойно лишь прекрасной лодыжки царицы. Хотя я и не великий мастер, но сообщить об этом царю могу. А ты пока иди к жалкой моей лачуге и жди там.

Он показал Ковалану свой дом и ушел.

Этот золотых дел мастер был лежецом и вором. Незадолго до того похитил он у супруги царя одно из ножных колец и теперь рассудил так: «Это кольцо в точности такое же, как и то, что я украл. Владелец же его — чужой здесь человек, надо на него навести все подозренье!» Так решив, он скорее пошел к царю. А царь Пандий Недунджелиян как раз только-только покинул своих советников и теперь направлялся в покои своей супруги. Он хотел в любовной игре примириться с ней после маленькой размолвки: накануне царица приревновала его к юным мадурским танцовщицам. Страсть уже нарисовала на белках его глаз красные прожилки. И вот, когда царь остановился перед последней дверью, золотых дел мастер подбежал к повелителю, распростерся перед ним ниц и сказал:

— О государь! Человек, который без отмычки и лома выкрал из дворца ножное кольцо царицы, сейчас находится возле жалкой хижины раба твоего. И кольцо

при нем. Лишь силой магии мог он его похитить. Волшебством погрузил он в глубокий сон твоих телохранителей, с помощью колдовства избежав ока городской стражи!

Пандий немедленно призвал к себе стражников. Он уже открыл рот, чтобы сказать: «Если в руках у чужестранца, о котором донес мне мой слуга, окажется ножное кольцо царицы, то приведите вора ко мне для свершения над ним казни». Но в этот самый момент наступило время возмездия за деяния, совершенные Коваланом в прошлом рождении¹⁵. Поэтому царь вместо этих слов произнес:

— Убейте вора на месте, а ножное кольцо принесите ко мне!

Золотых дел мастер повел стражников к своему дому, радуясь, что его коварный замысел близок к осуществлению. А Ковалан ждал, тяжело томясь предчувствием страшной развязки¹⁶. Когда они пришли, золотых дел мастер обратился к Ковалану:

— Эти люди пришли по приказу царя за ножным кольцом.

Но стражники, увидев благородный облик и честное лицо Ковалана, стали говорить, что такой человек не может быть вором, что, должно быть, это ошибка. Тогда золотых дел мастер, с презрением на них глядя, сказал:

— Жалкие неучи, что вы можете знать о ворах? Ничего! Так слушайте же! Люди, что живут воровством, все происходят из одного племени. Восемь вещей знают они, чтобы сделать кражу успешной: таинственные заклинания, помощь дружественных им божеств, одуряющие снадобья, ясновиденье, ловкость, удобное для совершения кражи место, благоприятное время, а также различные инструменты. Понятно? Да и сами вы не одурманены ли уже? Смотрите, не сдобровать вам, если гнев нашего блистательного повелителя обратится на вас. Стоит этим ворам произнести заклинание, и вмиг они исчезнут с глаз наших, подобно невидимым сыновьям Индры¹⁷. И заручившись поддержкой своих божеств, они могут ускользнуть от нас, даже если покажут нам руки, полные краденого добра. И мы даже знать не будем, в какую сторону броситься вслед за ними. Воспользовавшись своим ясновиденьем, они могут все

узнать о вещи, которую хотят украсть, и о ее хозяине. Без труда и риска получают они желаемое, а ловкачи они такие, что у самого Индры с шеи гирлянду стащат — он и не обернется! А если запрятут украденную вещь в верное место, то даже боги вовек ее не отыщут! И нет для этих людей ни дня, ни ночи. Изучите, как я, трактаты о воровском искусстве, и вы поймете: нет на этой обширной земле места, куда бы воры не могли проникнуть! Вор явится в город под видом посла, ночью пройдет во дворец под видом женщины, не боясь света ламп, пронесется, как вихрь, по покоям, с быстротой молнии завладеет брильянтом, что, подобно полуденному солнцу, сияет на груди юного царевича. И пусть царственный хозяин этой драгоценности, проснувшись, схватится за кинжал — вор в тот же миг схватится за ножны и ножнами отобьет удары клинка. Принц, конечно, одолеет его, но вор все равно исчезнет в момент, когда слуги протянут руки, чтобы схватить его. Нет, никто в этом мире не сравнится с ними в проворстве!

Выслушав эти черные речи, один из стражников, молодой человек с копьем в правой руке, воскликнул:

— Да, да! Я видел раз вора собственными глазами! Видел, как с тяжелым ломом в руке, завернувшись в синий плащ, он появился внезапно, подобно тигру, из крошечной тьмы ночной. Я выхватил кинжал, но он, ошалев от безумного желанья драгоценностей, бесстрашно схватился за лезвие. А когда я другой рукой уже готов был сбить его на землю, он вдруг исчез. Нам не постичь их уловок. Что же намереваетесь делать вы, стражники, увешанные оружием?

И тогда другой стражник, совсем пропащий человек, пронзил кривым кинжалом грудь Ковалана, который, словно окаменев, стоял перед ними. Ковалан упал — упал перезрелый плод прежних его деяний. Его кровь залила все вокруг. И, почувствовав на себе кровь, в ужасе и тоске содрогнулась Притхиви, богиня земли. И в тот же момент треснул и погнулся скипетр царя Пандия.

Прошла ночь, звучным голосом барабан в царском дворце возвестил восход солнца.

А Мадари, жена старосты из счастливого селения пастухов, проснувшись, взяла мутовку и вышла из дому. «Кажется мне, — подумала женщина, — что пришло вре-

мя сбивать масло». Но взглянула на кадки с молоком, на скот в стойле и запела:

Молоко в моих кадках не скисает, не густеет,
Из больших глаз моих буйволов горбатых
струятся слезы —

Что-то страшное должно произойти!

Ароматное масло не тает,
Ягнята прыгают и бьются в яслях —

Что-то страшное должно произойти!

Дрожат крупной дрожью мои коровы,
Дрожат длинные соски на их вымени,
Колокольца обрываются, падают на землю —
Что-то страшное должно произойти!

Жутко стало Мадари при виде этих предвестников беды, и сказала она дочери своей Айяй:

— Надо, чтобы молодые девушки нашего селенья собрались на улице и сплясали для Каннахи — для этого брильянта среди жен земных. Пусть полюбуется на тот танец, что некогда сам царевич небесный Вишну танцевал с сестрою юною своею, чьи глаза, как копья, всех пронзали. Танец этот, куравай, может черные знаменья отвратить и наших буйволов и телок излечить от дрожи.

И выбрала она семь девушек прекрасных, с волосами, украшенными цветами синей лилии и красного жасмина, семь гибких лиан, семь подруг пастухов смелых — тех пастухов, что укрощают буйволов могучих, семь пугливых ланей, чьи плечи нежные и груди еще только ждут ласки возлюбленных дерзких. И распределила она между ними роли в зависимости от высоты голоса каждой из них; одна должна была Вишну представлять, другая — его возлюбленную, а остальные — других богов.

Долго танцевали девушки чудный пастушеский танец, восхваляя Вишну в различных его воплощениях¹⁸. Они пели:

О мое ухо! Чье ухо не услышит в восторге
Поступь героя, что разрушил замок небесный,
Весть о герое, что царю Ланки поражение нанес,
Слух о герое, что с братом своим в лесу

Утомил свои ноги, которым вселенной
Всей на два шага не хватит!¹⁹

О мой глаз! Чей глаз не узрит в изумленье
Черного принца, чьи уста подобны зрелому плоду,
А руки — волшебны, а ноги — священные, а очи —
блестящи,

Небожителя, чей пупок — это лотос,

Вселенную всю закрывающий, —

Принца Майи, великого бога²⁰.

О язык мой! Чей язык в упоении не восславит
Того, кто избегнул хитростей Кансы — злодея,
Того, кто принес шести героям благовест,
Того, кого славят все четыре страны света!²¹

И так закончили они, взывая к Нараяне²²:

О Нараяна! Пусть этот танец и ление это
Излечат от дрожи наш скот и падежу не дадут
случиться!

Потом все вместе они пошли к берегу Вайгай, и Мадари бросила в воду цветы, благовонья и сандаловый порошок²³, чтобы этим еще более умиловить Вишну. Но едва отошли они от берега, утомленные танцем и пеньем, как подбежала к ним женщина, только что пришедшая из города. И рассказала, что приключилось с несчастным Коваланом. В смятении бросилась Мадари к дому своему, но, увидев Каннахи, молчащую, с замершей на лице тревогой, не нашла в себе решимости сказать ей правду. Каннахи же посмотрела на нее, потом — на притихших женщин и сказала тихо и растерянно:

— О подруга моя! Я не вижу возлюбленного мужа моего; мне что-то тревожно с утра сегодня, что-то мучит меня. И в сердце моем что-то давит, и щемит, и жжет, и наружу никак не вырвется, словно огонь в раскаленном горне. Почему молчат эти женщины, подруга, скажи скорее! В полдень мне стало еще тяжелее — он все не приходит, тот, кого я так люблю. Что хотят сказать эти женщины, подруга? Помоги мне, я не вижу его возле себя. Мое сердце забилося, заметалось; о подруга! Зачем, скажи, здесь эти молчащие женщины?
И тогда ей сказали:

— Было прекрасное ножное кольцо у супруги царя Пандия. Но пришел какой-то вор и, никем не замеченный, похитил это кольцо. А царские воины, звенящие кольцами и мечами, убили твоего супруга, сказав: «Этот и есть тот вор, что ножное кольцо царицы безнаказанно взял».

Пронзительно вскрикнула, взметнулась Каннахи. Потом упала наземь, стала рыдать и звать своего мужа.

— Где ты?! О, где ты?! Потеряла я возлюбленного моего! Потеряла по вине царя Пандия, украшенного гирляндами увядших цветов! О, что будет теперь со мной?.. В бездонное море вдовства погрузилась я! Муж мой утратил доброе свое имя и жизнь из-за страшной ошибки царя южной стороны²⁴, скипетр которого перестал быть жезлом справедливости. Гибну я, гибну! О, что будет со мной? О мой бедный, простодушный принц с благоуханной грудью, воплощение справедливости! Ты погиб по вине царя, чей жестокий скипетр тяжелее самой смерти. Я гибну от горя. О, что будет со мной! О милые и простые дочери пастухов, веселые танцовщицы, слушайте меня...

Она затряслась, забилась и в отчаянии закричала, обращаясь к самому солнцу:

— О владыка лучей Кадирччелван! Ты-то знаешь, вор ли мой супруг!

А бог солнца отвечал ей с неба, она явственно слышала его голос:

— Вор? О нет, женщина с глазами цвета кипарисового дерева! Твой супруг не вор! И не пожрет ли добрый огонь тот город, где его убили?..

Услышав это, Каннахи вдруг в страшном гневе схватила оставшееся у нее ножное кольцо и, выбежав из селенья пастухов, помчалась по улицам города. Прохожие в ужасе отшатывались от нее, а она такую клятву шептала: «Супруга моего я еще увижу и, как прежде, доброе слово из уст его услышу. А если не услышу, пусть презирают меня все!» Люди показали ей место, где лежал Ковалан, сраженный ударом кинжала, и она, плача и тоскуя, подбежала к нему, припала к его груди. И горе ее было столь сильно, что он на мгновение вновь обрел жизнь, приподнялся немного и сказал:

— Лицо твое побледнело, подобно месяцу...

Своими руками он стер у ней слезы, и тотчас же

душа его покинула тело и устремилась в Сваргу²⁵, чтобы соединиться там с богами.

А супруге Пандия Недунджелияна в ночь после убийства привиделось много дурных снов. Встревоженная, она рассказала о них царю. Между тем пылающая пнемом Каннахи уже достигла ворот дворца, через стражника у ворот известила царя о своем приходе и сразу же предстала перед ним. Он спросил, кто она и откуда, она же смело отвечала ему, что ее мужа Ковалана, не расследовав дела, жестоко и несправедливо убили. Он не вор, а если царь не верит — пусть удостоверится: в отнятом у Ковалана ножном кольце заключен рубин. Царь же сказал, что в ножном кольце царицы — жемчужина. Когда кольцо принесли, Каннахи швырнула его об пол, оно раскололось, и из него выпал рубин. Увидев это, царь побледнел, задрожал всем телом и воскликнул:

— Послушавшись презренного золотых дел мастера, совершил я, царь, страшную несправедливость! Царь ли я после этого?! О горе! Мой род, столь славный, навсегда опозорен! Жизнь моя кончена — пусть же кончится она сейчас.

И, бездыханный, царь упал с трона. Супруга царя, ни о чем не ведая, в ужасе припала к ногам Каннахи, моля о защите, но та сказала:

— Если правда, что я верная жена, то город этот я уничтожу!

Дав эту страшную клятву, Каннахи правой рукой вырвала свою левую грудь и бросила ее на город. И только она сделала это, как явился ей бог Индра в образе брахмана и спросил:

— О великая Паттини!²⁶ В тот миг, когда свершилось деяние, принесшее тебе столько горя, я сразу же изготовил свое огненное копье, дабы спалить этот город. Теперь только скажи, кого в этом городе следует убить, а кого пощадить?

Она отвечала ему:

— Оставь брахманов, аскетов, преданных и добродетельных жен, стариков и детей. А всех злых и порочных горожан отдели от них и уничтожь.

И сразу же, в исполнение ее клятвы, в городе вспыхнули пожары. Но тут заволоновались четверо варнабхут — демонов-покровителей этого города²⁷. А главная

богиня — покровительница Мадур, не вынеся жара, явилась Каннахи и обратилась к ней с такими словами.

— Я — богиня этого города. Слушай, что я тебе скажу. Не вини в своем несчастье только Пандиев. Ни один из их рода не был несправедливым властителем. И этот Недунджелиан также безгрешен. Лучше послушай, что я тебе расскажу о муже твоём. В прошлые времена жили два царя: царь Сингапура по имени Васу и царь Кабилапура²⁸ — Кумара. Они издавна враждовали и стремились погубить друг друга. Однажды в Сингапуре один купец по имени Сангама, как обычно, отправился на рыночную улицу города торговать своими товарами. А состоящий на службе царя один ремесленник по имени Бхарата донес царю, что купец Сангама — шпион царя Кабилапура. По ложному этому обвинению Сангама был схвачен и предан смерти. Нили, жена Сангамы, четырнадцать дней блуждала по стране схваченная горем, а потом взошла на высокую гору, решив окончить свою жизнь, чтобы вновь соединиться с покинувшим ее супругом. Перед смертью она произнесла такую клятву: «Тот, кто принес нам горе, пусть в новом своем рождении такое же горе испытает». Так знай, предатель Бхарата в нынешнем своем рождении воплотился в Ковалана; оттого-то и постигло вас такое бедствие! А ты, как Нили, воссоединишься со своим супругом на четырнадцатый день от сегодняшнего, после полудня!

Утешив таким образом Каннахи, богиня удалилась. Каннахи же покинула Мадур и направилась вдоль берега Вайгай к северу. Так она достигла горы, на вершине которой стояло высокое дерево венга²⁹. И там, в тени этого дерева, по прошествии четырнадцати дней, в послеполуденное время ей явился Ковалан в божественном уже образе. Радостная, она взошла вместе с ним на небесную колесницу и, согласно воле богов, достигла на ней Сварги, небесного мира. А отшельница Кавунди, узнав о несчастье, постигшем Ковалана, Каннахи и славного царя Пандия, посредством тяжкого, изнурительного поста умертвила себя.

В изумлении взирали женщины и мужчины охотничьих племен той горной области³⁰, как Каннахи и ее супруг в небесной колеснице вознеслись в Сваргу. Они исполнили в честь Каннахи танец куравай, а потом,

желая сообщить об этом чуде царю своей страны, собрали разные дары и приношения и направились к большому песчаному холму на берегу реки Перияру. Чтобы принять дары, из своей столицы Ваньджи прибыл туда сам царь Сенгуттуван с женой Венмал и братом Иланго в окружении войска четырех родов³¹. Горцы почтительно приветствовали его и рассказали о чуде, что явилось глазам их. Дивился царь, слушая их рассказ. А затем пришедший туда Чаттанар, тамильский поэт из Мадур, поведал царю обо всем, что произошло в Мадуре; об убийстве Ковалана, о мести Каннахи и о том, что сообщила несчастной женщине богиня — покровительница Мадур. Сенгуттуван опечалился, узнав о смерти Пандия, а жена испросила у него разрешения поклоняться Каннахи как богине супружеской верности. И задумал тогда царь перенести с Гималаев камень, чтобы изваять из него образ Каннахи, и стал советовать об этом со своими министрами. А еще раньше приходили к нему отшельники с Гималайских гор и доносили:

— Арийские цари Канака и Виджая с презрением отзывались о царе страны тамил.

Вспомнив это, царь дал такую клятву: «Я одержу над ними победу, повергну их во прах, и на своих головах они принесут камень для статуи Каннахи».

И вот, собрав войско, двинулся царь на север. Достигнув гор Нильгири, он остановился там и, получив благословение явившихся с Гималаев отшельников, отправился дальше. У Ганга нашел он суда, которые пригнали его союзники — цари Анги³², благополучно переправился на другой берег и стал там лагерем со своим войском. Сразу же туда подошли для сражения Канака и Виджая, а также Уттара и другие их союзники. Сенгуттуван разгромил войско врагов, а их царей схватил, когда они пытались бежать переодетые отшельниками. Затем он отправил своего министра с войском на Гималаи, чтобы доставили оттуда камень для статуи. После того как камень был, согласно обычаю, омыт в водах Ганга, царь с войском пустился в обратный путь, любясь красотами гор. Так достиг он своей столицы Ваньджи³³ и, сообщив горожанам радостную весть о победе, зажил, предаваясь всякого рода мирским утехам.

Но однажды явился перед ним Мадалан и сказал:
— О царь! Сколь зыбки и непостоянны молодость, тело, богатство. Подумай! Пришло время вступить на путь праведности; поклонение богу и жертвоприношение — вот твое дело отныне.

Тогда царь повелел отпустить на волю пленных арийских царей, оказав им царские почести. А сам в окружении мудрецов и отшельников отправился в новый храм, чтобы поклониться новой статуе Паттини-Каннахи. С тех пор по его примеру там ежедневно совершалась пуджа.

А у блудницы Мадави, возлюбленной Ковалана, осталась от него дочь Манимехалей, что означает «жемчужный поясок». Она получила это имя от своего отца, ибо так звалась богиня — покровительница рода, к которому принадлежал Ковалан. Тысяча женщин легкого поведения, танцовщиц и куртизанок, пришли чествовать новорожденную, славя в ней будущую царицу веселого квартала. Но ее мать, узнав о смерти Ковалана, дала клятву, что Манимехалей никогда не узнает ни подмошников, ни объятий богатых горожан. Сама же Мадави стала отшельницей и посвятила себя Чаттанару³⁴.

А брату царя — Иланго — явилась однажды богиня Паттини-Каннахи и сама соизволила поведать ему свою историю, дабы он написал о ней поэму.

Страну Чолов постигли многие бедствия. Только упал от удара ножа безвинный Ковалан, как по всей стране прекратились дожди и вслед за тем наступили голод и мор. Узнав об этом, царь города Коркей³⁵ Иланьджелиян для искупления вины принес щедрую жертву Паттини — тысячу золотых дел мастеров. Еще он устроил великое празднество в честь новой богини. Тогда вновь обильно пошли дожди, прекратились голод и болезни. Прослышали об этом и царь Конгу³⁶, и царь Цейлона Гаджабаху³⁷, и правивший в Урейуре царь страны Чолов — Перунаркилли. Все они повелели воздвигнуть в своих столицах храмы Каннахи, поклоняться ей, устраивать празднества в ее честь. После того и в их странах наступило время благополучия и процветания.

ПОВЕСТЬ О МАНИМЕХАЛЕЙ ДОЧЕРИ КОВАЛАНА

Итак, простодушный Ковалан погиб тяжкой смертью. Погиб, не ведая причин несчастья своего и не зная средств избежать возмездия. А жена его Каннахи, насладившись мстостью, вознеслась в мир богов, и стали почитать ее на родине и во многих других местах как богиню. Закончились страдания Ковалана и Каннахи, оба они пребывают в блаженстве. Но дочь Ковалана Манимехалей, рожденная от него блудницей Мадави, только еще вступила на путь страдания, познания, просветления и победы. И об этом рассказывает Чаттанар из Мадур, отпрыск весьма знатного рода купцов, торговавших зерном. Рассказывает он о многотрудной жизни Манимехалей; о доброте этой подвижницы; о ее бесконечном сострадании к людям, равно к дурным и хорошим; о том, как преследовал Манимехалей страстный принц Удаякумаран, и об ужасном его конце; и о чудесных странствиях и волшебных превращениях юной отшельницы; и о людях, духах и божествах, которые встречались на праведном ее пути; и о том, как добрые

и мудрые удостоились познать тайну своих прежних рождений и смогли провидеть будущее, тогда как нестойкие и злые пребывали в неведении и гибели, стремясь лишь к удовлетворению желаний, не ища иной, высокой цели. Многие увидела Манимехалей, и многое услышала она от тех, кто встретился ей в жизни. Премудрые рассказы эти, увеличивающие знания и прогоняющие неведение, также пересказал Чаттанар из Мадуры.

1. О том, что случилось с юной Манимехалей через много лет после смерти ее отца в том же городе, где он жил, и в тот же день, в который начался его несчастье

В незапамятные времена в городе Кавэрипумпатти-наме царем Тодитотсембияном из династии Чола по совету волшебника Агаттияна¹ было учреждено великое ежегодное празднество в честь бога Индры. Когда приближался назначенный срок, собирались представители всех верований, сект и каст города и так говорили:

— Если упустим мы день и не устроим празднества Индры, то разгневаются бхута, дух-хранитель, что царю Котравану² в его борьбе с асурами³ помог. А другой дух, что убивает и пожирает грешников, покинет наш город. Чтобы не случилось этого, да будет праздник!

И тогда глашатай оповещал всех горожан о празднике. Сидя на царском слоне, глашатай бил в барабан и кричал:

— Да изольют тучи по три дождя в месяц на наши земли! Да процветает наш город! Да благоденствует царь наш Сенголинан! Эй, ученые и мудрецы! Поставьте повсюду на улицах жертвенные сосуды, глиняные горшки с проросшим зерном, изображения богов и светильники — да опустеет небесный мир! Пусть все боги покинут его и поспешат на наш праздник! Пусть везде будут цветы! Пусть все ворота, все двери, все входы украсятся пышными гирляндами! Пусть во всех храмах — будь то храмы Шивы или маленькие домики духов-хранителей — вознесутся молитвы и свершаются обряды! Пусть мудрецы всех верований и сект выйдут на площади и проповедуют свою веру, кто как может. Пусть все они спорят перед народом, пусть ведут диспуты, но без вражды, без распри!

И вот празднество в разгаре, приходит время танцев и песен, но нигде не видно Мадави и дочери ее Манимехалей. А ведь они по обычаям своей касты должны в этот день увеселять горожан. Тогда старая Читрапати, мать Мадави, зовет подругу своей дочери — Вандамалай:

— Поди к дочери моей и скажи: пусть скорее идет сюда, потому что недовольные горожане уже бранятся.

Вандамалай тут же отправилась к дому танцовщицы, но каково было ее изумление, когда она увидела Мадави в одежде отшельницы, изможденную, с ввалившимися глазами.

— Что ты наделала?! Какое покаяние женщинам своей касты? Что скажут горожане о танцовщице-отшельнице?

Однако Мадави посмотрела на нее спокойно и грустно и сказала:

— Мой возлюбленный Ковалан вкусил мученическую смерть, супруга его Каннахи спалила несправедный город и стала богиней и на небо вознеслась. После всего этого разве пристало дочери Ковалана, моей Манимехалей, ремесло проститутки? Нет, она не пойдет увеселять горожан. Буддийский аскет, которому я поведала о всех горестях моих, сказал:

Тех, кто родился, ждет только страданье,

Тех, кто не родился, блаженство ждет;

Лишенные привязанности страданий не знают⁴.

С тех пор решила я отречься от мира. Нет для меня более ни моей касты, ни кастовых обязанностей. Так скажи об этом, о подруга, моей матери и всем танцовщицам.

Вандамалай, огорченная, ушла, а Манимехалей горько заплакала: только сейчас впервые услышала она о гибели своего отца. Мадави успокоила ее, как могла, и отослала в большой сад, расположенный близ города, чтобы она там прогулилась и нарвала свежих цветов.

По дороге Манимехалей встретила Судамати, совсем еще юную дочь брахмана одного.

— Пойдем вместе, — сказала Судамати. — Разве в такое время можно девушке гулять одной? Праздник! Повсюду горожане разбрелись, возбужденные желань-

ем. Небожители, покинув небо, к нам явились. Я сама недавно пошла в рощу за бубонами, а меня заметил с неба один видьядхара⁵. Заметив, слетел вниз, схватил меня и унес к себе в небесный город. Там он овладел мной и несколько дней держал у себя, а потом принес обратно... Но если ты не боишься, я знаю сад на берегу Кавэри, где никто не бывает. В том саду стоит чудесный дворец из горного хрусталя, вокруг летают золотистые медоносные пчелы. Только туда можно пойти, Манимехалей, и я пойду с тобою вместе.

Они шли через праздничный город, проталкивались сквозь толпы веселящихся. Возбужденные напитками юноши не хотели пропускать девочек, окружали их на перекрестках, шли вслед за ними и кричали:

— Такая свежая, такая красивая, такая нежная — и уже отшельница! Как жестока, должно быть, мать этой бедной девочки! Посмотрите на ее тело — оно чуть колышется, когда она делает шаг. Она идет в сад? Да ведь лебеди в саду при виде такой походки умрут от желанья!

Сопровождаемые этими криками, девушки выбрались наконец из города и достигли чудесного сада.

А тем временем сын царя принц Удаякумаран — он только что укротил бешеного слона по имени Калавехам, что значит «Бег времени», который метался по улицам и давил горожан, — воссел на колесницу и со своей свитой поехал по городу. Проезжая по улице, где жили танцовщицы и куртизанки, принц увидел в окне одного дома своего приятеля вайшью Эттикумарана. Тот сидел, перебирая струны вины, глядел перед собой взглядом мрачным и застывшим.

— Эй, что тебя так опечалило? — спросил принц.

— Да вот, недавно проходила здесь, направляясь в сад, одна девушка, Манимехалей ее зовут, — поклонившись, отвечал Эттикумаран. — Только я ее увидел, сразу пришла мне на память страшная история, приключившаяся с ее отцом Коваланом в Мадуре, и стало мне грустно...

А принц уже несколько дней назад приметил Манимехалей: он только и думал, как бы заполучить себе для забавы дочь знаменитой куртизанки. Теперь он очень обрадовался и быстро поспешил к саду. Там, в безлюдье, он, конечно, легко овладеет девушкой.

Услышав шум колесницы, Манимехалей затрепетала от страха.

— О Судамати, — сказала она подруге, — это едет принц. Я слышала, Вандамалай говорила моей матери, что он жаждет меня. Что мне теперь делать?

Схватила ее за руку Судамати и, зная способ, открыла дверь в дворец из хрусталя, втокнула туда Манимехалей, а сама стала немного поодаль. Принц, увидев Судамати, подбежал к ней:

— Что ты делаешь в этом пустом саду? Я знаю, ты пришла сюда вместе с Манимехалей. Скажи, она, правда, очень мудрая, да? А умеют ли улыбаться ее алые уста? А какие у нее глаза, когда она испытывает страсть? Скажи еще, что привело сюда эту маленькую буддийскую отшельницу? — спрашивал принц, дрожа от неудовольственного желанья.

Так отвечала ему Судамати:

— Пристало ли так говорить о девушке тебе, принцу из славного рода Карикалана? ⁶ Ты годами юн еще, правда, но умом, как принц, должен быть зрел. Одно скажу тебе, послушай и постарайся понять, о чем идет речь:

Оно появляется вследствие кармы,
Игрушка кармы — вот весь его смысл.
Если его не украсишь цветами
И благовоныями не умастишь,
Оно будет смердеть, о принц!
Оно — прибежище язв и болезней,
Оно подвластно старенью и смерти.
Ты слышал правду о теле, о принц!..

Но только произнесла она эти слова, Удаякумаран заметил прекрасную Манимехалей; хрустальные стены дворца были так прозрачны, что, казалось, ничто не разделяет ее и принца.

Принц бросился к ней, но ударился о гладкую стену. Распалившись еще более, он крикнул Судамати:

— Отвечай, что там делает Манимехалей?

— Ничего, — отвечала подруга. — Пойми, она теперь отшельница. Плотская любовь чужда ей, не следует тебе эту девушку тревожить. Кроме того, она обладает магической силой. Как бы не погибнуть тебе, о принц, от ее проклятья!

— Кто б она ни была, все равно она будет принадлежать мне! — воскликнул Удайкумаран. — И каков тебе-то дело до Манимехалей, если она такая святая? Ты-то отдалась видьядхаре? Все в городе знают об этом.

— Послушай, о принц, что со мной произошло, — отвечала девушка.

2. Рассказ Судамати о том, что с ней произошло в городе Шанбай

Я родилась и выросла в городе Шанбай⁷. Мать моя умерла, когда я была еще маленькой, и жила я вдвоем с отцом моим, брахманом Каусикой. Жизнь моя текла безмятежно и безбедно, но недавно, когда я гуляла в саду, меня заметил с неба один видьядхара. Он похитил меня и, насладившись моим телом, спустил с неба и бросил в этом городе. Здесь меня случайно нашел отец. Обесчещенная, я уже не могла вернуться к брахманам, и потому отец тоже остался здесь. Он добывал пищу, прося милостыню. Однако подавали ему скудно, обращались с ним грубо, и он попросил защиты и поддержки у джайнских аскетов. Но те прогнали его. И вот, когда он совсем уже погибал от голода и униженья, к нему подошел буддийский аскет по имени Сангадхарма. Тихо и ласково спросил он отца: «Что за беда с тобой приключилась?» Он накормил нас досыта из своей нищенской чаши, а потом отвел к себе и успокоил мягкой и доброй речью. А мне сказал он слова, которые язык мой никогда повторять не устанет⁸:

Повелитель наш превосходный,
Драгоценность этого мира гун⁹,
Пребывал он во многих рожденьях,
Помнит он, что было с ним прежде¹⁰,
Но рождался не для себя он,
Для других он жил и рождался.

Сангадхарма поместил меня к Мадави, и у нее я осталась жить, вступив в буддийскую общину. Вот почему я здесь, рядом с Манимехалей, о принц!

Не дослушав, раздосадованный, ушел прочь Удайку-

маран, все еще грозясь завладеть девушкой; если не удалось это ему самому, то прибегнет он к помощи бабки ее Читрапати.

Вышла из хрустального дворца Манимехалей и, посмотрев ему вслед, печально сказала подруге:

— О, я знаю, каков он, этот принц, знаю! Но почему сердце мое стремится вслед за ним? Что это? Неужели любовь проснулась во мне?..

Близился вечер, стемнело. И вдруг возле хрустального дворца появилась какая-то женщина. Это была великая волшебница, богиня Манимехалей — ее именем и в ее честь Мадави и назвала свою дочку. Богиня вместе с другими небожителями веселилась в Кавэрипумпаттинаме на празднестве Индры, а теперь, приняв обличье молодой женщины, явилась в сад, чтобы почтить святыню хрустального дворца¹¹ чудесным гимном в честь Будды.

Затем, посмотрев на девушек, она спросила:

— Чем вы так огорчены? Зачем вы здесь, ведь уже поздно?

Судамати рассказала ей о домогательствах и угрозах принца. Богиня подумала и сказала:

— Удайкумаран не решился совершить насилие в этом саду отшельников. Он знает: здесь злодеяние безнаказанно не совершается. Но каким бы путем вы отсюда ни вышли, он найдет способ подстеречь вас и завладеть Манимехалей. Иди-ка ты, Судамати, на север, к Чакравалакоттаму — «Кругу вселенной», этому приюту мудрых отшельников. Там ты будешь в безопасности.

— Как странно, — возразила Судамати, — что и ты, и похитивший меня видьядхара называете это место «Кругом вселенной», в то время как все прочие называют его «Местом сожжения трупов». Почему?

И вот что рассказала девушкам богиня.

3. Рассказ о месте Чакравалакоттам, ранее называемом «Местом сожжения трупов»

Это случилось давным-давно, когда город Кавэрипумпаттинам начинал только еще свою историю. Было тогда рядом с этим садом большое лесное кладбище,

обнесенное высокой изгородью с четырьмя воротами. На этом кладбище было множество отделений для сожжения трупов — в зависимости от варны, касты, ашрамы¹² или достоинства умерших. Кроме того, стоял там храм богини Кали¹³ и множество жертвенников, где совершались жертвоприношения кладбищенским духам¹⁴. Еще были там повсюду каменные идолы, ниши для сиденья и хижины, где ели и спали кладбищенские сторожа. Шумное это было место! Постоянно слышался скрип шагов — приходили и уходили люди, приносили трупы своих родичей и близких; вечно слышался треск дров и гудение пламени погребальных костров; глухо шуршала земля, выбрасываемая из новых погребальных ям. Повсюду вопли и стенания, визг шакалов и плач лисиц, лай кладбищенских собак и крик больших сов, зовущих к себе умерших, и посвист человекоподобных птиц андалай, питающихся мозгом, выклеванным из трупов. Громадные деревья переплетали свои толстые ветви, образуя множество затемненных мест и закоулков. В дуплах, шалашах, ямах жили там капалики¹⁵ — люди, что лишают девственности мертвых девушек своей касты. Были там и те, что пожирают жирные части и мозг трупов. Еще жили в том месте сами кладбищенские духи, а также отшельники, принявшие обет молчания, — все те, кто с живыми не общается и кого навряд ли в каком-нибудь ином месте увидеть можно.

И вот однажды заблудился близ этого места один брахманский мальчик. Приняв кладбище за шумный город, вошел он внутрь ограды. Уже смеркалось. И только вошел он, как навстречу ему выскочила, стора от неуголенной страсти¹⁶, девушка-дух с почерневшей от тленья головой трупа, с раздвоенными, как копыта, ногами. Волосы ее были как туча, как сражающиеся карпы — глаза, нос — как кроваво-красный цветок кумиль¹⁷. Ее губы алели, как цветы кавир¹⁸, зубы, как жемчуг, сверкали. Такая ни о чем не думает, никого не жалеет, а пищу себе добывает, питаясь глазами мертвецов. И только увидела она мальчика, как вся затрепетала, забила в судорогах неистового танца и бросилась на него, вздымая облако пепла от сожженных тел. Закричал мальчик, вырвался из ее объятий и в смертельном страхе бросился прочь, не разбирая до-

роги. Задыхаясь, добежал до дому и упал у порога мертвый.

— Мать! На кладбище жизнь свою отдал я девушке-духу, — только и успел крикнуть он.

В ужасе зарыдала мать его.

— Кто жизнь мальчика моего пожрал?! Какая девушка погубила его, стремясь утолить свою страсть?! Проклятая, думала ли она, что у меня и у старого мужа моего никого, кроме этого сына, нет на свете, что от слез мы глаз своих лишимся?!

Крепко прижав к груди тело сына, она добежала до кладбища, стала у ворот и воскликнула:

— О Джамбapati, подобно солнцу сверкающая богиня-покровительница города нашего! Всегда и всех ты защищала от зла и насилия; будь то в роще, в лесу, в уединенном месте, в воде — где угодно. Как же ты не досмотрела за единственным моим сыном? Или нет больше справедливости в делах твоих? Как теперь быть мне?!

Отвечала ей богиня:

— Разве духи виноваты в том, что твой сын заблудился и на кладбище набрел? В этом лишь его злая судьба повинна.

— Богиня! — взмолилась мать. — Возьми мою жизнь, но верни жизнь сыну! Он будет опорой ослепшему отцу!

— Разве ты не знаешь, о женщина, — отвечала богиня, — что жизнь, одно тело покинув, тотчас обретает другое тело, достигает иного рожденья. Но прежнему телу ушедшую жизнь вернуть я не в силах. Успокойся же и не оплакивай сына.

— Я знаю, — сказала мать, — это мудрость богов, что в древних книгах хранится. Так пусть же сами боги мне милость и мудрость явят свою, иначе здесь же я с жизнью расстанусь!

— Я богиня всех здешних мест, я милость тебе явлю! — отвечала Джамбapati. — Посмотри, сколь чудесна моя сила!

И тотчас же со всех сторон стали стекаться к ним духи телесные и бестелесные, небожители различных рангов, и те, кто ад населяют, асуры¹⁹, ашвины²⁰, и все божества, обитающие в пределах гор, что вселенную окружают. Повела им богиня о том, что случилось

с женщиной, и те молвили несчастной матери слова мудрости — о жизни, о теле, о рожденьях иных. Успокоилась мать, услышав все это, оставила тело сына на кладбище и тихо скончалась. И тогда Джамбхати, дабы всем богам и духам явить свою мощь, повелела Майяну, зодчему небожителей²¹, построить в пределах кладбищенской ограды необычайной красоты дворец и назвала эту обитель богов Чакравалакоттам, что значит «Крут вселенной». Но обыкновенные люди по старой памяти все еще считают, что там находится кладбище. Вот вам и весь мой рассказ, — закончила богиня.

4. О том, как Судамати узнала тайну своего прошлого рождения

Пока богиня рассказывала, Судамати заснула. Тогда небожительница с помощью волшебства усыпила и юную отшельницу. Взяв ее на руки, взлетела она на небеса и быстро понеслась на юг по небесной дороге, пока не достигла Манипаллавама — маленького островка, находящегося в тридцати йоджанах²² от Кавэри-пумпаттинама. Там она надежно устроила свою юную тезку и рассталась с ней, пока та еще спала. Прилетев назад, богиня внезапно явилась пред Удайкумараном. А тот все еще не спал, томясь от страсти к девушке. И все еще думал сладострастно: «Ведь она уже была в моих руках!»

Богиня молвила принцу:

Послушай-ка, сын царя!
Если сбился с пути человек,
Он жизнь теряет, но только свою.
А если царь или сын царя
С пути справедливости сбился,
Планеты сходят со своих орбит.
Планеты сходят с орбит, и в стране
Начинается засуха, голод.
Засуха, голод — и много людей
Теряют жизнь. Тогда сам царь
Теряет жизнь и достоинство все.
Ибо сказано: «Жизнь царя —
Это жизнь его подданных, жизнь людей».

Поэтому, принц, из своей груди
Ты должен вырвать желанье свое,
Желанье низкое обладать
Юной отшельницей²³ этой!..

Затем она вернулась в сад, где оставила юную Судамати, и, разбудив ее, молвила:

— Девочка, не бойся меня. Я — богиня Манимехалей и прилетела в город на праздник Индры. Твоей юной подруге уже настало время вступить на стезю буддийской веры. Я уже перенесла ее на остров Манипаллавам, где она познает тайну своих прежних рождений; через семь дней она вновь возвратится сюда. Манимехалей явится в совсем ином обличье, но ты узнаешь ее. И тогда в городе этом произойдет много чудесных событий. Непременно расскажи Мадави, куда исчезла ее дочь и о чудесном моем появлении. Она сразу поймет, о ком идет речь: ведь не зря Ковалан, любовник ее, велел ей назвать дочь моим именем, именем богини его касты²⁴. К тому же я уже являлась во сне Мадави и приказала ей предаться покаянию. Напомни ей об этом.

Скрылась из сада богиня, а Судамати, опечаленная разлукой с подругой своей, через калитку тихонько выбралась из сада. Дойдя до Чакравалакоттама, укрылась она под сенью старого приюта для отшельников и монахов. А возле приюта стояла деревянная статуя, самым Майяном, скульптором богов, изваянная. Только взглянула на нее Судамати, как вдруг статуя ожила и заговорила:

— Эй, Судамати, послушай-ка о том, что было с тобой в прежних рожденьях. Была ты некогда старшей дочерью Иравиванмана, царя Ясодхары²⁵, и женой предводителя конного войска Дурджайи, царя Качхайи²⁶. Именем Вирей звалась ты; погибла ты в юном возрасте, в исступлении бросившись под ноги бешеному слону. Тогда сестра твоя Тарей, что была подобна букету нежных бутонов, не вынеся такого горя, покончила с собой. Так слушай же, о дочь брахмана Каусики, что принесена была в этот город овладевшим тобой видьядхарой Марутавеханом! Через семь дней, глубокой ночью, в город этот, вместе с твоей сестрою Тарей явится и другая твоя сестра по прежнему рождению Лакш-

ми. Она знает тайну твоего прежнего рожденья, а также и своего. Ты же пока не печалься от разлуки и не страшись одиночества²⁷.

Услышав это, быстро покинула Судамати Чакравалакоттам и, достигнув города, обо всем рассказала встревоженной Мадави.

5. О том, что случилось с Манимехалей на острове

Тем временем над островом Манипаллавам взошло солнце. Яркие его лучи разбудили Манимехалей, крепко спавшую на песке, у самого моря. Проснувшись девушка, удивленно вокруг огляделась и думает: «Кажется, в первый раз вижу я это место. Не припомню я в моем городе таких мест. Судамати, где ты? О, как страшно мне одной! Не иначе, как силой волшебства все это вызвано». Она бросилась бежать по песчаным дюнам, по берегу, плача и зовя на помощь неизвестно кого. И вдруг очутилась она перед Буддха-Пидикой, перед чудесной святыней²⁸, что мудрецам и праведникам прошлое открывает.

Увидев святыню, Манимехалей чуть не лишилась чувств от радостного изумления. Ее руки сами собой над головою почтительно сложились. Как положено, трижды святыню слева направо обойдя²⁹, она склонилась пред нею в низком поклоне. И вот что узнала она о своих рожденьях прежних.

В великой стране, называемой Гандхара, был некогда город Идавайям, столица царства Пурва³⁰, где правил тогда царь Хастипати. И жил в этом городе брат жены царя по имени Брахмадхарма. Этому человеку явился однажды Буддха-Пидика³¹ и предсказал, что через семь дней по всей Джамбудвипе³² случится страшное землетрясение и город Идавайям будет низвергнут в глубочайшую пропасть — ничего не останется от него.

Брахмадхарма тут же оповестил всех горожан о грядущем несчастье, и все они во главе с царем отправились в страну Аванти³³. Безгранична была благодарность спасенных людей великому Будде, и оттого без колебаний приняли они буддийскую веру. И вот, как раз когда произошли эти события, Амритапати, жена царя города Ясодхары, родила дочь, которую нарекли

Лакшми. А у Нилапати, жены царя Хастипати, родился сын, которого называли Рагула. Когда они выросли, Рагула женился на Лакшми. Лакшми рано вступила на путь буддийского вероучения и часто внимала проповедям Буддха-Пидики. И вот однажды Буддха-Пидика сказала ей:

— Через шестнадцать дней Рагула умрет от укуса ядовитой змеи. Ты вместе с ним взойдешь на погребальный костер, а потом, вновь родившись в городе Кавэри-пумпаттинаме, станешь дочерью блудницы Мадави по имени Манимехалей. В новом рождении будет угрожать тебе большая опасность. Но тезка твоя, богиня Манимехалей, перенесет тебя на далекий островок, где от Буддха-Пидики узнаешь ты о своих прежних рожденьях. Но, узнав эту тайну, ты захочешь знать больше. Однако то, что не поведала тебе святыня, сможешь узнать ты лишь от богини, твоей тезки.

— Но богини-то здесь нет! — воскликнула девушка в нетерпении.

И в это самое мгновение появилась богиня Манимехалей. Трижды слева направо обошла Буддха-Пидику, а потом стала ласково утешать юную отшельницу.

— Не печалься, — увещевала богиня ее, — и отбрось мысли о том, что относится к воплощенному состоянию.

— О богиня! — вскричала девушка. — Милостью твоей дано мне узнать от этой святыни, что прежняя дочь царя воплотилась ныне во мне. Но умоляю, поведай, кем же в воплощении этом стал Рагула, супруг мой прежний?

И вот о чем поведала девушке богиня.

6. Рассказ о том, что произошло некогда с Лакшми и принцем Рагулой

Давным-давно, в рожденье прежнем твоём, когда вдалась ты Лакшми, произошла у тебя с мужем твоим, принцем Рагулой, легкая любовная ссора. Случилось это в одном из прекрасных дворцовых садов в то время, когда нежный вечерний ветерок уже смягчил полуполночный зной. Принц, желая скорее покончить с разговорами и вновь насладиться твоей нежностью, опу-

стился на траву и стал ласкать твои ноги. И в это самое время с неба спустился вдруг Садхучакра, великий буддийский мун, приводящий в движение колесо закона³⁴ и тогда направлявшийся на Цейлон. Увидя его, ты задрожала всем телом, забила в иступлении от такой неожиданной благодати, пала ниц к ногам его. Но Рагула не понял, что происходит. Он вскипел от гнева и крикнул:

— Эй, это еще кто явился сюда?!

Ты ужаснулась такого святотатства, закрыла мужу рот ладонью и быстро зашептала ему:

— Что ты, что ты! Ведь это счастье для нас! Столь великий к нам с неба снизошел. Страшным трехом будет, если мы не склонимся оба пред чудными цветами стоп его, если за это пришествие не возблагодарим его.

Потом, обратившись к муну, ты сказала:

— Мы, рабы твои, склоняемся пред стопами твоими божественными. Соблаговол, о великий, вкусить от трапезы нашей.

Мун отведал стряпни твоей и молвил:

— Женщина! Заслуга этого деянья твоего в будущем не исчезнет; наступит время, и она прервет цепь рождений твоих³⁵.

Вот что случилось с тобой, когда ты была Лакшми. Рагула же в этом рождение стал принцем Удайкумараном, и, поскольку прежде он был супругом твоим, дух его и ныне стремится к тебе³⁶. Потому принц так настойчиво домогался тебя в саду Улавана. И твой дух, о девушка, к нему тяготеет. Но чтобы твердо стать на путь праведный, это тяготение следует искоренить — для того и принесла я тебя сюда, к Буддха-Пидике. Однако это еще не все, слушай дальше.

Сестры твои по рождению прежнему, Тарей и Вирей, однажды сподобились лицезреть великого буддийского мун по имени Араванавадигал. Он рассказал им о своем паломничестве на вершину горы Падапангаджа³⁷. Там некогда Будда всем живым существам проповедовал, чтобы их освободить от страданий, и след стопы своей там оставил. Обе женщины тотчас поспешили взойти на ту вершину, за что в теперешнем их рождение им было даровано вновь друг с другом и с тобой соединиться. Так знай же: ныне Тарей матерью твоею стала, а Вирей — Судамати...

7. О том, как Манимехалей получила волшебный сосуд и вернулась к себе в город

— Ну что ж, теперь ты знаешь все, что в прошлом было с тобой и с близкими твоими, — продолжала богиня. — Ты предана дхарме. Но этого ведь мало! Ты должна дхарму проповедовать и притом побеждать в споре приверженцев иных религий. Однако вряд ли кто вступит с тобою в спор о вере; всякий подумает: «Молодая девушка для диспута едва ли пригодна, скорей она пригодна для чего-нибудь другого». Поэтому для прений таких следует тебе принимать чужое обличье. Вот тебе три мантры — три заклинанья — открываю я. Первая мантра позволит тебе принять любой облик. Вторая мантра — лишь слова ее произнесешь — подымет тебя ввысь в небо; а по небу ты любого места вмиг достигнешь. Третья мантра утолит голод тела твоего.

Научив девушку трем мантрам, богиня Манимехалей скрылась в небесах.

Манимехалей, радостная от свидания с богиней своей, стала гулять по песчаным дюнам и по тенистым рошам, что притаились возле маленьких прохладных водоемов. И тут вышла к ней женщина, хранительница святыни Буддха-Пидики:

— Что ты бродишь здесь, о девушка, одна, словно выброшенная на берег после кораблекрушенья?

— О ты, подобная золотой лозе, что вокруг райского дерева калыпака³⁸ обвилась, слушай же, что я тебе скажу, — отвечала Манимехалей. — В прошлом моем рождение на земле я звалась Лакшми и была женой принца Рагулы. В этом же рождение я родилась у Мадави, той блудницы, что своим танцем веселила горожан. Ныне зовусь я Манимехалей. А моя чудесная тезка, богиня Манимехалей, сюда принесла меня, чтобы я узнала у святыни тайну прошлого моего. Ты спросила: «Кто ты?» О бутон золотой, я все тебе рассказала. Теперь я спрошу: «Кто ты?» Говори, я жду твоего рассказа.

Двипатилака³⁹ отвечала ей так:

Остров есть⁴⁰ в море другой,
близ этого он лежит.

Ратнадвила зовется он,
есть на нем Самантам-гора.

вновь в другом месте рождается, меняя образ, подобно лицедею, что одежды меняет».

А потом отшельник сказал девушке вот что:

— Уменьшается дхарма⁴⁹ в этом мире, а грехи, напротив, возрастают. Однако, думаю я, постепенно, мало-помалу дхарма возобладает. Потому-то я неустанно проповедую дхарму. Но люди не хотят знать ее. Но настанет, настанет время, и родится в этом мире бог⁵⁰, что прежде в мире магараджиков⁵¹ обитал; и будет он буддой⁵², и всех людей к дхарме обратит. Должно это случиться на исходе тысяча сто шестнадцатого года⁵³. Тебе же, Манимехалей, следует знать, что по твоей вине невероятные вещи произойдут в этом городе. И пока не произойдут они, нельзя возвестить тебе слова дхармы. Тарей и Вирей в этом рожденье уже сподобились вместе с тобою увидеть стопу Будды; вскоре и нирвану обретут они. И свершится это в воздаянье за то, что в прошлом рожденье совершили они многотрудное паломничество к горе Падапангадже. А тебе, девушка, дано ныне обладать чудесным сосудом, в котором не иссякает пища. Скорей же накорми голодных!

— Я пойду в город немедленно, — сказала девушка, — но прежде расскажи мне историю волшебного сосуда.

Вот что рассказал ей отшельник.

8. Рассказ о чаше Амудасурабхи и о мудреце Апуттиране

В стародавние времена в великом городе Бенаресе жил брахман Апаньджика, весьма сведущий в священных книгах. Однажды жена его по имени Чали нарушила обет супружеской верности. Страшась возмездия, стремясь искупить тяжкий грех свой, она, будучи беременной, отправилась в дальний путь к мысу Коморин, дабы совершить там омовение нечистого своего тела⁵⁴. В пути у нее начались родовые схватки; темной ночью в придорожной роще родила грешница мальчика и, безжалостно бросив его, продолжала свой путь. Мучимый голодом, младенец стал громко кричать. Услышала плач его одна недавно отелившаяся корова, подошла к мальчику, облизала его теплым языком и накормила молоком из своего вымени. Семь дней сосал он ее молоко,

а на восьмой день его увидели проходившие мимо брахман Пуди и его жена, что жили неподалеку в городе Ваянангбоду⁵⁵. С изумлением и жалостью смотрели они на брошенного мальчика, и вдруг счастливая мысль озарила их обоих сразу.

— Это не сын коровы! — воскликнули они радостно. — Это наш сын, вот и все!

Схватив ребенка, они поспешили к себе домой и нарекли его именем Апуттиран, что значит «сын коровы». Заботясь о нем, как о родном сыне, они взрастили его и воспитали в соответствии с обычаями своей высокой касты и сделали мальчика отменным знатоком вед и веданг.

И вот однажды случилось Апуттирану зайти к одному брахману, жившему в том же городе. Вдруг услышал он жалобное мычание, доносившееся из помещения для жертвоприношений. Вбежав туда, увидел он корову, глаза которой были полны тоски и горя. Затрепетал от ужаса мальчик, заплакал, но тут же принял решение: корову освободить! Той же ночью потихоньку прокрался мальчик в дом нечестивого брахмана, вывел корову и направился с ней в рошу. Но брахман утром обнаружил, что корова исчезла, и вместе с соседями бросился на поиски. Очень скоро настигли брахманы робких беглецов.

— Вор! — закричали они. — Подлая тварь! Как посмел ты украсть корову? Мяса захотел поест, нечестивец!

И принялись бить палками юного Апуттирана. Но корова, рассвирепев, бросилась на того низкого брахмана и рогатами вспорола ему живот, так что кишки его полезли наружу. Затем, не дав им всем опомниться, исчезла в лесу. Обратившись к испуганным соседям, мальчик сказал:

— Не впадайте в уныние, скажите лучше: что делала вам эта корова? За что вы схватили ее и привели в дом этого несчастного брахмана? Всю жизнь свою она мирно паслась на пастбище, которое царь специально выделил для этих священных существ. Сладким молоком сосцов своих питала она людей — не за это ль вы на нее злобитесь?

Но соседи-брахманы ответили ему с гневом:

— Ты, презренный, священных вед не знающий,

осквернивший место для жертвоприношений! Воистину пристало тебе носить имя коровьего отпрыска!

Но мальчик на это спокойно возразил им:

— Разве неведомо вам, что и великий муни Ачала был сыном коровы, что сыном лани был Ширунги-мудрец, что Вринчи-наставник был порождением тигрицы? Да что говорить! Сам великий буддийский аскет Аджита Кешакамбалин был шакальным отпрыском!

Только произнес он эти слова, как один из брахманов, пристально поглядев на него, сказал:

— Кажется мне, что это и есть тот мальчик, тайну рождения которого довелось мне услышать на мысе Коморин, когда в волнах океана совершал я священное омовение. Там же совершала омовение молодая женщина, вид ее показался мне странным. Тогда я спросил ее: «Ты откуда явилась, какой проступок искупить ты хочешь?» А она мне в ответ: «Я жена брахмана из Бенареса. Во искупление тяжкого греха пришла я сюда. Но в дороге, недалеко от города Коркай, я родила мальчика и бросила его в роще одного, а сама продолжала свой путь к югу. Что мне, грешнице, остается в жизни, кроме рыданий горьких, о брахман?..» Так вот, брахманы, этот «сын коровы» не кто иной, как ублюдок той нечистой. Всем следует бежать от него как можно дальше: не оскверниться бы!

— Эй, брахманы! — воскликнул тогда со смехом Апуттиран. — Или вы не слыхивали, что самые великие пророки и наставники были сыновьями божественных шлюх, блудниц, что услаждали ваших богов? Кто из вас, премудрых, осмелится бросить упрек матери моей?..

С этими словами мальчик пошел от них прочь. Однако приемный отец его, боясь осквернения, в тот же день выгнал его из дому. Тогда мальчик принялся ходить по близлежащим брахманским деревням, надеясь прожить подаянием. Но все жители при виде его орали: «Вор, корову украл!» — и с издевкой бросали ему в чашу камни. Пришлось ему покинуть те места. Измученный и голодный, добрался он до Мадур. Там ему удалось наконец раздобыть немного объедков, и он заснул возле храма Сарасвати⁵⁶. С того дня он стал жить в Мадуре как городской нищий.

Теперь послушай, добрая девушка, украшенная свежими цветами, что дальше произошло с Апуттираном.

Однажды вечером, когда мальчик по своему обыкновенно улегся вблизи алтаря и уже собирался заснуть, он вдруг услышал голоса нескольких горожан, зашедших в храм. Они жаловались друг другу, что очень хотят есть, но нет никакой возможности раздобыть съестного. Встревоженный, потеряв сон и покой, принялся думать Апуттиран, где бы достать для этих людей еды. И тут явилась пред ним ослепительно сияющая Сарасвати. Вложив ему в руки простую чашу для сбора подаяния, она сказала:

— Возьми! По всей стране люди голодают. Чаша эта уменьшит их голод, потому что, сколько ни дашь пищи из нее, в ней снова столько же прибудет.

В безмерной радости мальчик припал к ногам царицы богов, а потом выбежал из храма и принялся кормить голодных и немощных вареным рисом из своего чудесного сосуда.

С той ночи Апуттиран только и делал, что разыскивал бедных и несчастных и сражался против голода с рвением и страстью юного подвижника. Со всей страны стали стекаться к нему люди. Да не только люди! Звери из джунглей и птицы с просторов небесных устремились к нему, ибо сам он был неиссякаемой чашей доброты и сострадания ко всему живому. Все дальше и дальше шла по земле молва о юноше, пока не дошла до неба, до того места, где восседал Индра. А был у Индры трон, обладавший одним необыкновенным свойством: как только где-нибудь во вселенной произойдет какое-нибудь важное событие, так начинал он колебаться. Узнал Индра и про Апуттирана. Захотелось ему вознаградить юношу. И вот, приняв обличье старого брахмана, является он к юноше и говорит ему:

— Я — бог Индра. Я пришел, чтобы вознаградить тебя. Говори, что желаешь. Все дам тебе!

Усмехнулся Апуттиран и так отвечал Индре:

— О царь богов, о владыка мира небес пустынных! Неужто аскеты и ревнители доброты отважные трудятся только ради воздаянья? О нет! Совершая подвиги, они стремятся порвать равно с воздаянием и с возмездием. Кроме этого чудесного сосуда, ничего мне не надо. Высшей наградой служат мне просиявшие лица людей, утоливших свой голод.

Разгневался Индра от такого пренебрежения к его

милости, и, чтобы лишить дерзкого юношу единственной утехы, решил он обильно оросить страну дождями. «Тогда не будет неурожая, — рассудил бог, — не станет голодных и нечего будет делать мальчишке со своей нищенской чашей!»

Царь богов сделал, как решил. Наступило время всеобщего довольства и благоденствия, и в городе очень скоро совсем не стало голодных. Тогда Апуттиран покинул Мадuru и пустился бродить по деревням, надеясь хоть там найти голодающих. Но крестьяне все сделались очень гордыми и с презрением отвергали предложение юноши:

— Очень нужен нам сваренный на воде рис из грязной чашки какого-то бродяги!

Тоскливо стало тогда Апуттирану. Как внезапно обедневший богач, не знал он, что теперь делать ему с собой.

Еще некоторое время бродил он в одиночестве, всеми покинутый, пока не очутился на побережье. А там как раз стоял корабль, готовый к отплытию в страну Саваку⁵⁷. Корабельщики рассказывали, что в стране той давно свирепствует голод, что многие ее жители уже погибли. Словно ожил Апуттиран, упросил их взять его с собой, и на другой день они пустились в далекое плавание. В пути пристали они к острову Манипаллавам, чтобы набрать пресной воды. Апуттиран сошел на берег, решив погулять немного по дюнам. Скоро стемнело, и шкипер, думая, что все пассажиры на судне, велел отчаливать; когда Апуттиран вернулся к месту стоянки, он уже не увидел корабля — только маленькая точка виднелась на горизонте. Несчастный юноша пришел в отчаяние. «Что делать мне с моей неиссякаемой чашей на этом пустынном острове, где не только голодного, но и сытого не встретишь?» — горестно вопрошал он себя.

Потом пошел к озеру, спрятавшемуся в густой роще, озеру Гомукхи, и бросил в него чудесный свой сосуд. При этом он произнес такое заклинание:

— Каждый год в этот день пусть сосуд сей, Амудасурабхи, из озера возникает. И если окажется здесь некто преданный дхарме и преисполненный сострадания ко всем живым существам, то пусть сосуд сей, Амудасурабхи, упадет в руки ему!

Затем сел он возле озера и решил более не принимать пищи, чтобы скорее покинуть это свое воплощение. Там я еще застал его в живых, когда сам попал на этот остров. Апуттиран поведал мне обо всем, что с ним произошло, и добавил, что умирает, весь сосредоточившись на одной мысли: о сострадании к живым существам⁵⁸. Следующее свое рождение он обрел в лоне коровы, принадлежащей царю Савакки.

Но слушай дальше, о нежная девушка, чье юное чело бутонами утренних цветов украшено!

Та добрая корова, что вскормила молоком своим брошенного матерью Апуттирана, за великие достоинства свои в следующем рождении появилась в стране Савакки, близ горы Тавала. У подножья той горы пребывал великий мунни Манмуган, познавший настоящее, прошлое и будущее всего сущего. Необыкновенной родилась та корова — ее рога и копыта были из чистого золота. А когда настало ей самой время родить, вымя ее задолго до отела наполнилось молоком. Едва увидя голодного, она устремлялась к нему и поила его из своих сосцов. Увидев это, сказал себе отшельник Манмуган: «Нет, это не простая корова. Во чреве ее, в яйце с золотой скорлупой⁵⁹, пребывает некто, преисполненный сострадания безмерного ко всему живому».

И действительно, во чреве коровы находился тот, кто в рождении прежнем звался Апуттираном. Перед смертью он все время думал о вскормившей его доброй корове, и от этой благой мысли он умер спокойно и сладостно, без обычных для прочих людей мук агонии. И вот, в месяце вайкаси⁶⁰ корова с золотыми рогами и копытами произвела на свет не теленка, а мальчика.

В то же время мудрецы и отшельники, обитавшие в Чакравалакоттаме, усмотрели в расположении звезд счастливые знаменья. С изумленьем говорили они промеж себя:

— Что за чудо! Знаменья, что сейчас мы зрим на небе, те же самые, что появлялись при рождении самого Будды. В чем причина этого?..

Собравшись вместе, они с этим вопросом обратились к изображению Кандирпавей⁶¹. Божество в ответ им:

— Знаменья эти благие. В стране Савакке вновь родился человек, который способен все живое объять любовью. В прежнем рождении он своей волей обрек себя

на смерть. Подробно его историю знает отшельник Араванан.

Тогда они пришли ко мне, и я, повинувшись божеству, поведал им все, что прежде было с Апуттираном. А тем временем вот еще что случилось. Правил тогда в Нагапураме⁶² царь Бхумичандра. Одной тяжелой заботой был томим тот царь: не было у него потомства. Как только молва о рождении чудесного младенца достигла слуха царя, он немедленно бросился к отшельнику Манмугану, низко поклонился и упросил отдать ребенка ему на воспитание.

О девушка, в завершение рассказа моего об Апуттиране хочу тебе сообщить: рожденный коровой мальчик — ныне наследный принц Нагапурама. Однако полно нам разговаривать, ибо давно уже окончилось благоденствие, ниспосланное Индрой. Кавэри, великая наша река, по причине никому не ведомой, разлилась и затопила все пашни. Народ повсюду голодает, и тебе следует немедленно накормить голодных из этого сосуда».

Прослушав рассказ отшельника, Манимехалей тотчас приняла обличье нищей-бхиккуньи и, схватив свою чашу, выбежала на улицу. И едва появилась она на улице, как стали вокруг нее собираться жалостливые горожане:

— Вот так чудо! — воскликнул один из них. — Да ведь эта нищенка и есть та девушка, от страсти к которой не может излечиться наш принц!

— Я хочу помочь голодным и несчастным, — отвечала Манимехалей, — но прежде в чашу эту должна положить свою милостыню какая-нибудь добрая и целомудренная женщина.

Среди окруживших девушку горожан, оказалась некая Кайячандихей, жена одного видьядхары. Вот что сказала она, обращаясь к девушке.

9. Рассказ о праведнице Адирей и ее муже, брахмане Сатуване

«Послушай! Из всех женщин, что своим неприступным целомудрием могут в засуху вызвать обильный дождь, самая целомудренная Адирей. Вот ее жилище. Муж ее, Сатуван, связался здесь с одной шлюхой

и за короткое время промотал все состояние. Одумавшись и желая поправить свои дела, он договорился с купцами, ведущими заморскую торговлю, чтобы те взяли его с собой. Но когда вышли они в море, начался сильный шторм и корабль их потонул. Сатуван спاسся, уцепившись за обломок мачты. Несколько дней носило его море, пока не выкинуло наконец на берег горной страны. В стране той обитали наги⁶³, что бродят среди скал и чащоб, не зная ни жилищ, ни собственности. А между тем еще кое-кто с того корабля спасся. Вернувшись после долгих скитаний в Кавэрипумпаттинам, эти люди рассказали о крушении и о том, что все, кроме них, погибли — они не знали, что Сатувану удалось спастись. Услышав эту весть, Адирей в отчаянии решила совершить обряд самосожжения⁶⁴. Она отправилась к месту сожжения трупов, вырыла там углубление, сложила, как полагается, дрова, подожгла их и, взойдя на костер, такие слова произнесла:

— Я хочу достичь того места, куда ушел за проступки прежние мой супруг мой.

Однако, к ее удивлению, огонь никак не разгорался.

— Что делать мне! — в отчаянии вскричала Адирей. — Такая великая я грешница, что даже огонь меня не берет!

Тогда раздался с неба голос богини Сарасвати:

— О Адирей! Муж твой не умер. Он спасся и живет сейчас в горах, у нагов. Но там он недолго пробудет, скоро придет он к тебе на корабле купца Чандрадатты.

Радостная вернулась Адирей домой и стала ждать Сатувана, тщательно соблюдая все обряды, дабы более благоприятным и скорым было его возвращение.

А Сатуван, когда вынесло его на берег, был так обесил от голода и страха, что, едва добравшись до какого-то дерева, крепко заснул в тени его. Приметив чужестранца, наги подбежали к нему и так стали говорить:

— Это тело послужит нам отменной пищей, разрежем его скорее на куски и съедем.

Они разбудили его и уже приготовили ножи, как вдруг он заговорил на их языке. Наги так удивились, что решили пока его не есть, а отвести к своему старейшине. Сатуван очень приглянулся старейшине нагов, и тот спросил его:

— Скажи, как ты оказался здесь и зачем?

А когда Сатуван рассказал старейшине о своих злоключениях, тот крикнул своим соплеменникам:

— Этот человек измучен голодом, подайте-ка ему скорее свежего мяса, пальмовой водки да подберите молодую девушку, чтоб было ему с кем позабавиться после еды!

— Что ты, что ты! — Сатуван в ужас пришел от возможности столь страшного осквернения⁶⁵. — И притронуться не могу я ни к чему из того, что ты мне предлагаешь.

— Как же это, о чужестранец? — изумился старейшина. — Что, кроме литья, мяса и женщины, может доставить мужчине настоящее удовольствие?

Тогда Сатуван спокойно и терпеливо рассказал нагам о том, сколь велик грех блуда, сколь ужасно осквернение от мясной пищи и как сильно затемняют сознание человека крепкие напитки. Еще поведал он им, что такое сон неведения и пробуждение сознания и что значит добродетель и порок. Сообщил и о том, что праведники после смерти уходят в рай — сваргу, а грешники — в ад — нараку. Потом объяснил брахманнагам, что, кроме этого рождения, у человека было прошлое рождение и будет следующее и что в зависимости от поступков человека в этом рождении и в будущем он будет страдать или наслаждаться. Долго внимал брахману старейшина нагов, а потом дал ему много-много сандала, орлиного дерева⁶⁶ и всяких ценных вещей. Все эти подарки Сатуван погрузил на корабль торговавшего в тех краях купца Чандрадатты и благополучно приплыл к своей жене в Кавэрипумпаттинам. Здесь он и живет по сю пору, совершая, как должно, обряды и помогая бедным и несчастным. Так пусть жена его, праведница Адирей, скорее подаст тебе милостыню, о девушка!»

Тихо вошла Манимехалей в дом Сатувана, молча встала перед Адирей. Та произнесла ласковые слова приветия и утешенья и положила в чашу Амудасурабхи немного вареного риса. И с этого мгновенья рис уже не мог исчезнуть из волшебного сосуда. Видя, как Манимехалей раздает пищу, а количество ее все растет, Кайячандихей, пораженная, сказала:

— О сестра! Неутолимый голод издавна мучит меня. Молю тебя, помоги мне!

Одну только горсть риса положила Манимехалей в руку этой женщине. Но первые же зерна его утолили ее голод. И тогда, ожившая и радостная, поведала она девушке свою историю.

10. Рассказ о том, за что была Кайячандихей наказана муками вечного голода

«Родной город мой Канчананур лежит далеко на севере, в стране, где живут видьядхары. Однажды решили мы с мужем посетить мыс Коморин, чтобы полюбоваться красотами южной природы. В пути случилось нам отдыхать на берегу реки в густом лесу. А как раз в это время в реке совершал омовение отшельник Вриджика. Двенадцать лет постился Вриджика и как раз в тот день, впервые за весь этот долгий срок, собирался вкушать пищи. Сорвав зрелый плод манго, он заботливо завернул его в листья тикового дерева и положил на берегу. Я же ничего этого не знала. Но видно, наступило тогда время сказаться дурным поступкам, совершенным мною в прошлом рождении. Найдя на берегу манго, я приняла его за несъедобный плод пальмировой пальмы, раздавила ногами и затоптала в землю. Когда отшельник, выйдя из воды, увидел, что его трапеза погибла, он очень разгневался. Ибо плод этот был не простой: раз в двенадцать лет на одном определенном дереве созревал такой плод, и съевший его, мог следующее двенадцатилетие обходиться без еды, не испытывая при этом мук голода. Отшельник Вриджика произнес надо мной ужасное проклятие: сколько бы я ни ела, ужасный голод должен терзать меня неотступно. И столь велики будут муки этого голода, что они заставят меня забыть мантру, с помощью которой я могла переноситься по небу в любое место вселенной. Едва отгремели слова проклятья, ужасающий голод вселился в меня. Муж, испуганный, принес мне множество плодов, корней и всякой другой еды, но, сколько я ни ела, голод не утихался. Возвратиться в край видьядхар я уже не могла, так как забыла мантру, и мой супруг вынужден был оставить меня в стране тамиллов. Здесь я и поселилась, в Кавэрипумпаттинаме. Каждый год в праздник Индры

муж прилетает навестить меня, но какая ему радость видеть мой мученья!

Вот что произошло со мной, о нежная девушка, вот как я жила, пока ты не явилась сюда, чтобы избавить меня от мук».

Закончив свой рассказ, она добавила:

— Теперь, я думаю, следует тебе отправиться с чудесным твоим сосудом в Чакравалакоттам. Есть там дом, где находят себе пристанище отшельники.

Сказала и вмиг исчезла — вспомнила свою мантру и улетела. Тотчас отправилась Манимехалей в Чакравалакоттам. Поклонилась статуям Джамбапати и Кандирпавей, а потом принялась раздавать пищу голодным.

11. О том, как принц вновь стал преследовать девушку и как он погиб страшной смертью

Между тем Читрапати, бабка Манимехалей, прослышала о том, что внучка снова появилась в родном городе. Узнала коварная старуха, что девушка раздает пищу голодным, и решила во что бы то ни стало совратить внучку с пути отшельничества и вернуть ее миру городских танцовщиц и куртизанок.

— Что за времена настали! — негодовала старуха. — Только умер у моей дочки любовник, она, видите ли, не пожелала жить в нашем веселом квартале. Пустилась шататься по монастырям да обителям, и притом в лохмотьях каких-то. Якшается со всякими нищими отшельниками, а город со смеху помирает: «Виданное ли дело, шлюха-отшельница!» Позор всей нашей касте! А теперь и внучка по той же дорожке покатируется. Что ж это такое? Выходит, если умрет мужнина, то и для женщины жизнь кончена? Нет! Наша сестра шлюха не такова. Игрец умирает — дуда остается. И внучку я проучу. Не ее это занятие — бродить с чашей. Пусть я, будто самая последняя нарушительница наших кастовых правил, подвергнусь самому страшному наказанию, установленному у нас в касте: положу себе на голову семь тяжелых кирпичей, пусть нога моя не ступит в родной квартал и в дом моей матери, если этот мальчишка принц не получит мою внучку и не увезет ее на своей высокой колеснице!

Дав себе такую клятву, старуха быстро заковыляла во дворец. Пройдя в покои принца Удаякумарана, сказала она ему, что Манимехалей вернулась — пусть поспешит он к Чакравалакоттаму. Бешеная похоть проснулась в принце. Мгновенно прыгнул он в колесницу и погнался коней к лесу. Увидя перед странноприимным домом Манимехалей в одежде отшельницы, он спросил ее — и голос его дрожал от неуголенного желанья:

— Девчонка, что это за дурацкое платье ты на себя напялила?

Девушка хотела сразу бежать от него, но вдруг вспомнила: ведь в прежнем воплощении он был ее мужем! Почтительно поклонилась принцу Манимехалей и тихо сказала:

— Принц, я знаю, что такое тело, я знаю, что такое желанье. Но мне ничего не надо, кроме добродетели.

С этими словами она бросилась в храм Джамбапати, поклонилась божеству и произнесла заклинание, меняющее облик. Тут же приняла она внешность Кайячандихей, жены видьядхары, — той самой, которую только что избавила от мук голода. И тут же выбежала обратно. Принц не обратил никакого внимания на женщину, пробежавшую мимо. Он сам бросился в храм и крикнул, обращаясь к изображению Джамбапати:

— Я знаю, Манимехалей спряталась где-то здесь. Пока ты мне не покажешь где она, я не уйду отсюда, сколько бы дней мне ни пришлось здесь оставаться!

— Зря ты даешь такую клятву пред ликом владычицы нашей, — ответил принцу голос, исходящий из небольшой статуи, что стояла близ Джамбапати. — Ты сам не узнал Манимехалей, когда она выходила отсюда.

Изумился принц, понял он, что не простая, видно, девушка Манимехалей. «Нужно все узнать об этой девчонке», — решил он и грустный поехал во дворец.

А Манимехалей, легко избавившись от домогательств страстного принца, стала повсюду ходить со своей волшебной чашей в облике Кайячандихей. И вот пришла она однажды в городскую тюрьму. Тут же бросились на нее изголодавшиеся узники, но, сколько ни ели они, чаша оставалась полной. Изумленные тюремщики побежали к царю и рассказали ему об этом чуде.

— Привести ко мне эту женщину! — крикнул царь. Представ перед царем, Манимехалей почтительно

приветствовала его и пожелала ему и царице благополучия и процветания.

— Кто ты, о женщина, столь рьяно предающаяся покаянию?

— О царь, — отвечала отшельница, — да будет долгой твоя жизнь. Я — женщина из рода видьядхар, но в этом городе я появлялась и в ином облике. Чудесный этот сосуд мне дала одна богиня. Свойства его таковы: не убывает из него пища и при том излечивает даже от страшной болезни, что зовется «слоновый голод». Да что там, человека, который умер с голоду, рисом из этого сосуда можно поднять со смертного одра!

— Скажи мне, о святая девушка, что должен делать я, царь?

— О царь, надо скорее превратить тюрьму в странноприимный дом, где всякий голодный получит пищу, а бездомный — кров.

И царь повелел сделать все так, как она сказала.

А между тем принц уже немало понаслышался о необыкновенной отшельнице, о содеянных ею чудесах, о ее мудрых речах и чудесных превращениях. И сообразил он, что Манимехалей обманула его, что он ее упустил, когда она почти была у него в руках. Решив, что в другой раз она уж никак от него не уйдет, Удайкумаран вновь погнав коней в Чакравалакоттам, спрятался там и стал поджидать девушку.

А тем временем наступил тот день, когда из дальних краев должен был прилететь видьядхара Канчана, чтобы навестить жену свою Кайячандихей. Не зная, что она уже исцелилась от своего «слонового голода», и не найдя ее на прежнем месте, видьядхара, удивленный и встревоженный, бросился искать ее по городу. И вскоре он увидел ее. Она стояла в окружении нищих и голодных и досыта кормила их из своей чаши. Он подбежал к ней, схватил ее за плечи и крикнул:

— Жена, что с тобой? Какие боги исцелили тебя? И не они ли дали тебе этот неиссякаемый сосуд?

Но Манимехалей взглянула на него удивленно и холодно от него отстранилась. Тогда он стал говорить ей нежные слова, напомнил, как горячо они любили друг друга прежде, когда она была здорова. Но она, не обращая на него никакого внимания, продолжала раздавать пищу и проповедовать дхарму. Заметив в толпе

принца и несколько не боясь быть узнанной, Манимехалей подошла к нему и сказала:

— Принц, как коротка юность, как недолговечно тело! Посмотри хоть на эту старуху, на ее опухшие суставы, дряблую кожу и слезящиеся глаза. Вот таким же станет прекрасное тело и той юной женщины, к которой тебя влечет страсть и неведение!

Вскипел неистовым гневом Канчана: «Она, проклятая, делает вид, что не узнает меня, своего мужа! А этот щеголь, видно, ее любовник! Словами ложной проповеди она хочет разжечь его страсть, сравнивая мерзкое тело старухи со своим прекрасным телом. Ясно, она явилась сюда только ради него, а не ради дхармы. Но я их сегодня же выслежу, этих распутников!»

Снедаемый ревностью, видьядхара затаился, подобно ядовитой змее, свернувшейся в клубок в ожидании добычи. Принц же, неотступно следящий за Манимехалей, слышал, что ей говорил Канчана, и рассмеялся про себя: «Теперь-то я знаю, что эта женщина — Манимехалей, силой волшебства принявшая чужой облик. А из слов этого незнакомца явствует, что он — ее прежний любовник. Девчонка еще прикидывается девственницей и недотрогой. Ну уж этой ночью я ее подстерегу!»

Поздним вечером, когда все уснуло, Манимехалей в облике Кайячандихей тихо прошла в храм Джамбапати, чтобы провести там ночь. Принц же, одержимый страстью, бесшумно крался вслед за нею вдоль стены. Но в тот момент, когда он переступил порог храма, из глубины зала выскочил Канчана.

— Я знал, что он придет! — завопил вильядхара и поверг принца на землю, ударив его кинжалом в спину. Потом, схватив не помнящую себя от ужаса девушку, прорычал: — Летим скорей со мною.

И тут вдруг божество Кандирпавей, стоявшее в зале, заговорило:

— Постой, Канчана! Знаешь ли, что ты наделал! Ведь эта женщина вовсе не твоя жена, а юная девушка, на время принявшая ее облик. А с женой твоей случилось новое несчастье. Исцелившись от голода и вновь обретя свои способности видьядхары, она полетела к тебе небесной дорогой. Но, пролетая через горы Виндхья, она попала в тень богини Виндхьягатики, хранительницы этих гор, и богиня, окутав ее своей тенью как сетью,

затащила твою жену к себе в чрево. Тебе нужно скорей ее оттуда выручать! Но слушай дальше. Хоть ты убил этого несчастного принца по неведению, этот поступок тебе не простится, ты не убежишь от этого греха.

В смятение улетел из храма Канчана. А Манимехалей, убитая горем, стояла над трупом принца.

— Бедный Удайкумаран, — плача проговорила она. — Ты был супругом моим в прошлом рождении, и, когда ты погиб от укуса змеи, я покончила с собой. А когда я впервые увидела тебя в саду, то ощутила в сердце влечение к тебе. И тезка моя, богиня Манимехалей, унесла меня на далекий остров, спасла меня не от твоих рук, а от моей собственной любви к тебе. И теперь, возлюбленный мой, ты лежишь предо мною сраженный кинжалом видьядхары!

Рыдая, прикинула девушка к телу Удайкумарана.

— Нет, — вскричало тогда божество Кандирпавей, —

Прочь беги от него, длинноглазая, прочь от него!

Да, прежде он был тебе муж, а ты ему — жена,

Но было то в прошлом рождение, рожденьям же

нет конца!

Из прежних рождений своих ты знаешь только одно:

Их вовсе должна ты избежать. О нет же, не плачь,

не горюй —

Дано ему вновь родиться, тебе же мудрость дана! ⁶⁷

Девушка, приняв свой прежний облик, пала ниц перед статуей:

— Если есть в этом месте истинное божество, то это — ты! С почтением склоняюсь я пред стопами твоими. Об одном молю, скажи, почему и в этом рождение и в прошлом Удайкумарана постигла столь страшная смерть в молодости? В чем причина этого, открой мне!

Вот что поведало девушке божество Кандирпавей.

12. Рассказ о том, за что Удайкумарана дважды постигла страшная смерть

«Ты ведь помнишь, о девушка, что случилось тебе в прошлом рождение твоём вместе с Удайкумараном, который тогда звался Рагулой, принимать у себя вели-

кого буддийского мудреца Садхучакру. Так вот, после того как ты сказала мужу, что Садхучакру надо как следует угостить, Рагула призвал к себе дворцового повара, велел приготовить отменный завтрак и подать его рано утром божественному гостю. Но повар почему-то запоздал и так испугался наказания, что, неся завтрак, поскользнулся и упал вместе со всеми блюдами. Увидя повара, растянувшегося на полу среди черепков посуды и рассыпанного риса, Рагула не только не пожалел старого слугу, но пришел в такую ярость, что стал топтать его ногами, а потом выхватил меч и отсек ему руки и голову. Рассуди сама, злодеяние было столь велико, что не могло искупиться одной смертью от укуса змеи в том рождение. Для полного искупления нужно было, чтобы в следующем рождение принц, обуреваемый похотью, пал от руки видьядхары.

Но послушай теперь, что будет с тобой дальше. Скоро отшельники из Чакравалакоттама принесут царю весть о гибели его сына. Страшен будет гнев царя, и велит он заточить тебя в темницу. Недолго пробудешь ты там; царица возьмет тебя к себе, а потом отпустит на волю. Затем ты отправишься в страну Саваку к мудрецу Апуттирану и вместе с ним вновь посетишь остров Манипаллавам. После, приняв облик старого мунни, ты отправишься в славный город Ваньджи и будешь проповедовать дхарму сторонникам всех сект и верований этого города. Теперь обо мне послушай. Я — небожитель. Настоящее имя мое — Дватика. Теперь я обитаю здесь, в изображении этом, что изваял Майян, и этого места я уж никогда не покину».

— О Дватика! — сказала девушка. — Будь еще раз милостивым ко мне! Поведай еще о том, где умру я и что будет со мной после этой смерти.

— Много тебе придется мест исходить, — отвечало божество. — Многие живые существа будут спасены тобой, много чудес с тобой произойдет, пока собственным аскетическим усилием не обрешь ты смерти. Случится это в городе Каньджи. А вновь родишься ты на севере Магадхи. И в новых рожденьях будешь ты не женщиной, а мужчиной, великим подвижником, многославным проповедником дхармы, учеником самого Будды. И наконец в последнем из этих рождений ты достигнешь нирваны.

Когда умолк голос божества, Манимехалей уже совсем успокоилась. С невозмутимым духом и ясным сознанием встретила она восход солнца.

Когда рано утром, как обычно, в храм пришли богомолы, увидели они окровавленный труп принца и спокойно стоявшую над ним девушку. Испуганные, они побежали к отшельникам, старейшинам Чакравалакотама. Старейшины допросили Манимехалей, а когда та спокойно и обстоятельно рассказала им о гибели Удайкумарана, они поместили ее под охрану сторожей, а сами поспешили с ужасной новостью к царскому дворцу. Оповестив через телохранителя о своем приходе, старейшины предстали перед царем, еще ничего не знавшим о ночном несчастье.

Вот что сказал тогда один из отшельников.

13. Рассказ о том, что прежде случилось в городе по причине любовной страсти

«Приветствую тебя, о царь! И в прежние времена в городе этом были люди, жестоко наказанные за то, что вследствие обуявшей их любовной страсти стремились они обладать молодыми отшельницами и целомудренными женами. Послушай, что я тебе расскажу. В глубокую древности выступил против нашего города Парашурама⁶⁸. Царь Кандан собирался сразиться с ним, но вдруг перед ним предстала богиня Дурга⁶⁹ и предупредила, чтобы он ни в коем случае не вступал в бой с Парашурамой, чтоб поручил защищать город кому-нибудь из приближенных, а сам скрылся бы куда-нибудь подальше. Царь послушался совета и передал власть в городе рожденному от него сыну своей телохранительницы⁷⁰, которого звали Какандан. Царь пообещал ему, что, если он выдержит осаду, город будет называться его именем. А надо сказать, что царь Парашурама принял обет убивать всех членов царских династий; но, поскольку незаконнорожденный Какандан не обладал правом престолонаследия, а царь Кандан скрылся, цареубийца вскоре снял осаду и оставил столицу Чолов в покое.

И вот, в то время как этот Какандан правил городом, случилось раз его младшему сыну прийти к берегу

Кавэри, близ ее впадения в море. А там как раз совершалась омовение юная брахманка по имени Марути. Сгорая от желанья, юноша бросился в воду и схватил женщину, собираясь насильно овладеть ею в воде. С трудом вырвавшись из его рук, Марути убежала прочь. Ею овладело горькое отчаяние: значит, тело ее может вызвать желание у мужчин! И вместо того чтобы идти домой, она побежала к перекрестку четырех дорог и с плачем обратилась к духу — хранителю перекрестков:

— Истинно целомудренные женщины, те, что мощью своего целомудрия заставляют дождь пролиться в засуху, — они не вызывают желанья в сердцах мужчин! А я, видно, не из таких! О дух перекрестков! Я безгрешна перед мужем моим. За какой же грех наказана я, за что вызываю я вожделение у юношей города?

— О женщина! — отвечал дух-хранитель. — Ты — верная жена, но припомни: не за то ли так любишь ты религиозные празднества, что они услаждают взор твой грешными плясками, а слух — музыкой? Вот из-за суетности твоей слово твое не вызывает дождя в засуху. Подумай об этом! Но это не все. Страстного юношу, который посягнул на твоё тело, должно сурово наказать. В царстве Чолов есть обычай карать преступников в течение семи дней после совершения преступления. Если же за этот срок кара не совершится, то тогда уже мое дело свершить правосудие. Однако царь Какандан, я знаю, сам покарает виновного, хотя он его любимый сын.

Так и случилось. Узнав о проступке сына, царь сам зарубил его острым мечом.

Но слушай дальше. Жил здесь некогда один купец по имени Дхармадатта. Был он очень богат и необыкновенно красив. Будучи холостяком и человеком весьма благочестивым, он со всей силой отцовской безгрешной любви любил юную племянницу свою Висакху. Однако в городе все больше и больше распространялась молва, что купец будто сожительствоет со своей племянницей. Не вынеса грязных слухов, бедная девушка прибежала в Чакравалакоттам и закричала, обращаясь при большом стечении народа к божеству Кандирпавей.

— Молю тебя, сними с меня пятно незаслуженного позора! Все знают, что тебе всегда открыта истина, о мудрое божество!

— Эй, горожане! — отвечала статуя. — Она безгрешна, знайте это!

Однако девушка была так потрясена всем происшедшим, что дала клятву в этом рождении не выходить замуж. Она стала отшельницей. А Дхармадатта так ее любил и столь горевал об ее уходе, что принял обет безбрачия перед статуей Кандирпавей. После того он много и успешно торговал в стране Пандиев, безгрешным путем скопил огромное богатство и так прославился своими добродетелями и удачливостью в торговле, что царь наградил его золотым цветком и дал титул «этти», что значит «лучший из вайшьев». В благоденствии прожил он до шестидесяти лет, когда явился к нему в дом один старый брахман и сказал:

— Слушай, почему ты живешь неженатым? Сколь бы добродетелен ты ни был, холостяком в мир богов тебе не попасть. Я думаю, следует тебе без промедленья возвратиться в родной город.

Быстро устроил Дхармадатта все свои дела в стране Пандиев и вернулся в Кавэрипумпаттинам, где не был столько лет. Узнав о его приезде, Висакха, теперь уже пожилая женщина, могла без стыда и стеснения покинуть обитель отшельниц. Явившись к Дхармадатте, она сказала:

Скажи, почему не влечет нас больше друг к другу? Куда красота наша делась, скажи?

Тебе шестьдесят, и я уж совсем седею,

И нет у нас любви, и влечения больше нет!

В рождение этом соединиться нам не пришлось,

Быть может, сведут нас грядущие наши рожденья,

А пока — исчезает молодость и умирает тело.

А золото и богатства? Их смысл только в одном:

Их можно всегда отдать — и золото и богатства! ⁷²

Тогда купец показал ей все богатства, скопленные за долгую жизнь, и они вместе стали раздавать их беднякам города. А надо сказать тебе, о царь, что задолго до того шла эта Висакха раз по улице и случилось, что увидел ее шедший в окружении толпы друзей старший сын царя Какандана. Тотчас же запенилась похоть в теле его. Сняв с головы своей гирлянду цветов, он надел ее на шею девушке и стал жадно ласкать ее нежную

кожу. Еле вырвавшись, Висакха в ужасе убежала в свою обитель. Когда горожане рассказали о случившемся Какандану, тот, сколь ему ни было тяжело, и старшего сына убил своими руками».

14. О том, как царица пыталась погубить Манимехалей

— Эй, довольно, — прервал эти речи царь. — Ведь все это было в далеком прошлом. Что же такое случилось теперь, из-за чего все вы явились ко мне? Говори скорее!

— Знай же, о царь, — отвечал старец, — что в столице твоей живет юная отшельница Манимехалей, дочь танцовщицы Мадави, рожденная ею от несчастного Ковалана, которого по ложному доносу зарезали в Мадуре. Долгое время сын твой, Удайкумаран, не в силах обуздать свою страсть, неотступно преследовал эту девушку. Наконец, чтобы избежать его домогательств, она приняла облик Кайячандихей, жены одного видьядхары. Принц оставил ее, но потом заподозрил, что девушка владеет силой волшебных превращений. Тайно покинул он свой дворец и ночью пробрался в храм Кандирпавей, где Манимехалей обычно оставалась до утра. Несчастный принц не знал, что в это же время в храме скрывался сторающий от ревности Канчана, муж Кайячандихей, подозревавший принца в том, что он — любовник его жены. Увы! Едва ступив на порог храмового зала, принц пал от кинжала ревнивого видьядхары.

Молча, не прерывая старейшину, выслушал царь весть о гибели сына. Потом взглянул на министра своего Чоликавенади и сказал:

— Сына моего за его царственные грехи лишь я имел право наказать, а не видьядхара какой-то. Да, один предок мой раздавил своего сына, проехав по нему на колеснице, за то, что он мучил корову ⁷³. Повелеваю тебе скорее убрать прочь тело сына моего, чтобы никто впредь не слышал о грязном распутнике. А дочь жалкой шлюхи, за которой он увивался, повелеваю немедленно заточить в темницу.

А царица, узнав о смерти сына, предалась тоске и горю. Однако она никому не выказала своих чувств и, глубоко запрятав желание мести, пришла к супругу своему:

— О славящийся справедливостью своею царь! — начала она. — Бедный наш сын вследствие неведения истины и полного затемнения сознания не был бы достоин править страной, не так ли? А посмотри теперь на Манимехалей, что по велению твоему томится в заточении. Какой, даже умудренный жизненным опытом, человек сравнится с этой девушкой в силе разума, в ясности сознания? О царь, пристала ль ей тюрьма? Не грех ли великий держать ее в тюрьме?

— Коли она тебе так нужна, возьми ее себе, — отмахнулся от жены разгневанный царь.

Царица привела девушку к себе во дворец и дала ей напиться. Но при этом подсыпала в воду одуряющего зелья. Затем она заперла девушку в комнате и позвала к себе одного из телохранителей — парня совсем никудышного, без всякого соображенья. Вот что она сказала ему:

— Здесь в одном месте спрятана девушка. Она без сознания, можешь делать с ней все, что тебе захочется. А потом отнесешь ее обнаженную куда-нибудь на площадь, позовешь побольше народа и крикнешь: «Вот она, эта отшельница, святая, благодетельница ваша Манимехалей. Она сама мне отдалась, безумная. Надо эту распутницу выставить напоказ всему городу и избить как следует!». Сделай все, как я говорю, и вот тебе за это горсть золотых монет.

Парень согласился. Но только переступил он порог комнаты, Манимехалей увидела его и сразу же разгадала коварный умысел царицы; она произнесла соответствующее заклинание и тут же приняла внешность мужчины. Парень прямо опешил. «Мужчина во внутренних покоях царицы! — в ужасе подумал он. — Не знал я, что царица способна на такое!» Не сказав ни слова, он убежал прочь из дворца. Совсем разъярилась царица. «Нет, эта проклятая девка, погубившая моего мальчика, не уйдет отсюда живой!» — и она повелела запереть Манимехалей в комнате без окон и отдушин и не давать ей ни воды, ни пищи. Но девушка произнесла заклинание, заменяющее пищу и питье, и, словно насытившись, спокойно предалась своим размышлениям. А царица ожидавшая увидеть в той комнате изможденный труп, оказалась перед живой ясноликой отшельницей. Тут затрепетала она, предчувствуя расплату за все

свои дурные дела и помыслы, бросилась в ноги девушке, стала умолять простить ее:

— Пойми меня, святая девушка, все мерзости, содеянные мной, это лишь проступки матери, что потеряла единственного сына!

— О царица, — грустно отвечала девушка, — ведь не видьядхара и не я — причина смерти твоего сына, а только деяния его в рожденьях прошлых!

И она рассказала царице, что приключилось с ее сыном в его прежней жизни.

— Разве могу я не простить, царица? — закончила свой рассказ Манимехалей. — Тебя, которая в этом рожденье была матерью бедному супругу моему? А теперь должна далеко улететь я. Тебе же пора подумать о вступлении на тот благой путь, где нет ни страстей, ни желаний, где нет пороков, неотступно следующих за страстями и желаниями...

Когда бабка Манимехалей, старая Читрапати, узнала о либели принца и о заточении Манимехалей, она почувствовала угрызенья совести и решила освободить внучку. Вот приковыляла она ко дворцу и, представ перед царицей, такую речь повела:

«О великая и прекрасная дэви! Когда погиб Ковалан, мать этой девочки, Мадави, бросила наше наследственное ремесло и удалилась в обитель отшельниц. И дочь ее также позорит нашу касту, бродя от дома к дому и собирая подаяние, будто она нищенка какая-нибудь, а не шлюха. А уж после ужасной смерти нашего юного принца ей и вовсе нечего делать в этом городе. Теперь послушай-ка, что я еще тебе расскажу. Случилось раз царю нашего города гулять близ морского берега, в роще, где росли деревья пунней⁷⁴. И встретилась ему там молодая женщина необыкновенной красоты. Царь пожелал обладать ею, она охотно пошла навстречу его желанию. Целый месяц наслаждались они в этой роще, как вдруг женщина куда-то исчезла, ни слова не сказав царю. Раздосадованный и жаждущий любви, царь принялся упорно искать ее, но безуспешно. Однажды во время этих поисков встретил он одного джайнского отшельника, славящегося своим сверхъестественным ясновиденьем, а также тем, что он мог ступать по водам, как по земле, мог входить в землю, как в воду, и летать по воздуху, как птица. Царь спросил его:

— Где-то здесь скрывается женщина, которая мне дороже жизни. Может быть, ты знаешь, где она сейчас?

— Где она сейчас, я не знаю, — отвечал отшельник, — хотя прежде я ее знал.

— Расскажи мне о ней скорее, — взмолился царь.

— Слушай тогда, о царь! — отвечал тот чудодей.

«В дальней стороне, у Васамайлай, жены царя нагов Валайванана, родилась дочь по имени Пиливалей. В день ее рождения придворный астролог составил гороскоп принцессы, пришел к царю и сказал ему:

— Когда дочь твоя станет взрослой девушкой, она отдастся царю солнечной династии⁷⁵ и понесет от него.

Так знай, та женщина, с которой ты наслаждался в прибрежной роще, и есть Пиливалей. Она в положенный срок родит сына, но к тебе никогда более не придет. И ты не страдай от этого, мой повелитель. Знай одно: когда придет время в очередной раз устраивать празднество Индры, не пропусти его! Ибо если не будет оно устроено, то по одному слову богини Манимехалей волны бушующего моря поглотят Кавэрипумпаттинам. Поэтому, о царь, забудь о прекрасных женщинах, но помни, что неукоснительно следует тебе поддерживать древнюю традицию празднества Индры!»

Сказав это, отшельник удалился. С тех пор горожане дрожат, как бы чем-нибудь не прогневать богиню Манимехалей. И я тоже очень боюсь, как бы не рассердилась богиня: чего доброго, узнает, как обращаются в этом городе с моей внучкой, которая носит ее имя. Поэтому, о царица, молно тебя, повели этой танцовщице — ибо Манимехалей остается танцовщицей по рождению — скорее покинуть дворец и вернуться в наш квартал!»

— Нет, — сурово возразила царица. — Твоя внучка считает, что ремесло шлюхи — неподходящий путь для девушки. К тому же она знает иной, благой путь, который ведет мимо твоего квартала и твоего дома. Ибо:

Те, кто истину познали, не колеблясь покидают
Место, где есть ложь и похоть, воровство и опьянение.

Пришлось старухе уйти ни с чем из царского дворца.

А тем временем молва о заточении Манимехалей достигла и слуха матери ее, отшельницы Мадави. Мадави тут же разыскала мудреца Араванана и упросила

его не медля отправиться к царице — пусть повелительница отпустит невинную девушку.

Увидя великого отшельника, царица быстро поднялась, подбежала к нему, поклонилась стопам его и повелела возжечь в его честь благовонные курения.

— Видно, были мною в прошлом рождении, — сказала царица, — добрые дела содеяны, если мой дом столь великий мудрец осчастливил своим посещением!

— Пребудь мудрой, о царица! — благословил ее Араванан и вот что сказал:

Слушай, о дэви, даже это тело мое, тело аскета,
подвержено смерти,

Слушай, о дэви, даже это солнце, что ярко сияет,
зайдет неизбежно.

Рождаемся мы и стареем, страдая от нищеты
и болезней,

Затем умираем... Так познай же, о дэви, цепь причин,
Цепь причин и звенья познай той цепи:

Сначала — неведение, из него — устремленья, из них
сознание «я» своего происходит;

Потом — тело и разум, а после — органы чувств,
а затем ощущения и желанья;

Из желаний рождается к вещам и предметам
привязанность, а из нее —

Рождение новое и жизнь, что старость, страданья
и смерть влекут за собой⁷⁶.

Так проповедовал мудрец Араванан, а потом обратился к Манимехалей:

— О Манимехалей, ты должна поскорее идти в Ваньджи. Там узнаешь ты сущность других учений и верований. Это нужно тебе, чтобы свободно, не боясь возражений, проповедовать дхарму. А ты, царица, помни мои слова и с нового пути не сбивайся.

Тогда Манимехалей поднялась, поклонилась царице и сказала:

— Не забывай, о дэви, что Араванан открыл тебе. Мне же больше нечего делать в этом городе, где каждый поносит и позорит меня. Не думай о зле, что ты мне хотела причинить. Я прощаю тебя, будь спокойна и не печалься.

15. О том, как Бхумичандра
также посетил остров Манипаллавам,
и о том, как он увидел свой труп

Девушка покинула дворец, прошла в последний раз по улицам родного города и вышла к рощам прохладным. К вечеру достигла она Чакравалакоттама, попрощалась с его святыми, обошла справа налево статуи Кандирпавей и Джамбапати, затем произнесла заклинание и взмыла в небо, где зажглись уже яркие звезды.

Скоро опустилась она в небольшом леске. Все вокруг было незнакомо ей. Вдали возвышались строения большого неведомого города. Девушка шла по тропинке, ведущей из леса к окраинам, когда встретился ей старый отшельник. Она склонилась перед ним и спросила:

— Что это за город и кто правит в нем, о муні?

— Это Нагапурам, — отвечал старец. — И правит там царь Бхумичандра. Он столь безгрешен, что со дня его рождения не было здесь ни одной засухи. Земля родит в изобилии, страна благоденствует. А людям, что живут здесь, ни голод, ни болезни неведомы.

Только произнес он эти слова, как на тропинке показался сам царь с женою своею; они совершали вечернюю прогулку. Изумился царь, увидя Манимехалей:

— О великий муні! — молвил он. — Кто эта девушка с лицом, преисполненным несравненной красоты? Откуда она и почему в прекрасных руках ее чаша для сбора подаяния?

— Это та самая необыкновенная девушка, о царь, историю жизни которой я рассказывал тебе некогда со слов мудреца Араванана. Она явилась к нам из Кавэрипумпаттинама.

Манимехалей приблизилась к Бхумичандре и протянула ему свою чудесную чашу:

— О царь, эта чаша прежде была в твоих руках. Ты не помнишь? Или власть и богатство помutilи твоё сознание и память? Следует тебе скорей отправиться на остров Манипаллавам, дабы поклониться святыне Буддха-Пидики и узнать от нее историю прошлой твоей жизни. Иначе останешься ты в неведении.

И она подробно рассказала юному царю о том, что произошло с ней на том острове, о том, как получила

она там чашу Амудасурабхи, и о волшебных свойствах Буддха-Пидики.

С той минуты Бхумичандра только и мечтал о путешествии на остров. Однако, когда он сказал об этом министру своему Джанамитре, тот очень опечалился и так стал возражать царю:

— Подумай только, что хочешь ты сделать, о повелитель! До дня рождения твоего целых двенадцать лет страна жестоко страдала от засухи и болезней. А теперь, когда с воцарением твоим люди обрели радость и здоровье, хочешь ты покинуть нас, чтобы вновь пришло сюда страдание и горе? Достойно ли так поступать царю, славящемуся своей справедливостью?

— Нет, — подумав, отвечал царь. — Столь велико мое желание посетить далекий остров и узнать о прежней моей жизни, что нет у меня сил здесь оставаться. Я отправляюсь туда немедленно, а через месяц непременно возвращусь обратно. Ты пока будешь вместо меня править Нагапурамом.

Быстро достиг Бхумичандра берега моря, взошел на корабль. Вскоре нога его уже ступила на землю священного острова. И сразу же увидел он на берегу Манимехалей, которая только что силой заклинания перенеслась туда из Индии. Девушка подвела царя к Буддха-Пидике, и, когда царь приветствовал великую святыню, обойдя вокруг нее справа налево, та отверзла уста и поведала юноше обо всем, что было с ним в прежнем его рождение. Дивился царь, слушая рассказ Буддха-Пидики. Но еще более изумился он, когда появилась вдруг перед ним хранительница острова Двипатилака.

— О великий, стремящийся накормить всех голодных! — проговорила она. — Еще одну тайну сейчас узнаешь ты! В прежнем твоём рождение, когда корабль, на котором ты собирался достичь страны Саваки, был уже в открытом море, далеко от Манипаллавама, вдруг обнаружилось, что тебя нет среди путников. Корабль повернул назад, но к тому времени, когда он вновь достиг острова, ты был уже мертв. В отчаянии были спутники твои. Девять купцов сошли на берег, чтобы умереть рядом с тобой. Смотри: вот их кости, засыпанные песком. А вот здесь, погляди, в тени дерева пунней, лежат и останки твоего прежнего тела. Теперь послушай

меня и ты, о юный цветок, нежная Манимехалей! Страшная беда только что произошла: гигантская волна, поднявшись из моря, поглотила твой город Кавэрипумпаттинам. Сейчас я тебе разъясню, почему так случилось. Дочь царя нагов юная Пиливалей, родив сына от царя Кавэрипумпаттинама, явилась сюда недавно с младенцем, чтобы поклониться Буддха-Пидике. И в это же время к берегу пристал корабль одного богатого купца из касты тотти⁷⁷. Взойдя на это судно, Пиливалей отдала младенца купцу и сказала:

— Это сын царя. Приедешь в город, отдашь его царю из рук в руки.

Гордый и радостный, купец велел тотчас поднимать паруса. Но корабль не доплыл до столицы Чолов. Налетел на него ураган и разбил его о скалы. Однако нескольким морякам удалось спастись. Добравшись до Кавэрипумпаттинама, они побежали к царю и рассказали ему о гибели его сына. В ужасе бросился Чолан к берегу, надеясь хоть тело ребенка найти меж камней. И так велико было отчаяние царя, что позабыл он о том, что подошел срок ежегодного празднества в честь Индры. А когда опомнился царь, было уже поздно. Разгневанная богиня Манимехалей произнесла слова проклятия. «Море возьмет этот город», — сказала она. И нет более славного Кавэрипумпаттинама. Нет храмов, нет дворцов, нет тенистых рощ, нет знаменитой гавани, откуда во все страны мира корабли увозили пряности, павлиньи перья, сандал и слоновую кость. Царь, однако, спасся и где-то скрылся, а мать твоя вместе с Судамати и Аравананом сейчас находится в городе Ваньджи.

Печальная, выслушала девушка эту весть. Рядом с ней Бхумичандра в оцепенении смотрел на свой истлевший труп. Девушка мягко коснулась руки царя, увела его на берег и посадила на корабль. А сама произнесла заклинание и полетела в Ваньджи.

16. О том, как закончилась история Манимехалей в этом ее рождении

Опустившись в столице Черов, Манимехалей тотчас же отправилась в храм Каннахи. Склонившись перед статуей верной жены своего отца, она стала умолять

Каннахи открыть ей тайну прошлого рождения Ковалана и объяснить, за что Ковалана постигла столь жестокая и несправедливая смерть. Заговорила богиня. Она рассказала девушке все, о чем некогда поведала ей богиня-покровительница Мадур⁷⁸.

— Однако, — сказала Каннахи в заключение своего рассказа, — хотя в воздаяние за мои добродетели я и оподобилась ныне жить в мире богов, круговорот существования все же не заключился. Ведь после смерти Ковалана гнев и жажда мести обуяли меня, всю Мадуру я спалила огнем. И это чувство, эта страсть мне мешали выйти из круговорота существования. Хоть уже виден мне берег моря жизни, однако я его еще не достигла. Но придет и мое время. Явится новый будда. И тогда в тени священного дерева боддхи я получу знание от него о четверице истин благородных⁷⁹. И о зависимом происхождении я узнаю, и о том, каким путем устраняется существование. Лишь получив это знание, достигну я нирваны. А если спросишь ты, девушка, за что будет мне такая благодать, то знай: божественное состояние мое — есть плод моих благих поступков. А приобщение к дхарме и грядущая нирвана — от другого. Когда с дорогим супругом Коваланом мы счастливо жили в Кавэрипумпаттинаме, то были мы в числе тех немногих, кто почитал семь буддийских вихар⁸⁰. Теперь, о Манимехалей, ты знаешь все! Пора тебе идти туда, где ныне сойдутся мудрецы великие.

Низко поклонилась Манимехалей богине супружеской верности, произнесла заклинание и, приняв облик старого отшельника, вошла в здание, специально учрежденное великим царем Сентгуттуваном для религиозных и философских диспутов. Там уже собрались сторонники многих учений; были здесь и те, кто признавал веды источником высшей мудрости, и те, кто отрицал их. Всякий излагал то, что он считал истинным и самым важным в своем учении.

Юная отшельница выслушала всех и таким образом узнала мысли всех великих мудрецов древней Индии. После того отправилась она в рощу на окраине города, где стояла обитель буддийских отшельников. И каково было ее удивление и радость, когда перед нею предстал дед ее Масаттуван, отец Ковалана. Девушка обняла его ноги и поведала старику всю историю жизни своей.

— Твой приход — великое воздаяние за все добро, что многими было прежде содеяно, — молвил старец. — Я сам был так потрясен смертью сына и пожаром в Мадуре, что решил навсегда покинуть семью, город, мирскую жизнь и стал приверженцем дхармы. Но послушай, что привело меня в эти места. Мой предок в восьмом колене, которого также, как и моего сына, звали Ковалан, был большим другом правившего тогда царя Имаяварамбана Недунджераладана и Черана. Как и все мы, был тот Ковалан купцом. Много добра, скопленного упорным и честным трудом, оставили ему его предки. А сам он был так удачлив в торговле, что во много раз приумножил это наследство и к середине жизни владел несметными богатствами. Однажды довелось ему, гуляя в этой роще, услышать слова проповеди из уст буддийских мун, остановившихся здесь на обратном пути с Цейлона. И такое действие произвели на него их слова, что он сразу же после того стал раздавать все свои деньги нищим. А когда денег у него не осталось, продал все свои дома и вещи и воздвиг буддийскую ступу, которой до сих пор нет равной в наших краях. И так мне захотелось поклониться этой ступе, что отправился я сюда. А когда мне сообщили, что город мой безвозвратно взят морем, я и вовсе решил здесь остаться. Но тебе, о Манимехалей, нечего здесь делать. Ждет тебя город Каньджи — последняя остановка на жизненном твоём пути. Здесь ты узнала сущность всех великих учений Джамбудвины, а в Каньджи мудрец Араванан откроет тебе глубины дхармы, с которой никакое другое ученье равняться не может. Спешив Каньджи, ибо от засухи царит там страшный голод. Уже умерли многие, а живые скитаются с места на место, выпрашивая подаяние. Но дающим уже неоткуда там взяться. Скорее лети туда с чудным твоим сосудом Амудасурабхи, ибо ежечасно гибнут там люди и прочие живые существа!

В последний раз произносит девушка заклинание. И вот — она в Каньджи. Поклонившись ступе, быстро пошла она к центру города, по дороге наделяя пищей всех встречаемых. Ослабевшие от мучительного голода люди цепляются за складки ее оранжевого отшельнического одеяния.

С лицами, озаренными надеждой, прибежали горожане к царю:

— О царь! Великая радость! К нам пришла самая великая из всех отшельниц, что ступают по земле Джамбудвины. Она спасет от голодной смерти жителей города нашего!

Со всеми своими министрами и советниками бросился царь навстречу девушке:

— Приветствую тебя, о Манимехалей! Я знал, что ты придешь, я ждал тебя, я верил, хотя никому не говорил об этом. Когда в стране прекратились дожди и нам стал угрожать голод, я пошел к божеству Кандирпавей и спросил: «Не вследствие ли моих дурных поступков, или несправедливости, или темной страсти постигло нас такое горе?» И вот что ответило мне божество: «Не печалься и не бойся! Скоро явится в город твой одна девушка. И столько будет пищи в ее волшебной чаше, что на всех голодных вселенной хватило бы. И едва появится она здесь, множество черных туч изольют благодатные ливни на твою страну. Много чудес произойдет здесь после ее появления, и повсюду будет радость и ликование. Но чтобы это все произошло, должен ты, о царь, вырыть близ города пруд, подобный волшебному пруду Гомукхи, и рощу чудесную вокруг него засадить, подобную той, что окружает тот водоем. А в роще воздвигнешь ты храм богини Манимехалей, а в храме том будешь свершать пуджу». Я это все сделал, о Манимехалей!

И девушка вместе с Аравананом, Мадави и Судамати, вместе с царем и его свитой, вместе со всеми горожанами отправилась к храму богини-тезки. И с тех пор сытно и счастливо зажили люди в городе Каньджи.

Манимехалей же с тех пор жила отшельницей в Каньджи, близ того места, где Араванан просветил ее и одарил полным знанием дхармы. Там она и умерла тихо и в сознании, неуклонным и жестоким покаянием загасив свечильник своей жизни. А последняя ее мысль была такая: освободиться от нового рожденья, от существования и связанного с ним страдания.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ПОВЕСТЬ О ЗАКОЛДОВАННЫХ ШАКАЛАХ И ЦАРОКОМ СОВЕТНИКЕ ВАДАВУРАНЕ

¹ Вадавур — пригород Мадур, столицы древнего тамильского царства Пандия.

² Существовало предание о том, что в глубокой древности река Вайгай имела другое русло.

³ Вообще под ведами подразумеваются не только четыре *самхиты* — сборника гимнов (*Риг-веда*, *Сама-веда*, *Яджур-веда* и *Атхарва-веда*), но и примыкающие к ним эзотерические книги ритуального, мифологического и религиозно-философского содержания (*брахманы*, *араньяки* и *упанишад*ы). Однако здесь, очевидно, речь идет о гимнах *Сама-веды*, наиболее популярных у шиваитов Юга.

⁴ *Аматтиар* — министр, царский советник; здесь: название одной из подкаст мадурских брахманов, наследственным занятием которой являлась служба при дворе Пандиев.

⁵ Здесь идет речь об одной из основных концепций индуизма, согласно которой извечно существующая душа после смерти одного тела переходит в другое — рождается в новом теле. В каком именно теле вновь родится душа, зависит от дурных и хороших деяний, совершенных человеком в его прежних рождениях. От этого же зависит страдание и наслаждение, которые испытывает душа в новом рождении. Одной из причин такой подверженности последовательным рождением и смертям является «неведение», «заблуждение» (здесь: «тьма»). Прекращение существования индивидуальной души (*атмана*) в воплощенном состоянии — конечная цель всякого подвижничества и отшельничества. Местным, шиваитским дополнением к этой концепции является представление о том, что бог Шива своей милостью дает родиться в брахманской варне наиболее достойным душам. Герой этой легенды Вадавур, по преданию, достиг «освобождения от рождений» не только своими подвигами, но и тем, что создал поэму *Тирувайшогам* («Священное речение»), воспевавшую Шиву.

⁶ *Ведаанги* — санскритские трактаты по всем областям знания, созданные в раннем средневековье и дополняющие учение вед.

⁷ Шестидесят четыре искусства, согласно санскритской классификационной системе, включают в себя целый свод познаний, начиная с санскритской орфографии и кончая гигиеной женщины.

⁸ *Дхармашастры* — древние и раннесредневековые санскритские

трактаты и сборники правил, относящиеся к юриспруденции и регламентации поведения. Всего имеется 18 дхармашастр, из которых главной, а возможно, и наиболее древней являются «Законы Ману» (Ману — мифический «первый» царь древних индийцев). *Дхармашастры* составляли основу индуистского права.

⁹ Изучение ратного дела — искусства езды верхом и на колеснице и т. д. — вообще не входило в обычную программу обучения юного брахмана, но, поскольку Вадавур был как бы усыновленным царем, принадлежащим к варне кшатриев (воинов), он должен был получить и светское воспитание дополнительно к духовному, полученному им ранее в родительском доме.

¹⁰ Маргоза (*Azadirachta indica*, там. *вембу*) была одной из эмблем Пандиев.

¹¹ По-видимому, в VI—IX вв. кони доставлялись в Южную Индию морем из Аравии.

¹² Луна — одна из эмблем Пандиев.

¹³ Мадурский храм — один из самых знаменитых южноиндийских храмов, посвященный Шиве; до сих пор является местом стечения многочисленных паломников.

¹⁴ Один из эпитетов Шивы. Буйвол Нанди в пуранической мифологии (см. прим. 29) являлся первым шиваитским *гуру* (наставником) и слугой Шивы.

¹⁵ Ганеша — бог мудрости и устранения препятствий. Изображается в виде упитанного ребенка с четырьмя толстыми руками и головой слона (но с одним клыком). До сих пор играет огромную роль в народной индуистской религии. В шиваизме Ганеша считается сыном Шивы и его супруги Парваты.

¹⁶ Варуна — в ведийской мифологии бог неба; позднее — бог воды и океана. В пуранах (см. прим. 29) — бог-охранитель Запада. Существовала пураническая версия, рассказывающая о том, как в наказание за оскорбление, которое Варуна нанес одному отшельнику, тот проклял его. У Варуны из-за этого так разболелся живот, что он, плача, метался по всей стране, пока Шива, сжалившись, не исцелил его от недуга.

¹⁷ Луна (наряду со змеей и рекой Гангом) — один из главных атрибутов Шивы.

¹⁸ Пять чувств (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус) являются, согласно индуистской философии, тем, что привязывает человека к объектам внешнего мира и не дает ему достичь истинного знания. Шиваиты считали, что Шива своей любовью помогает его приверженцам освободиться от власти пяти чувств.

¹⁹ Храмовые жрецы принадлежали к подкасте *адишайва*, представителю которой считались на юге низшей разновидностью брахманов.

²⁰ Шиваиты (особенно брахманы) покрывали лоб пеплом (*ниру*) от сожженного коровьего навоза.

²¹ Эпитет Шивы, восходящий к пуранической традиции, согласно которой Шива почитается древнее вед и выше всех богов ведийского пантеона.

²² Индийское искусство изобилует изображениями танцующего Шивы. Выражение «Шива, пляшущий в исступлении на сцене вселенной» имеет двойной смысл. Во-первых, оно отражает древнейшее представление жителей Южной Индии о «пляшущем Шиве»

(Шива Натараджа), для которого вся вселенная — это арена, ритуальная площадка, где совершается его магический танец; все вещи и превращения мира возникают вследствие этого танца. Во-вторых, оно отражает конкретный факт существования в стране тамиллов храма Чидамбарам, до сих пор являющегося главнейшей шивайтской святыней всего юга. (Чидамбарам находится в штате Тамилнад, в округе Южный Аркот, неподалеку от города Танджур.) В главном зале этого храма («Золотом зале») находится сцена, посвященная «пляшущему Шиве».

²³ Перунтурей (букв. «Большая гавань») до сих пор не удалось отождествить ни с одним из известных городов, селений или храмов.

²⁴ Линга — символ творческой мощи и мужской половой силы Шивы; один из основных объектов почитания у шиваитов. Скульптурные изображения линги во множестве встречаются в индийских храмах.

²⁵ Курунду — дикий лимон, *Atalantia*.

²⁶ Древнеиндийская религиозная концепция еще со времен создания санскритской эпической поэмы *Махабхарата* (VII—V вв. до н. э.) предусматривала три пути (*мार्ги*) к постижению бога: путь любви и эмоциональной приверженности, путь действия, усилия и подвига и путь интеллектуального постижения, знания.

²⁷ *Сахаджа-йоги* — приверженцы Сахаджи, одного из мистических культов средневековой Индии. Стремилась к полному отрешению от окружающей действительности и одновременно к полному прекращению деятельности сознания.

²⁸ Рудракша — дерево *Elaeocarpus ganitrus*, из орехов которого делаются четки.

²⁹ *Пураны* — древние и раннесредневековые санскритские книги, содержащие мифы о богах, о рождении, существовании и разрушении вселенной, а также мифы о происхождении древнейших родов царей и *риши* (великих мудрецов и волшебников). Главенствующую роль в *пуранах* играют боги Шива и Вишну. Основных *пуран* — восемнадцать.

³⁰ Вся древнеиндийская санскритская религиозно-философская литература по традиции делится на две части. Первая часть, к которой относятся, в частности, веды, называется *шрути* («услышанное», «откровение») и считается не созданием авторов, а лишь пересказом того, что было ими услышано от богов. Вторая часть, к которой относятся эпические поэмы, *пураны*, *веданги* и *дхармашастры*, называется *смути* («составшееся в памяти», «предание»), и допускает индивидуальное авторство.

³¹ «Четыре вещи», согласно индуистским представлениям, четыре основные сферы деятельности человека; это *дхарма* (религиозный или моральный долг, нормы личного поведения), *артха* (общественный долг, нормы общественного поведения, политика, экономика), *кама* (любовь, наслаждение, эмоциональная жизнь) и *мокша* (достижение полного освобождения от земных страданий, радостей и привязанностей, избавление от последующих рождений).

³² *Падмасана* («поза лотоса») — одна из основных йогических поз, способствующих углубленному созерцанию: сидячее положение, позвоночник абсолютно выпрямлен, руки покоятся на разведенных бедрах, ступни перекрещенных ног плотно прилегают к внутренним предплечьям бедер.

³³ *Сива-Ньяна-бодам* — шивайтский теологический трактат, написанный в XII в. н. э. Мейкандаром на тамильском языке. То обстоятельство, что наставник Шива держал в руке именно эту книгу, как бы подчеркивает утверждение приоритета позднейшей шивайтской литературы перед *шрути*. Здесь мы встречаемся с интереснейшим явлением «переноса будущего в прошлое»: действие легенды происходит в VI—IX вв., а одно из действующих лиц держит в руке книгу, относящуюся к XII веку!

³⁴ *Карма* («дело», «деяние») — центральное понятие индуизма, влияние, которое оказывают поступки живого существа на его жизнь в следующем рождении. Дурные поступки вызывают страдание души, а добрые — наслаждение души в будущей ее жизни. И те, и другие создают влияние, т. е. *карму*, а *карма* приводит к рождению души в теле человека, бога или животного. Только прекращение поступков (равно дурных и хороших) может привести к уничтожению *кармы* и освобождению души от тел и рождений. Этому обычно предшествует состояние, когда сумма всех дурных поступков, совершенных во всех прошлых рождениях, уравнивается суммой благих поступков, — так называемое «состояние равновесия дурной и хорошей кармы». О таком состоянии у Вадавурана и говорится в конце первой главы «Повести о заколдованных шакалах».

³⁵ *Гуру* — учитель, духовный наставник; «великий *гуру*» — эпитет Шивы.

³⁶ Здесь объясняется происхождение второго (позитического) имени Вадавурана — Маниккавашагар («Рубиноречивый»).

³⁷ *Адишайва* — тот храмовый жрец, который подошел в Вадавурану, когда последний собирался покинуть Мадурский храм, чтобы отправиться в путь за конями (об адишайвах см. прим. 19).

³⁸ *Пуджа* — регулярно совершаемый обряд или акт богочтения в индуизме.

³⁹ *Ади* — название тамильского месяца, соответствующего июлю—августу.

⁴⁰ Эпитет Шивы, содержащий намек на его функции творца, хранителя и разрушителя мира.

⁴¹ В этом эпитете содержится сравнение Шивы с пахарем, а души его приверженцев — с возделываемым полем.

⁴² Приверженцы Шивы называли себя его рабами.

⁴³ Митиакши («Рыбоглазая») — одно из имен Парвати, супруги Шивы.

⁴⁴ См. прим. 24.

⁴⁵ В ведийской мифологии бог солнца Сурья восседает в небесной колеснице, влекомой семью конями.

⁴⁶ См. прим. 8.

⁴⁷ По древнеиндийской традиции варна брахманов считалась выше варны кшатриев. В этой легенде царь обращается к Вадавурану на «вы», а тот отвечает ему на «ты».

⁴⁸ *Дхарма* — здесь: долг, обязанности. В древней и средневековой Индии *дхарма* различалась в зависимости от варны, касты, профессии, пола и возраста человека. В буддийской терминологии *дхарма* означает, во-первых, «буддийское вероучение», а во-вторых, существование, сознание, поток бытия.

⁴⁹ Шива обычно изображался с разметавшимися во все стороны длинными прядями волос.

⁶⁰ То есть уничтожили *карму* и устранили себя из круговорота рождений и смертей (см. прим. 34).

⁶¹ Эпитет Шивы; отражает представления шивантов о горячей любви Шивы к тем, кто бесконечно любит его.

⁶² Строка из *Риг-веды* (I, 163). В ней говорится о божественном жертвенном коне, тело которого символизирует вселенную.

⁶³ Мемецилон (*Memecylon tinctorium*) — цветок из семейства лилейных.

⁶⁴ Черногорлый — эпитет Шивы, отражающий пуранический эпизод, где рассказывается о том как со дна мирового океана забила гигантская струя черного яда. Чтобы спасти богов и людей, Шива выпил этот яд, но не проглотил его, а задержал в горле, от чего оно стало черным.

⁶⁵ Эпитет Шивы; отражает эпизод из легенды II (здесь и далее вместо названия легенды фигурирует ее порядковый номер в данном издании).

⁶⁶ Эпитет Шивы.

⁶⁷ Черная женщина — Парвати, супруга Шивы, которая воображению древних шивантов представлялась как бы приросшей к бедру своего супруга; «не оскверняет» — намек на весьма распространенный в индуизме взгляд на половое общение, как на нечто оскверняющее.

⁶⁸ Речь идет об одном из пуранических эпизодов.

⁶⁹ См. прим. 5 к V.

II. ПОВЕСТЬ О БЕДНОМ БРАХМАНЕ ДХАРМИ И О СПОРЕ ПО ПОВОДУ ЗАПАХА ЖЕНСКИХ ВОЛОС

¹ Чампак (*Champac Champac*) — цветок из семейства лилейных.

² Это стихотворение приписывается древнему тамильскому поэту Ирайянару, жившему, очевидно, не позднее V в. н. э.

³ По преданию, в древней стране тамиллов поэма или стихотворение, чтобы стать «признанным» и «классическим», должно было получить одобрение санги.

⁴ По раннесредневековой индийской эротологической классификации все женщины делились на четыре класса: женщина-лотос (*падмини*), женщина-блеск (*читрини*), женщина-раковина (*шанкхини*) и женщина-слоноха (*хастини*). *Падмини* считалась самой изысканной и одухотворенной, *читрини* — наиболее прекрасной в физическом отношении, *шанкхини* — наиболее чувственной и веселой, *хастини* — безобразной, грубо похотливой и обладающей большой физической силой.

⁵ Подразумевается Парвати — супруга Шивы.

⁶ В пуранах рассказывается, как однажды Парвати, супруга Шивы, играя, подошла к нему сзади и закрыла ладонями его глаза. И тотчас же у Шивы на лбу появился третий, «лобный» глаз, ибо ни на миг не могла остаться вселенная без взгляда Шивы.

III. ПОВЕСТЬ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО НА СВЯЩЕННОЙ ГОРЕ КАЙЛАСЕ

¹ О священном пепле — см. прим. 20 к I.

² Кайласа — мифическая священная гора, «Олимп» Шивы; воображение шивантов помещает ее в Гималаях.

³ *Тапас* — в индуизме аскетизм, покаяние, посредством которого накапливается *пунья* — «достоинство» как высший критерий добродетели. В этом одно из основных отличий индуизма от ведийской религии, где причиной всякого блага и достоинства считалось жертвоприношение и вообще обрядовое действие.

⁴ Веды, древнейшие священные книги индийцев, в санскритских пуранах обожествлялись и персонифицировались; в культовой системе шиваизма они не являлись объектом почитания и занимали второстепенное положение.

⁵ Согласно древнеиндийским космологическим представлениям, три мира вселенной — земля, промежуточное пространство, или атмосфера, и небесный мир.

⁶ Это один из наиболее излюбленных в раннесредневековой санскритской поэзии образов; ассоциируется со счастьем и благополучием.

⁷ Кальпака — в древнеиндийской пуранической мифологии священное райское дерево, дающее все, что только можно пожелать.

⁸ *Муни* («молчальник») — аскет, мудрец, достигший высшего знания. Иногда это слово употребляется в смысле «духовный наставник».

⁹ Пурандара — одно из имен бога Индры.

¹⁰ Речь идет о любви к Шиве, которая в тамильской литературе представлялась первым и самым важным моментом связи адепта с богом. Согласно представлениям тамиллов, любой приверженец Шивы мог в своей любви к нему соперничать с богами.

¹¹ Все повествование стремится поставить остальных богов и веды в подчиненное положение по отношению к Шиве.

¹² Имеется в виду храм «Пляшущего Шивы» — Чидамбарам (см. прим. 22 к I).

¹³ Нанди — буйвол, атрибут Шивы (см. прим. 14 к I). Здесь это имя употребляется как эпитет Шивы.

¹⁴ Имеется в виду храм Чидамбарам.

¹⁵ Знак глаза на лбу отшельники рисовали в ритуальном подражании Шиве (см. прим. 6 к II).

¹⁶ Образ «пляшущего Шивы» был восьмилкиким.

¹⁷ Один из наиболее распространенных эпитетов Шивы.

¹⁸ Эпитет Шивы; согласно индуистской мифологии, разрушение мира являлось основной функцией Шивы, создание мира — функцией Брахмы, а сохранение мира — функцией Вишну. Однако в шиваизме Шива представлялся носителем всех этих трех функций.

¹⁹ То есть состояния полного освобождения от смертей и рождений.

²⁰ Бхутанатха («владыка бхут» — демонов) — эпитет Шивы; в санскритских пуранах *бхуты* — маленькие злые и коварные духи, обитающие на кладбищах, в лесах и на дорогах и постоянно стремящиеся вредить людям и вселяться в трупы (о *бхутах* — покровителях места см. прим. 27 к V).

²¹ Йоги здесь — отшельники, достигшие многолетними упражнениями обладания сверхъестественными способностями, но не стремящиеся при этом к могуществу на земле или на небе.

²² Шамбу («Благоволящий») — эпитет Шивы.

²³ Эпитет Шивы.

²⁴ То есть Парвати — супруги Шивы.

²⁵ Эти цветы называются здесь священными, поскольку они предназначались для богини.

²⁶ Земная склонность Сундарара к женщинам явилась причиной того, что он был изгнан с Кайласы и обречен на земное рождение, поскольку, будучи на Кайласе, он не мог быть поэтом для людей.

²⁷ «Собрание стихов о святых» — так называл свои стихи Сундарар; себя он называл «раб рабов Шивы», т. е. современных ему и живших до него шиваитских святых, отшельников и поэтов.

²⁸ Здесь Упаманья как бы напоминает слушателям о том, что он сам — ревностный приверженец Шивы.

²⁹ Эпитет Шивы.

IV. ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК СУНДАРАР БЫЛ ОБРАЩЕН В РАБСТВО ВО ВРЕМЯ СВОЕЙ СВАДЬБЫ

¹ В этой повести рассказывается об одном эпизоде из жизни Сундарара на земле, где он родился после изгнания с Кайласы.

² Кондрей — дерево *Cassia marginata*.

³ Тирунавалур («Священный Навалур») — город и храм вблизи Арура.

⁴ Впоследствии Сундарар стал великим поэтом земли тамильской, а его святые стихи «спасли греховный мир».

⁵ Намби Аруран — букв. «Намби — житель Арура»; Арур (или Тируварур — «священный Арур») — небольшой город, находившийся в старой дельте реки Кавэри. Одно время, в раннем средневековье, Арур был столицей царства Чола.

⁶ Пять видов оружия бога Вишну — это *Шанкха* (раковина, в которую дуют во время боя для устрашения врагов), *Ваджра набха* (метательный диск), *Гада* (палица), *Сарнга* (лук) и *Кхадга* (меч).

⁷ Очевидно, имеется в виду Тирумунейпади — одно из вассальных княжеств царства Чола.

⁸ Шастры — здесь: книги, относящиеся к *смрити* (см. прим. 30 к. 1).

⁹ Лакшми — жена Вишну, богиня красоты и счастья.

¹⁰ Путтур («Новый город») — брахманский квартал Арура.

¹¹ *Готра* — род в древней и средневековой Индии. (Это слово употребляется в основном, когда речь идет о брахманских родах как наиболее стойких и древних).

¹² Поскольку и жених и невеста были брахманами, принадлежащими, очевидно, к одной *готре*.

¹³ То есть к родителям Сундарара. Упоминание событий о которых будет идти речь лишь в дальнейшем, очень часто встречается в тамильских *пуранах*.

¹⁴ Имеется в виду царское воспитание Сундарара.

¹⁵ Конгу. — малабарское железное дерево, *Hopea parviflora*.

¹⁶ *Пандар* (или *панда*) — род шатра на высоких столбах, устраиваемого для празднеств и сборищ.

¹⁷ Намек на обстоятельства жизни Сундарара на Кайласе, о которых рассказывается в предыдущей легенде.

¹⁸ Ахил — орлиное дерево, *Aquilaria agallocha*.

¹⁹ Кунгума — индийский шафран, *Crocus sativus*.

²⁰ Здесь имеется в виду следующий пуранический эпизод. У одного великого брахмана по имени Дакша была дочь, являвшаяся земным воплощением Парвати. Когда она достигла брачного возраста, отец пожелал выдать ее замуж за одного брахмана, но дочь, будучи пылко влюблена в Шиву, отвергла этот брак, за что была изгнана отцом из дому. Шива, внезапно явившись, сочетался с ней браком против воли отца. Дакша решил устроить празднество по случаю жертвоприношения богу Вишну и пригласил к себе всех ведийских богов. Тогда Шива нагрянул к нему во главе войска полубогов и разгромил Индру, Яму и других ведийских богов, созданных на празднество.

²¹ То есть невеста получила такого прекрасного жениха за благие деяния, совершенные ею в прошлых рождениях.

²² Автор здесь говорит о своей священной религиозной миссии рассказчика.

²³ *Дхоти* — индийская национальная одежда — кусок материи, пропускаемый между ногами и завязываемый узлом у пояса.

²⁴ Здесь вновь подчеркивается, что Шива был древней вед и являлся их автором.

²⁵ Имеется в виду Сундарар.

²⁶ Эпитет Сундарара.

²⁷ Житель Навалура, т. е. Сундарар.

²⁸ В этой строке, очевидно, содержится двойной смысл. Во-первых, Шива говорит, что не следует считать знающим человека (а тем более брахмана), который не знает, что разговаривает со своим богом, и, во-вторых, здесь подразумевается, что знающим может быть только брахман, а Сундарар, став рабом, теряет брахманскую варну.

²⁹ Эпитет Шивы.

³⁰ Навалар («великий поэт») — эпитет Сундарара.

³¹ Веннейналлур — небольшой город, находящийся примерно в 10 км северо-восточнее Арура.

³² По индийским средневековым законам иск должен был разбираться *панччатом* (советом старейшин) того города (точнее, той общины), где проживает истец.

³³ *Айя* («О брахман!») — восклицание, употребляющееся при обращении к старшему.

³⁴ Эпитет Шивы, показывающий его обособленное положение среди других богов; вместе с тем это слово подчеркивает его противопоставление Сундарару, который пришел в собрание в окружении многих родственников и близких.

³⁵ *Майя* — одно из основных понятий в ведийском и индуистском мировоззрении. Первоначально это слово обозначало «изменение», «превращение», далее оно стало обозначать, с одной стороны, божественную мощь или волшебную, магическую силу, могущую вызвать эти изменения и превращения, а с другой стороны, то, что подвержено действию такой силы, т. е. весь мир природы, весь «изменяю-

щийся мир». Наконец, развиваясь в первом направлении, *майя* превратилась в понятие творческой силы, энергии бога, а развиваясь во втором, стала понятием, охватывающим все нереальное, иллюзорное, противостоящее вечному, непреходящему, т. е. душе и богу.

В шиваизме *майя* фигурировала как женское половое начало, как женская половая энергия бога Шивы (сам же Шива выступал в трех своих проявлениях — мужском, женском и среднем — и назывался соответственно Шива, Шива́ и Шивам).

³⁶ «Двойность» можно понимать как в смысле «хорошее и дурное» (т. е. как «хорошие и дурные последствия»), так и в смысле «настоящее и будущее»; здесь, очевидно, выступает как юридическая формула типа «в ясном уме и твердой памяти».

³⁷ Здесь опять явление «будущего в прошлом», поскольку «сумасшедшим» Шиву назвал не дед Сундарара, а он сам. Вместе с тем очевидно, что задолго до Сундарара слово «сумасшедший» являлось стандартным эпитетом Шивы.

³⁸ Тируваруттурей («Прибежище милости священной») — знаменитый шиваитский храм, находящийся на окраине Веннейналлура.

³⁹ То есть Шива явился Сундарару в своем обычном образе — вместе со своей женой Парвати, сидя на буйволе Нанди.

⁴⁰ Согласно индуистским представлениям, все небесное пространство заполнено чудесными звуками, не слышимыми людьми.

⁴¹ Эпитет Сундарара.

⁴² Имеется в виду первая поэма Сундарара, вошедшая в сборник *Теварам* (см. предисловие).

V. ПОВЕСТЬ ОБ ОТШЕЛЬНИЦЕ КАРАЙККАЛ

¹ Очевидно, поэтесса Карайккал жила задолго до Сундарара, посвятившего ей один стих.

² Карайккал (Карикал) — позднее одна из первых французских колоний в Индии. Теперь — город и порт, расположенные в 150 км к югу от Пондишери.

³ Негапаттинам — город, расположенный на Коромандельском побережье, несколько южнее Пондишери.

⁴ «Дочь гор» (Парвати) — один из эпитетов жены Шивы.

⁵ Алангаду — селение, расположенное в 50 км к западу от Мадраса.

VI. ИСТОРИЯ КОВАЛАНА И КАННАХИ

¹ Чола — название страны и правящей династии (см. предисловие).

² Кавэрипумпаттинам («Город — цветок реки Кавэри»), иначе Пухар («Город в устье») — город на Коромандельском побережье; в древности был его основным торговым портом.

³ В стране тамиллов *иппарами* назывались мелкие торговцы, в частности торговцы съестными припасами (особенно молоком и маслом), *кавинпарами* назывались более богатые купцы, а *перунгудиярами* — представители старых городских купеческих родов, издавна ведших торговлю с иноземными царствами.

⁴ По-видимому, здесь идет речь о буддийских или джайнских бродячих аскетах. Последние, согласно уставу, не могли просить подаяния, а должны были ждать, пока им будет оказано гостеприимство.

⁵ Индра — один из главных ведийских богов. В ведийской мифологии фигурировал прежде всего как владыка атмосферы, потрясающий дождем и другими атмосферными явлениями. Индра представлялся индийцам как грозный бог-громовержец, несколько схожий с Зевсом древних греков.

⁶ *Вина* — струнный инструмент древней Индии, род лютни.

⁷ Предчувствие возмездия за зло, содеянное в прошлых рожденьях, довольно часто фигурирует в завязке сюжетов тамильских легенд, как и предчувствие воздаяния.

⁸ У древних индийцев сутки делились на восемь вахт по три часа. Последняя вахта — с 3 до 6 часов.

⁹ Букв.: «отшельница, принадлежащая к секте почитателей *архатов*» (*архаты* — мифические пророки, основатели джайнской религии).

¹⁰ Арангам находился на маленьком островке наносного происхождения в нижнем течении реки Кавэри.

¹¹ Урейур — небольшой город в штате Тамилнад вблизи Тричиполи. После гибели Кавэрипумпаттинама долгое время был столицей древнего царства Чола.

¹² Мадирпурам — пригород древней Мадур.

¹³ По древнеиндийской социальной иерархии *вайшьи* (к которым принадлежали Ковалан и Каннахи) шли вслед за варной кшатриев (воинов). Брахманская традиция считала, что только члены первой варны, брахманы, могут как должно выполнять ежедневные обряды во всей их полноте.

¹⁴ Бетель — ползущее растение, листья которого жуют, смешивая с гашеной известью, орехами арековой пальмы и т. п. Бетель имеет приятный освежающий вкус.

¹⁵ О карме см. прим. 34 к I.

¹⁶ О предчувствии свершения закона *кармы* см. прим. 7.

¹⁷ По пураническому преданию, сыновья Индры обладали способностью становиться невидимыми.

¹⁸ Бог Вишну, согласно пуранической мифологии, появляется на земле последовательно в десяти воплощениях. Эти воплощения: Матсья (рыба — знаменует как бы начало эволюции мира после очередного потопа), Курма (черепаха), Вараха (человек-вепрь), Нарасинга (человек-лев), Вамана (карлик), Парашурама (Рама, убивающий топором многорукое чудовище), герой Рама, бог Кришна, родившийся на земле среди пастухов, Будда и Калки, который придет в конце эры зла, чтобы уничтожить варваров и злодеев.

¹⁹ Здесь восхваляются подвиги великого героя Рамы (седьмое воплощение Вишну), победившего демона Равану, царя Ланки (Ланка — остров Цейлон).

²⁰ Черный принц, принц Майи — эпитеты Кришны (восьмое воплощение Вишну).

²¹ Кришна убил своего коварного двоюродного дядю Кансу (царя Матхуры) и принес весть об этом своим шести братьям, замученным Кансой и томящимся в аду.

²² Нараяна («Шествующий по водам») — одно из имен Вишну.

²³ Сандаловый порошок широко употреблялся при жертвоприношениях.

²⁴ Эпитет царей династии Пандиев.

²⁵ Сварга — рай, небесное царство бога Индры.

²⁶ Патини — добродетельная жена, верность и преданность которой своему мужу являются образцом для всех людей и богов.

²⁷ По древнейшим представлениям южноиндийских племен, кроме небесных богов, существовали еще духи-покровители места. Позднее, после разделения древнеиндийского общества на четыре варны, каждая варна имела в данном месте (городе, селении) своего *бхуту*, называемого Варнабхута. *Бхуты* в индуизме — вообще духи, стихии, одна из 18 разновидностей сверхъестественных существ.

²⁸ Сингапур и Кабилапур — два города, находившиеся в древнеиндийском царстве Калинга (совр. штат Андра).

²⁹ Венга — дерево кино, *Pterocarpus marsupium*.

³⁰ Здесь не имеется в виду определенная географическая область. Скорее, речь идет вообще о горной местности. По древней тамильской классификации существует четыре разновидности ландшафта, на фоне которого происходит действие, описываемое в литературном произведении: лесной ландшафт, горный, речной или болотистый и морское побережье.

³¹ Четыре рода древнеиндийского войска — это пехота, кавалерия, боевые колесницы и боевые слоны.

³² Анга — одно из государств древней Индии (совр. штат Западная Бенгалия).

³³ Ваньджи — древняя столица царства Чера (совр. Карвар).

³⁴ Чаттанар (или Чаттан) — могущественное местное божество. Впоследствии на юге этим именем стали называть и Будду.

³⁵ Коркей — древний портовый тамильский город, находившийся в устье реки Тамбиранару (совр. округ Тиннивели штата Тамилнад). Одно время Коркей был столицей царства Пандиев.

³⁶ Конгу — древнее тамильское царство, включавшее юго-восточную часть штата Майсур и округа Коимбатур и Салем штата Тамилнад.

³⁷ Гаджабаху — царь Цейлона. По данным цейлонской буддийской хроники Махавамса, Гаджабаху жил в II в. н. э. Упоминание об этом царе — единственное место в поэме, являющееся основой для приблизительной датировки действия этой легенды.

VII. ПОВЕСТЬ О МАНИМЕХАЛЕИ, ДОЧЕРИ КОВАЛАНА

¹ Агаттия (или Агастья) — мифический мудрец и волшебник одно время, очевидно, обожествлявшийся на юге. Древняя тамильская литературная традиция приписывает ему создание первой тамильской грамматики. См. также предисловие.

² Котраван — мифический древний тамильский царь.

³ Асура — в ведийской мифологии «антибожество»; употреблялось как эпитет Агни, Варуны, Индры и ряда других богов. Позднее, в санскритских *пуранах*, асуры фигурируют как демоны, злые духи, постоянно вступающие в борьбу с богами и людьми, почитающими богов. В индуизме асуры — одна из 18 разновидностей сверхъестественных существ и небожителей.

⁴ Речь идет об избавлении от рождений как единственным пути к устранению страдания. В раннем буддизме страдание считалось сущностью существования в мире рождений и смертей, а блаженство — сущностью освобожденного состояния (нирваны).

⁵ *Видьядхара* («носитель знания») — в индуистской мифологии божество, принадлежащее к одной из разновидностей небожителей низшего порядка. Царство *видьядхар* помещалось между землей и миром богов. В санскритских *пуранах* *видьядхары* фигурировали как слуги бога Индры. О них рассказывалось, что они по желанию могут изменять свой облик и быстро перелетать с места на место. *Видьядхарам* приписывалось желание обладать земными женщинами. Позднее *видьядхарам* стала приписываться функция полубогов-служителей Шивы в его обители в Гималаях.

⁶ Карикалан — мифический тамильский царь, один из первых царей династии Чола.

⁷ Шанбай — небольшой город в Танджурском округе штата Тамилнад.

⁸ В следующем трехстишии речь идет о будде, но не о конкретном историческом Будде Готаме, а о человеке, являвшемся идеалом буддийского учения *махаяна* («большой путь»). Этот человек назывался *бодхисаттва*; он не стремился к достижению *нирваны*, а добивался совершенства, достаточного для перехода в такое состояние, стигнув совершенства, достаточного для перехода в такое состояние, из сострадания к живым существам оставался среди них, рождаясь вновь и вновь, чтобы помочь им всем достичь такого же совершенства.

⁹ *Гуна* — основное качество «материального мира вечно изменяющейся природы» (по древнеиндийским представлениям включающего в себя и психику). *Гун* три: *саттва* (ясность, светлость, истинность), *раджас* (страстность, активность) и *тамас* (затемнение, неведение, инертность).

Согласно буддийской этической концепции, тремя наибольшими ценностями «мира *гун*», называемыми *три драгоценных камня*, являются Будда, *дхарма* (буддийское учение) и *санга* (буддийская община).

¹⁰ Согласно психологическим представлениям *махаяны*, *бодхисаттва* знает о том, что с ним было во всех его прежних рождениях.

¹¹ Хрустальный дворец, по местным поверьям, был силой волшебства возведен на месте, где Будда оставил след своих ног.

Таких «святынь следов Будды» было очень много в древней и раннесредневековой Индии.

¹² *Ашрама* — период жизни брахмана. В «Законах Ману» (см. прим. 8 к I) жизнь брахмана описывается как состоящая из четырех *ашрам*: ученичество, жизнь главы семьи, лесное отшельничество и жизнь бродячего аскета, полностью порвавшего со всем мирским (в том числе и со своей варной, ее обычаями и обрядами).

¹³ Кали — одна из манифестаций супруги бога Шивы; в индуистской мифологии богиня несчастья, смерти и болезней. На юге образ Кали связывался и частично отождествлялся с древнейшими злыми женскими божествами.

¹⁴ По древнейшим дравидийским поверьям, на кладбищах жили духи, питающиеся мясом мертвецов.

¹⁵ *Капалики* — одна из шиваитских сект, почитающая женскую половую энергию бога Шивы (см. прим. 35 к IV). Согласно предст-

лениям *капаликов*, девушка, не знаящая мужчины, не могла после смерти продолжать существование, поэтому у представителей этой секты нарушение девственности мертвых девушек входило в погребальный обряд.

¹⁶ По древнейшим дравидийским поверьям, души девушек, умерших до замужества, жаждут общения с мужчинами. Эти фантастические образы весьма схожи с виллисами раннесредневековой кельтской демонологии.

¹⁷ Кумиль — кашемировое дерево, *Gmelina Asiatica*.

¹⁸ Кавир — индийское коралловое дерево, имеющее ярко-алые цветы.

¹⁹ Об *асурах* см. прим. 3.

²⁰ Ашвины — прекрасные братья-близнецы, боги утренней зари ведийской мифологии.

²¹ Майян — *асура*, зодчий и строитель небесного мира. В древнеиндийской эпической поэме *Махабхарата* упоминается как создатель дворца Пандавов. В тамильской мифологии Майян фигурирует как создатель хрустального дворца и других буддийских святынь.

²² *Поджана* — мера длины, ок. 23 км.

²³ Насилие над отшельницей считалось особенно тяжелым грехом.

²⁴ Речь идет о касте, точнее, подкасте *перунгудияров*, к которой принадлежал Ковалан.

²⁵ Ясодхара — город в древнеиндийском царстве Анга.

²⁶ Каччхая — столица древнеиндийского царства Анга (см. прим. 32 к V).

²⁷ Этот эпизод как бы завершает экпозиционную часть легенды, содержащую сведения о прежних рождениях ее основных персонажей.

²⁸ Буддха-Пидика — отпечаток стоп Будды, почитаемый как святыня.

²⁹ Здесь имеется в виду древний индийский обычай обходить святыни и изображения божеств по часовой стрелке.

³⁰ Гандхара — древнее название страны, расположенной на западном берегу реки Инд; Пурва — древнеиндийское царство, занимавшее часть Гандхары.

³¹ На позднем периоде развития буддизма *махаяны*, отраженном в *Манимехалей*, буддийские святыни почитаются как персонифицированные божества.

³² Джамбудвипа («Остров Джамбу») — древнее название Индии.

³³ Аванти — древнейшее название города Удджайна (одного из семи священных городов Индии) и окружавшей его страны.

³⁴ Закон (*дхарма*) у буддистов фигурировал одновременно как «буддийское вероучение», «религия» и как «действительность», «существование». Колесо закона (*Дхармачакра*) — в представлении буддистов та моральная сила, тот нематериальный механизм, который приводит в движение все сущее, объединенное причинно-следственной связью. Эта моральная сила воплощена в буддах, *бодхисаттвах* и великих подвижниках буддизма.

³⁵ См. прим. 34 к I. Эта фраза буддийского *мунни* означает, что данное деяние, присовокупившись к тем благим деяниям, которые еще будут совершены Лакшми в ее будущих рождениях, приведет наконец к освобождению от рождений вообще как к высшему воздаянию.

³⁶ Память о прошлых рождениях, согласно древнеиндийским представлениям, может проявляться как тяготение к тем людям, с которыми в прежнем рождении человек был связан.

³⁷ Падапангаджа — гора близ Раджагрихи, древней столицы царства Магадха.

³⁸ О дереве калыпака см. прим. 7 к III.

³⁹ Двипатимака — имя женщины-охранительницы святыни Буддха-Пидики.

⁴⁰ Ратнадвипа («остров — драгоценный камень») — один из больших островов близ Цейлона.

⁴¹ «Море рождений» — существование, в котором действует закон *кармы*. «Тот, кто море рождений смог пересечь» — эпитет Будды.

⁴² То есть в награду за поклонение Будде.

⁴³ Царь богов — эпитет Индры. Индра, как и другие боги ведийского пантеона, в буддийской мифологии занимал подчиненное положение.

⁴⁴ Царь *дхармы* — эпитет Будды.

⁴⁵ *Амудасурабхи* — в древнеиндийской мифологии рог изобилия.

⁴⁶ Дерево Боддхи («дерево познания») — дерево, под которым сидел, по преданию, Будда. «Господин древа боддхи» — эпитет Будды.

⁴⁷ Араванан — буддийский аскет. После убийства Ковалана он успокоил Мадави и обратил ее в буддизм.

⁴⁸ Очевидно, только великий аскет мог обладать даром знания прежних рождений.

⁴⁹ Здесь *дхарма* употребляется, скорее, в значении «справедливость», «справедность».

⁵⁰ Согласно буддийским представлениям, богу было еще трудней, чем человеку, стать буддой, «просветленным духовно»; во всяком случае для этого ему было необходимо родиться в мире людей.

⁵¹ *Магараджики* — в индуистской мифологии класс второстепенных божеств.

⁵² Буддизм *махаяны* допускал рождение бесконечного количества будд во вселенной.

⁵³ Летосчисление, по которому ведется отсчет, не установлено.

⁵⁴ Супружеская измена у брахманов считалась таким страшным грехом, который едва ли можно было искупить ценой паломничества к мысу Коморин, считавшемуся одним из наиболее почитаемых священных мест в Индии.

⁵⁵ Ваянаганду — небольшой город в царстве Пандия. Отождествить его с каким-либо нынешним городом или селением не удалось.

⁵⁶ Сарасвати — в индуистской мифологии жена бога Брахмы, богиня мудрости, наук и искусств.

⁵⁷ Савака — древняя страна племени *нагов* в юго-восточной Индии. Ее столицей был Нагапурам.

⁵⁸ Согласно психологической концепции буддизма *махаяны*, последняя мысль человека перед смертью оказывает определяющее влияние на его жизнь в следующем рождении.

⁵⁹ По ведийской мифологии «золотое яйцо» было зародышем бога Брахмы. В индуистской мифологии с золотым яйцом связывалось рождение многих богов и мудрецов.

⁶⁰ Вайкаси — название тамильского месяца, соответствующего июню.

⁶¹ Кандирпавей — столбообразное изображение бога Дватики, являющееся оракулом в Чакравалакоттаме.

⁶² Нагапурам — см. прим. 57.

⁶³ Очевидно, *наги* в данном случае не обозначает определенного имени; скорее, это слово можно понять как «дикари», «варвары».

⁶⁴ Обряд самосожжения вдов не являлся ни ведийским, ни древнеиндустским. Он существовал в Индии в средние века главным образом среди брахманов.

⁶⁵ Самыми страшными видами осквернения для брахмана считались: мясо, алкогольные напитки и половое общение с женщиной той же касты.

⁶⁶ Орлиное дерево (ахил), *Aquilaria agallocha*.

⁶⁷ Здесь под словом «мудрость» подразумевается способность видеть то, что было в прежних рождениях.

⁶⁸ Парашурама — см. прим. 18 к VI.

⁶⁹ Дурга — одно из имен богини Кали (см. прим. 13).

⁷⁰ В древней Индии существовал обычай, по которому личная жизнь царей состояла из молодых женщин.

⁷¹ Здесь содержится намек на древнейшее ведийское представление о необходимости иметь потомков, чтобы они своими жертвами поддерживали существование умершего в мире богов.

⁷² Отдача богатства, по буддийским представлениям, также приносила благой плод в будущем рождении.

⁷³ Причинение боли корове считалось одним из самых тяжких грехов в средневековой и древней Индии.

⁷⁴ Пунней — дерево *Calophyllum inophyllum*.

⁷⁵ «Цари солнечной династии» — эпитет царей династии Чола.

⁷⁶ В этих стихах дается формулировка буддийского «закона зачатия».

⁷⁷ Тотти — тамильская каста земледельцев и мелких торговцев.

⁷⁸ См. «Историю Ковалана и Каннахи».

⁷⁹ «Четыре благородные истины», лежащие в основе учения раннего буддизма, следующие: 1) существует страдание, 2) страдание имеет причину, 3) страдание может быть прекращено, 4) существует путь, ведущий к прекращению страдания.

⁸⁰ Вихара — буддийский или джайнский монастырь или культовое сооружение. Создание некоторых из *вихар* народное воображение приписывало богу Индре. По преданию, в Кавэрипумпаттинаме было семь *вихар*, из них семь буддийских.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Повесть о заколдованных шакалах и царском советнике Вада- вуране	21
1. О том, как Вадавуран рос, как он возвысился при дворе царя, и о том, как он отправился в дорогу и прибыл в Перунтурей	21
2. О том, как явился Вадавурану Шива и как ис- чез неожиданно	25
3. О том, как Вадавуран сердцем своим искал Шиву и как Шива, явившись, пообещал доставить коней	27
4. О том, как царь Пандий спросил: «Где же кони?» О том, как кони прибыли в столицу, и о неизвест- ном, что привел их	32
5. О том, как исчезли кони	37
6. О том, как носили песок на плотину	39
Повесть о бедном брахмане Дхарми и о споре по поводу запа- ха женских волос	45
Повесть о том, что произошло на священной горе Кайласе	50
Повесть о том, как Сундарар был обращен в рабство во вре- мя своей свадьбы	54
Повесть об отшельнице Карайккал	73
История Ковалана и Каннахи	78
Повесть о Манимехалей, дочери Ковалана	97
1. О том, что случилось с юной Манимехалей через много лет после смерти ее отца в том же горо- де, где он жил, и в тот же день, в который нача- лись его несчастья	98
2. Рассказ Судамати о том, что с ней произошло в городе Шанбай	102
3. Рассказ о месте Чакравалакоттам, ранее называе- мом «Местом сожжения трупов»	103
4. О том, как Судамати узнала тайну своего прош- лого рождения	106
5. О том, что случилось с Манимехалей на острове	108
6. Рассказ о том, что произошло некогда с Лакшми и принцем Рагулой	109
7. О том, как Манимехалей получила волшебный со- суд и вернулась к себе в город	111

8. Рассказ о чаше Амудасурабхи и о мудреце Апут-тиране	114
9. Рассказ о праведнице Адирей и ее муже, брахмане Сатуване	120
10. Рассказ о том, за что была Кайячандихей наказана муками вечного голода	123
11. О том, как принц вновь стал преследовать девушку и как он погиб страшной смертью	124
12. Рассказ о том, за что Удайкумарана дважды постигла страшная смерть	128
13. Рассказ о том, что прежде случалось в городе по причине любовной страсти	130
14. О том, как царица пыталась погубить Манимехалей	133
15. О том, как Бхумичандра также посетил остров Манипаллавам, и о том, как он увидел свой труп	138
16. О том, как закончилась история Манимехалей в этом ее рождении	140
Примечания	144

ПОВЕСТЬ О ЗАКОЛДОВАННЫХ ШАКАЛАХ (древние тамильские легенды)

Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук Академии наук СССР

Редакторы И. Л. Елевич и Р. А. Кушнирович
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Э. Ш. Язловская
Корректоры И. Г. Морская и Р. П. Ословат

Сдано в набор 10/VII-1963 г. Подписано к печати 3/X-1963 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Печ. л. 5 Усл.-печ. л. 8,2 Уч.-изд. л. 8,46 Тираж 33 000 экз. Зак. 887
Цена 45 коп.

Издательство восточной литературы. Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография Издательства восточной литературы
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
Люберцы, Октябрьский просп., д. 403. Заказ 5168